

ПИОНЕР 4

АПРЕЛЬ ● 1978 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

С КОМСОМОЛЬСКИМ БИЛЕТОМ

1918—1978

25 АПРЕЛЯ ОТКРЫВАЕТСЯ XVIII СЪЕЗД ВЛКСМ

З. Г. НОВОЖИЛОВА,
секретарь ЦК ВЛКСМ

Вместе с партией, вместе с народом

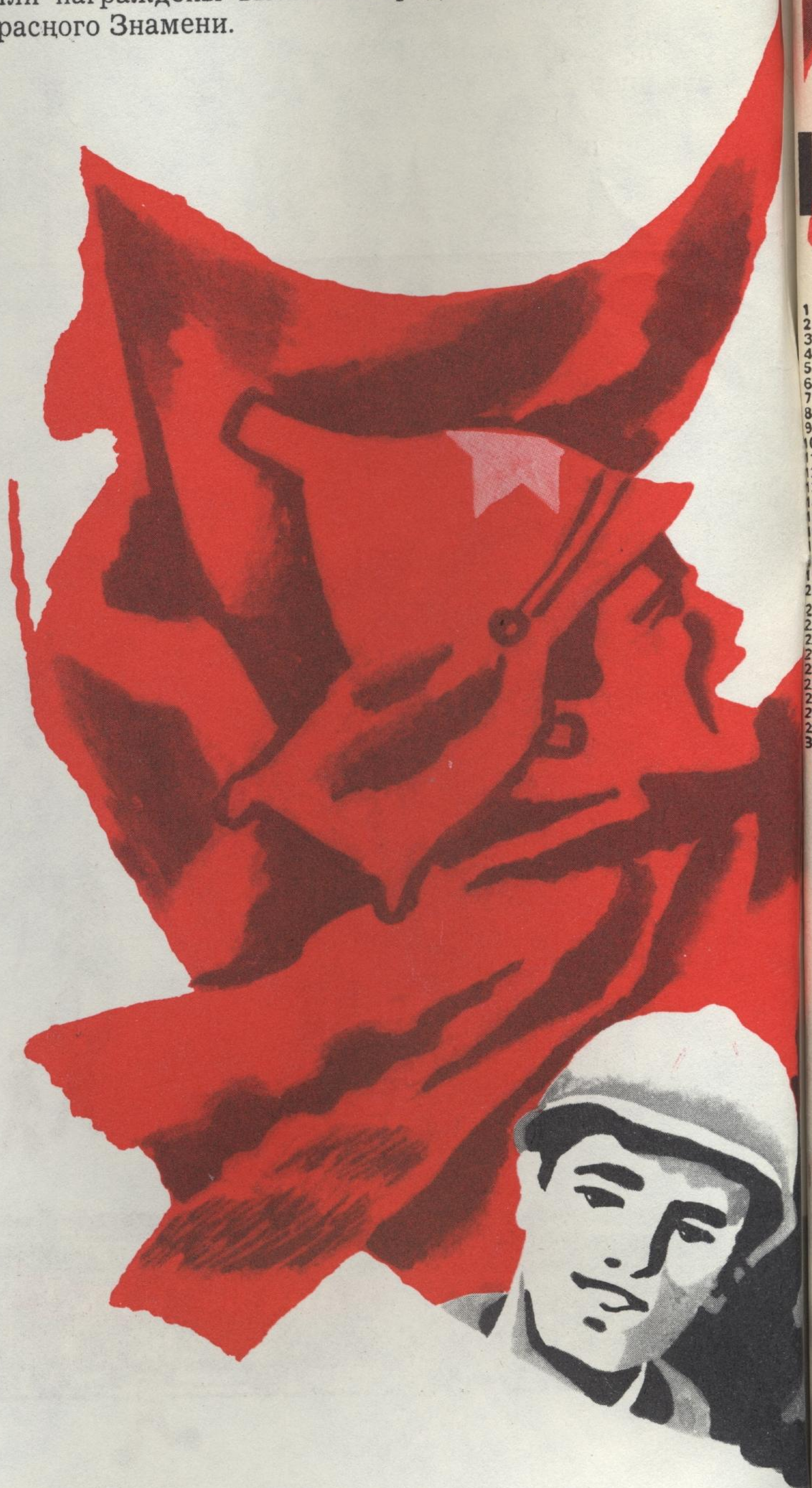
У вашего вожатого на груди комсомольский значок с силуэтом вождя Революции — Владимира Ильича Ленина. Такие же значки у ваших старших братьев и сестер.

Комсомольцев сегодня можно встретить повсюду: на атомоходе «Арктика», который преодолел ледяную преграду и достиг Северного полюса, на колхозных полях, у сложных современных станков, в отряде космонавтов, на государственной границе СССР, где днем и ночью стоят на страже мирной жизни наши отважные пограничники. Все эти юноши и девушки разные по характеру, по своим увлечениям и занятиям, но есть у них общее: вступая в комсомол, они дали клятву быть верными заветам Ленина, крепко любить и беречь нашу Родину, быть в первых рядах строителей коммунизма.

Все комсомольские поколения были верны своей клятве. «...Мы не уроним знамени Ленина», — говорилось в Манифесте VI Всесоюзного съезда РЛКСМ. На этом съезде комсомол принял имя вождя нашей партии и государства. История показала, что молодые строители коммунизма всегда высоко и достойно несли Красное знамя, учились по-ленински жить, учиться, трудиться и побеждать.

В этом году исполняется 60 лет Всесоюзному Ленинскому Коммунистическому Союзу Молодежи. Он родился в огне революции и гражданской войны. Юные красногвардейцы шли на штурм Зимнего в Петрограде, воевали в Первой конной Буденного, брали Перекоп и Волочаевку.

В те годы в красноармейских рядах сражался ваш любимый писатель — Аркадий Гайдар, арзамасский комсомолец. В те огненные годы молодым людям вместе с комсомольским билетом нередко вручался наган или винтовка и патроны к ним. «Райком закрыт, все ушли на фронт» — можно было прочесть на дверях многих райкомов комсомола. Пять тысяч отважных сыновей и дочерей нашей страны за героизм и мужество были награждены высшей наградой — орденом Красного Знамени.

В бою и труде мужал комсомол. Теперь вы только по книгам и кинофильмам можете представить, какие трудности пришлось преодолевать тем, кто в степи на Волге построил тракторный завод, кто с киркой и тачкой возводил Магнитку, прокладывал стальные рельсы Турксиба, создавал на селе первые колхозы.

Героическое время рождало героические биографии. Все вы читали замечательные книги «Как закалялась сталь» Николая Островского, «Молодая гвардия» Александра Фадеева. Читали, наверное, и повесть Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке». Читали и за-

60 ЛЕТ

Рисунок А. БОРИСОВА

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

АПРЕЛЬ 4

Москва 1978 г.
Издательство «Правда»

думывались: что давало силы Алексею Петровичу Маресьеву преодолеть все трудности на своем пути? Тяжелораненому ползти через линию фронта, потом вернуться в строй, летать на боевой машине и сбивать фашистов на Курской дуге! Любовь к Родине, ненависть к врагам, стремление снова стать в строй борцов. Эти качества воспитала в нем наша жизнь, советские люди и, конечно, комсомол.

Восемнадцатилетним комсомольцем уехал Алексей в далекую тайгу на Амур, чтобы вместе с другими строить завод, новый город. Было нелегко. Но Алексей Маресьев не испугался трудностей, суровой жизни в палатках, ночной работы на морозе. Там закалился характер комсомольца Маресьева, и, впоследствии на фронте он не раз с благодарностью вспоминал суровую школу, которую прошел на строительстве Комсомольска.

Ваш отряд идет по дорогам Великой Отечественной войны. Вы находите неизвестных героев, бережно ухаживаете за братскими могилами и памятниками воинам. Память о великом подвиге нашего народа, о подвигах советской молодежи живет в наших сердцах. В грозные военные годы в комсомол вступило более пяти миллионов человек, тех, кто первым шел в атаку, в разведку в тыл врага, кто у станка заменял отца.

Наш союз молодежи — и это нужно понять всем, кто хочет носить на груди комсомольский значок, — не дает права на спокойную, тихую жизнь, не дает никаких привилегий и преимуществ. Он дает право всегда быть впереди, вести за собой других, дерзать, творить, закалять свою волю и характер, быть первопроходцем.

Девиз нашего союза, его главный закон жизни, был, есть и остается — вместе с партией, вместе с народом!

Вспоминаются незабываемые минуты XVII съезда комсомола. 27 апреля 1974 года прямо из Кремлевского Дворца съездов первый отряд строителей отправился на строительство магистрали века — Байкало-Амурской железной дороги.

«Мы твердо уверены, что комсомольцы, молодежь внесут свой достойный вклад в эту грандиозную стройку, — сказал на комсомольском съезде товарищ Леонид Ильич Брежнев. — Эстафету Комсомольска-на-Амуре, Магнитки, Турксиба, Днепрогэса и целины, Братска и КамАЗа они пронесут по новым, еще не освоенным просторам Сибири».

Строительство БАМа стало ударным делом комсомола. Вы тоже помогаете строить БАМ: собирали металлолом для рельсов, собираете его теперь для поездов. Посылаете в школы новых поселков библиотеки, переписываетесь всем отрядом со строителями. Это все очень важные и нужные дела. Участвуя в них, вы глубже понимаете, что такое быть впереди других, как преодолевать трудности, каждый день приносить пользу своей стране.

Наша страна — огромная стройка. И не огорчайтесь, что без вас начали возводить Атоммаш, что без вас проложили первые сотни километров Байкало-Амурской магистрали, ввели в строй очередную атомную электростанцию. Дел хватит и для вас.

Вы смена комсомола. Вам предстоит осваивать богатства Крайнего Севера и Сибири, выращивать богатые урожаи в Нечерноземной зоне нашей страны, охранять природу, строить умные машины и космические корабли, бороться с болезнями, создавать новые произведения искусства и литературы.

Вам предстоит жить в XXI веке, и каждый из вас уже сегодня должен активно готовиться к жизни и труду в грядущем веке.

В. И. Ленин мечтал, чтобы каждый из вас вырос настоящим коммунистом, борцом за главную цель нашей родной партии, нашего народа — построение коммунизма.

Вот почему мы ждем вас в Коммунистическом Союзе Молодежи. Вы приумножите здесь те знания, которые приобрели в пионерские годы, научитесь активно трудиться на благо Родины, закалите свою волю, вырастите физически крепкими, готовыми в любую минуту встать на защиту нашего социалистического Отечества. Не теряйте времени зря — обогащайте свою память новыми знаниями, побольше читайте, ходите в походы, помогайте взрослым в делах десятой пятилетки.

Иногда можно услышать такой вопрос: «А как готовиться в комсомол?»

Некоторые ребята из седьмых-восьмых классов понимают это так: изучил Устав ВЛКСМ, прочитал книги о комсомоле и вроде бы подготовился. Безусловно, каждый пионер, решивший вступить в ряды ВЛКСМ, должен знать Устав комсомола, его традиции и историю, знать заветы Ленина молодежи. Вся ваша «пионерская биография», ваше ответственное отношение к учебе, труду, общественным поручениям должны говорить о том, что вы подготовили самого себя к высокому званию комсомольца.

Помните, что с комсомольским билетом сражались Зоя Космодемьянская и Олег Кошевой, совершали свои космические полеты Юрий Гагарин и Владимир Комаров, добилась трудовых рекордов Валентина Голубева. А сегодня 36 миллионов юношей и девушек с комсомольскими билетами активно помогают нашей Коммунистической партии во всех ее свершениях.

Новая Конституция СССР открывает перед молодежью широкие горизонты, дает огромные права. Ленинский комсомол может отныне вносить на рассмотрение высшего органа Советской власти новые законы. Во всем этом проявилась забота партии о молодом поколении, вера в его творческие силы.

25 апреля откроется XVIII съезд комсомола. Делегаты съедутся в Москву, чтобы рассказать, что сделано комсомолом за прошедшие четыре года, наметить новые планы. Вы, юные пионеры, — смена и резерв Ленинского комсомола. Вам нести в грядущие годы эстафету — комсомольскую эстафету подвига. Комсомол верит в вас, надеется на вас и ждет вас в своем боевом союзе.

22 АПРЕЛЯ —
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

Мы верная смена твоя, КОМСОМОЛ!

В день рождения В. И. Ленина на центральной площади города Элиста идет торжественный прием в пионеры.

В год 60-летия комсомола 2,5 тысячи пионеров и школьников получили награды ВДНХ СССР.

Создано 75 тысяч школьных музеев революционной, боевой и трудовой славы советского народа.

«БАМу — пионерские поезда!» Собрано 785 тысяч тонн металлолома на 283 поезда.

Сдано государству 550 тысяч тонн бумажного сырья.

На строительство Дворца пионеров в городе Ханое перечислено более 1 миллиона 200 тысяч рублей.

В операции «Зернышко» участвуют 5 миллионов ребят. 20 тысяч работают ежегодно штурвальными на комбайнах.

В школах страны действуют 80 тысяч объединений «Малой тимирязевки».

В отрядах зеленых патрулей — 9 миллионов пионеров.

В отрядах голубых патрулей — 4 миллиона.

В школьных лесничествах — 2 миллиона.

В игре «Зарница» принимают участие 16 миллионов пионеров.

В легкоатлетическом четырехборье «Дружба» участвует около 6 миллионов пионеров.

Каждый третий школьник — участник детской художественной самодеятельности.

С КОМСОМОЛЬСКИМ БИЛЕТОМ

1918—1978

С. ИВАНОВ

Валентина Голубева — ткачиха, государственный деятель, делегат XVIII съезда ВЛКСМ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

№31693093

Фамилия Голубева

Имя Валентина

Отчество Николаевна

Год и месяц рождения 1949 март

Время вступления в ВЛКСМ январь 1964

Комитет ВЛКСМ камвольного комбината Иваново

Ивановская область — орденоносный, текстильный, революционный край. Что ни город — история, величественная, героическая. Стачки иваново-вознесенских и шуйских ткачей. Первый в России Совет рабочих депутатов. Ивановский полк в легендарной дивизии Чапаева. Подвиги Фрунзе, Фурманова...

Сейчас в Ивановской области собраны главные текстильные силы страны — мощные комбинаты с новейшим оборудованием, комбинаты-орденоносцы. Каждый четвертый метр выпускаемой у нас ткани родом из Иванова!

А теперь о героине этого рассказа, Валентине Николаевне Голубевой. Она первой среди советских текстильщиков — за полтора года! — справилась с десятым пятилетним планом, а к 60-летию Октября у нее были готовы уже шесть годовых норм!

Голубева — Герой Социалистического Труда, лауреат премии Ленинского комсомола, награждена орденом Ленина и орденом Трудовой Славы III степени. Леонид Ильич Брежнев дважды поздравлял ее с большими трудовыми победами.

Теперь Валентина Голубева избрана делегатом XVIII съезда ВЛКСМ.

Вот она какая. И все-таки, какая же она?

Нужна особая способность

Говоря о выдающихся ивановских ткачихах, первый секретарь обкома партии Владимир Григорьевич Клюев сказал: «Добиться того, чего добились они, по плечу далеко не каждому. Нужен особый талант, особое трудолюбие, особое отношение к делу».

Я шел к Валентине Голубевой, чтобы спросить ее об этом «особенном» — в чем же секрет?..

И вот я в квартире Голубевых. Меня поят горячим чаем. За столом нас трое: Валя, ее муж Борис и я. В другом углу просторной комнаты семилетний Пашка строит полиэтиленовый самолет.

— Мы с Борей работаем в одном цеху, только в разные смены. Ну, чтобы Павлик один дома не оставался.

— А вы кем работаете, Борис?

— Помощником мастера...

Помощник мастера, он же бригадир, должен быстро наладить станок, устранить поломку. От его работы, от его квалификации во многом зависит и работа ткачих.

И, может быть, добрая обстановка, лад в семье Вали и Бориса Голубевых начинаются как раз с того, что каждый из них уважает в другом высокое умение хорошо работать. А секрет ее успехов связан и с тем, что семья у Вали дружная, крепкая. Большинство моих вопросов, естественно, обращено было к Вале, но то и дело

она как бы сверяла свое мнение с мнением мужа.

— Так ли я, Боря, говорю-то?

Красный косочек

Эти прибавочки — «то» и «ли» — чисто здешние, ивановские. Голубева хоть родом и с Брянщины, однако вся ее трудовая — сознательная! — жизнь прошла именно на ивановской земле: в Шуе — там она училась в ГПТУ — и в самом Иванове, где вот уже двенадцать лет работает на Ивановском ордена Ленина камвольном комбинате имени В. И. Ленина.

Талант быстрой смекалки

— Скажите, Валя, как, по-вашему, для ткацкой работы нужны какие-нибудь особые способности?

— Думаю, как и в любом деле... Еще по ГПТУ помню: иные девчонки всей душой стараются, бьются-бьются, а не выходит! Бросали... А другие бросали, потому что было тяжело. Наша работа требует большой подвижности, ловкости в руках. И чтоб здоровье хорошее. И чтоб сила была. Посмотрите — у нас ткачихи все видные, рослые.

Герой Социалистического Труда Валентина Николаевна Голубева со своей ученицей Светой Ганзенко. Света совсем недавно из ПТУ и уже ударница.

— А что же, Валя, первые свои рекорды вы уже в училище поставили?

— Полно! Я уж и учебу закончила, а сколько еще мучилась, столько плакала. Своего первого поммастера боялась как огня! Так уж старалась, чтоб он был доволен моей-то работой. Я, говорит, из-за тебя недополучаю... У меня, знаете, много потом было наград. Но самую первую я запомнила навсегда — красный косочек ударницы.

«Косочек» — это тоже ивановское «текстильное» словечко. Значит — косынка. Та, что повязывают на голову ткачихи.

— Видели у нас на комбинате, — продолжает Валя, — одни в синих работают, а другие в красных! Я со своим косочком красным с тех пор уж никогда не расставалась. Один изношу, другой дают.

Я смотрю: Валя и сама такая.

— Но главное все же не в силе, — говорит Борис. — Тут нужна особая сметка. Скажем, остановилось несколько станков. Вот работница подошла к одному и завозилась...

— Так что ж поделаешь? Станок-то стоит.

— Нет! — качает головой Валя. — Раз видишь — надолго, иди к другим, их запусти. А то из-за одного сразу три-четыре не работают.

— Вот так и выходит, — заключает Борис, — кому и девяти много, а ей, — он кивает на Валю, — и двадцати восьми маловато! Тут примеров сколько хочешь. Скажем, бобина... Ну, — он

уже чувствует мой вопрос, — ну, что ли сказать, катушка с ниткой. Их на каждом станке не один десяток. Настоящая мастерица всегда помнит, на каком станке какая бобина «доходит», кончается. И вовремя ее заменит. Три-четыре секунды — готово. А неопытная не успеет — обрыв. Тут уже на замену нужно двадцать секунд!

Валя кивает, глядя на мужа. А мне, признаться, немного удивительно: двадцать секунд — ну и что? Вы когда-нибудь засекали этот ничтожный отрезок времени?.. Я гляжу на часы, а хозяева немного удивленно глядят на меня.

— Вот и прошли ваши двадцать секунд!

— Ишь вы какой! — Валя и Борис смеются. — Разговор-то идет не о чаепитии, а о работе!

— Да неужели уж так каждая секунда и рассчитана?

— Ну, каждая не каждая, — говорит Валя, — а все ж моя смена состоит именно из секунд. Операции у нас короткие, быстрые, но их много. За восемь часов одних узелков на оборванных нитях завяжешь больше тысячи. И можно на каждом узелке, на каждом движении и шаге потерять секунду — это очень легко! А можно на каждой операции постараться секунду найти! А то и две, а то и пять! Вот такое наше ткацкое производство — ритм, внимание. Не до перекуров!

Вот почему Вале — пока единственной на камвольном производстве — удается работать на двадцати восьми станках! А недавно она уже перешла на тридцать! Норма при этом — девять...

Голубева на комбинате — первый Герой Социалистического Труда. А в области — шестидесятый. Юбилейный, как шутит Борис. Тысячу метров шерстяной ткани за смену — вот сколько она выдает! Причем ткани шерстяной, самой дорогой, самой лучшей. Это больше, чем на триста костюмов!

Главное

— В чем вы видите основной смысл своей ударной работы?

— Ну, во-первых (правда, это мое личное), люблю работать от души, изо всех сил. А главное... тут, понимаете, дело даже не в количестве продукции, которое выпускаю лично я. Фабрики страны производят миллионы и миллионы километров ткани. Что там метры Валентины Голубевой? Капля в море. Даже для комбината, для цеха не проблема. Три молодые ткачихи дадут продукции еще и больше, чем я. — Валя задумалась. — Но дело как раз именно в том-то и состоит. Я своей работой хочу доказать, что может одна ткачиха, может заменить двух, а то и трех! Нам же по стране так нужны рабочие руки. Везде видишь: «требуется», «требуется», «требуется»! А стоит только каждому из нас начать работать чуть производительней, сразу столько народу высвободится! Работы у нас

А вечером Валентина Николаевна садится к письменному столу: надо подготовиться к занятиям в техникуме, к встрече с избирателями.

много. Но это же и здорово! Здорово самим участвовать в строительстве коммунизма!

Валентину Николаевну Голубеву отличает стремительная, чисто ткаческая смекалка и сноровка, тяга к любимому делу. А еще — умение мыслить широко, по-государственному, за каждым делом видеть масштаб страны.

Сейчас и через двадцать лет

На кухне шумит вода — наверное, немножко громче, чем необходимо. Это Павлик моет свою чашку.

— Мы его не заставляем, — говорит Боря. — Просто видит, что родители не бездельничают, вот и старается. Бывает, конечно, какое блюдце и хлопнет... Мы его никогда не ругаем...

И снова разговор о работе.

— Иной раз спрашивают: мол, нравится ли вам работа... Если не нравится, двенадцать лет не отработаешь! — Валя глянула на мужа. — Да мы и дома — все о работе: как дела да как смена прошла...

В конце прошлого века ивановский писатель Филипп Нефедов в очерках своих рассказывал о ткацких мануфактурах. Жара, духотища, в воздухе щелочь и кислота. У сушильных барабанов — полуголые, чахлые, злые мальчишки. Здесь они и работали по двенадцать часов... «Куда они деваются потом, когда взрослеют?» — спросил Нефедов у хозяина фабрики. «Не знаю, ей-богу! — усмехнулся тот. — Высыхают, что ли...» Царством ситца и чахотки называли тогда ивановский край.

Но пришла революция. Вслед за нею и революция техническая. Условия, в которых работает Валентина Голубева и ее подруги, старым ивановским ткачам и во сне-то не снились! Кстати, характерная деталь. Раньше ткачество было чисто мужским занятием — тяжелая работа. Теперь в цехах почти сплошь одни женщины. Работа им вполне по силам!

— А через несколько лет начнут у нас работать первые фабрики-автоматы!

— Интересно... Но что же тогда станется с ткачихой Голубевой?

— Я техникум кончаю! Считаю это для себя делом очень важным. Даже вот недавно на встрече с ребятами говорю: обязуюсь закончить учебу к дню рождения комсомола... А еще в институт думаю, если... — она подсела поближе к Борису, — если муж поможет...

— Значит, все-таки решили сменить профессию?

— Это как посмотреть!.. Когда я только пришла на комбинат, нам, окончившим десятилетку, говорили: ну, вы с образованием в цеху долго не засидитесь, в начальство убежите. А сейчас все более обычным и все более необходимым становится для любой ткачихи техникум. Современное оборудование, стремительный ритм, ты должна понимать свой станок, так сказать, с полустука... Поэтому очень легко представить себе то недалекое время, когда никому не покажется странной ткачиха с институтом за плечами! Инженер, ткач, — я уверена, — эти понятия как бы сольются. Так ли, Боря?

И муж согласно кивает.

Режим жизни

Мне говорили, что за свои восемь часов ткачиха проходит около тридцати километров. Спрашиваю Валю: неужели правда?

— Мне-то считать не приходилось, — она улыбнулась, — но если верить специальной литературе, так оно и есть.

— Да ведь это большая нагрузка! Вы, наверное, спортом занимаетесь?

В ответ Валя качает головой...

— Перед сном пройтись — вот и весь наш спорт, — отвечает за нее Борис.

Исподволь я осматриваю комнату, где мы разговариваем, здесь только самое необходимое: проигрыватель, телевизор, шкаф с книгами. Может, оттого комната и кажется просторной...

— Валя, а какой у вас режим дня? — Интересно же: режим дня Героя Социалистического Труда!

— Мой режим, — она качает головой, — вряд ли пионерам пригодится. На фабрике три смены. Сейчас я работаю в утро. Значит, встаю в пять. До фабрики, правда, близко. Вернулась со смены, пообедала чем муж угостит... Что вы! Он у нас такой кулинар! Павлик как за стол садится, сразу спрашивает: кто готовил? Папа? Тогда буду... Ну вот, пообедала и в техникум. Он прямо на комбинате. Вечером поужинали, программу «Время» посмотрели, книжку сыну почитали... Вот и все... — На минуту она задумывается. — Ну, еще любим с Борей музыку послушать. Стараемся от литературы не отставать...

Очень мало свободного времени у Валентины Голубевой — как у всех, кто работает и учится. Но работа и учеба еще далеко не все заботы, не все обязанности Валентины Голубевой. Она коммунист, но продолжает оставаться заместителем комсорга цеха. Она депутат областного Совета народных депутатов.

Почетно быть народным депутатом! Почетно, но и трудно. Я спросил у Вали, как она распределяет время в те дни, когда нет техникума. В ответ она стала рассказывать о депутатской работе.

— Строительство, жилищное и культурное — вот о чем у меня сейчас все заботы. Дело это, к сожалению, еще очень трудоемкое, и все же растут в Иванове новые дома! Будет у нас Дворец спорта, легкоатлетический манеж, какого нет во всей стране, университет. Пусть говорят: край текстильщиков — край высокой культуры.

Но и на том не кончаются обязанности перед собою и перед людьми коммуниста Голубевой. Она много выступает. Особенно часто ее просят — перед ребятами. Для тех, кто выбирает путь в жизни, — что может быть важнее и заразительней!

Выступления, встречи, конференции. Все это она успевает в «свободное время». А параллельным курсом — план, личные обязательства. Они огромны: за пятилетку — пятнадцать годовых норм!

Училась, а теперь учу...

«Особое трудолюбие» — как здесь не вспомнить слова секретаря Ивановского обкома В. Г. Клюева... Да, особое! Когда же оно было заложено? Спрашиваю Валю о первых школьных годах, о родителях — ведь очень многое мы берем с собой именно из детства...

— Я всегда в жизни старалась брать пример с отца — сельского фельдшера. Это человек большой культуры, по-настоящему интеллигентный. Помню, что он всегда всех заражал желанием работать, все делать как можно лучше. И еще никогда я не забуду свою первую учительницу, Анну Дмитриевну Савченко...

Пока Валя рассказывает, Борис приносит письма от Анны Дмитриевны. С позволения хозяев я беру одно из них: «Валечка, давно я собиралась поблагодарить тебя за такую чуткость ко мне, за все поздравления, которые я получаю. Много у меня было учеников. Многие пишут и теперь, но самой чуткой, самой доброй всегда оставалась ты. Ничто тебе не мешает — ни работа, ни занятость — поздравить учительницу».

— Помню, — говорит Валя, — мы после школы оденемся, построимся. Она каждого проверит: шарфы, шапки — зимы-то снежные, морозные... Вот такие были у меня учителя!

— А теперь уж сама учительница! — тихо говорит Борис.

— Учительница?

— Наставница, он имеет в виду. Подшефную мою зовут Света Ганзенко... Они ведь приходят из ПТУ — буквально слепые котята. Берешь за руку, как в первом классе: смотри, учись! Так и Светлана моя. Она приезжая, с Украины. Одна, в общежитии, все незнакомое. Ты для них и наставница, и мама, и... — Валя махнула рукой. — Зато теперь Света уже сама ударница! А ведь это же такая радость: еще одним настоящим рабочим человеком стало больше в стране! А Света моя еще и цеховой комсорг.

— Погодите! Кажется, вы сказали «я заместитель комсорга»?

— Ну да. Я заместитель, а Светлана у меня начальство!

Вот так и живет Валентина Голубева — не скупясь ни на труд, ни на дружбу. Давно когда-то ей показали, что есть настоящее трудолюбие, истинная доброта. Она крепко запомнила те уроки. Приумножила в душе своей хорошее, чем наделила жизнь. И теперь сторицей отдает все людям. Светлана Ганзенко на комбинате неполных три года, а уже как выросла! И те ребята — из школ, профтехучилищ, что тянутся к ней: «Хочу, как Валентина Голубева!»

За Голубевой, за такими, как она, действительно тянутся ивановские ребята. Вот факт. Школьники города охотно помогают взрослым — трудятся на текстильных предприятиях. В 1977 году текстильные отряды школьников составили по области 4200 человек. Армия! Шли на фабрики, комбинаты, осваивали текстильные специальности. За год заработали четыре с половиной миллиона рублей. Теперь собираются пять! Да что там толковать, директора ивановских текстильных предприятий планируют отпуска своим работникам с учетом того, что летом в цеха придут ребята из комсомольско-пионерского отряда!

«Труд определяет положение человека в обществе», — говорит наша Конституция.

Каково же положение в обществе Валентины Голубевой?

— Ткачиха — государственный деятель — дочь Коммунистической партии.

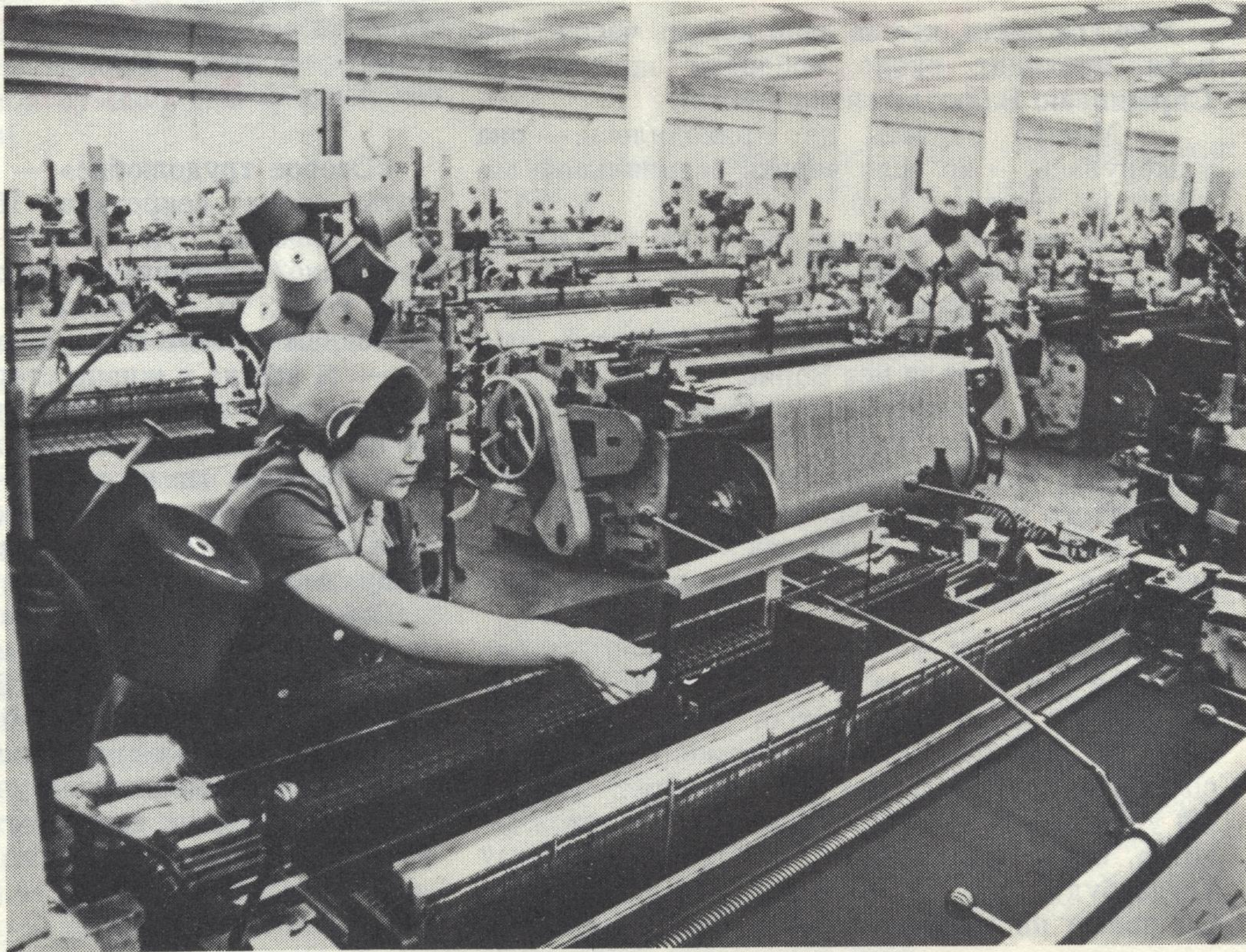
СЛОВО — ТЕБЕ!

Ты прочитал рассказ о замечательном ГОСУДАРСТВЕННОМ ЧЕЛОВЕКЕ — ВАЛЕНТИНЕ НИКОЛАЕВНЕ ГОЛУБЕВОЙ. А может быть, ты хочешь продолжить интервью, которое начал наш корреспондент?

КАКОЙ ВОПРОС ТЫ ХОТЕЛ БЫ ЗАДАТЬ ВАЛЕНТИНЕ НИКОЛАЕВНЕ?

Обещаем все ваши письма отвезти в Иваново, а ответы напечатать в журнале.

Итак, разговор на нашем ВСЕСОЮЗНОМ ЗАОЧНОМ СБОРЕ-ПОИСКЕ «С КОМСОМОЛЬСКИМ БИЛЕТОМ» продолжается. СЛОВО — ТЕБЕ!

Все эти станки обслуживает Валентина Николаевна Голубева.

Фотографии П. АСАУЛЬЧЕНКО

ЯНУШ ЗАПОРОВСКИЙ, член Секретариата ЦК Социалистического Союза польской молодежи.

Ленинский комсомол — лучший пример для нашей организации. Цели ВЛКСМ и молодежного движения в народной Польше одинаковы: воспитание молодого поколения строителей коммунизма.

Как и советская молодежь, польские юноши и девушки решают ответственные задачи социалистического строительства. Мы шефствуем над нефтепроводом Новополоцким, газопроводом Оренбург — Западная Украина, над железнодорожной магистралью, идущей к металлургическому комбинату в Катовице. По ней пойдут к нам эшелоны с советской рудой и товарные поезда с серой из Польши в Советский Союз. Конечно, эта магистраль не идет ни в какое сравнение с БАМом, который строят советские комсомольцы, но для молодых поляков это такая же ударная стройка.

Представитель молодежной секции Бразильской коммунистической партии. Имя этого коммуниста мы не можем назвать, так как он работает в подполье.

Уже 53 года бразильские коммунисты и коммунистическая молодежь работают в подполье. Нашим товарищам постоянно угрожают пытки и смерть. За последние 14 лет от рук жандармских палачей погибли 20 членов Центрального Комитета Бразильской компартии, разгромлены две подпольные типографии.

Но, несмотря ни на что, партия продолжает борьбу. В этой борьбе мы берем пример с советских комсомольцев, героически сражавшихся с фашизмом. Я думаю, в душе каждого молодого коммуниста Бразилии живут образы героев «Молодой гвардии».

Молодые коммунисты действуют во всех штатах страны, они выступают за экономическую независимость от США и других империалистических держав, за свержение реакционного правительства, за демократию. И эти требования поддерживает весь народ. Только за последние три месяца прошлого года 60 000 студентов участвовали в митингах и демонстрациях.

ВЕРНЕР ШТЮРМАН, секретарь Политбюро Союза социалистической немецкой рабочей молодежи (ФРГ).

Волна терроризма захлестнула западноевропейские страны. Террористы и анархисты стоят в стороне от демократического движения. Они не понимают подлинных причин неравенства, безработицы, кризисов в капиталистическом мире и воюют с отдельными политическими деятелями. А это развязывает руки властям для еще больших репрессий и преследований коммунистов и демократов. Капиталистам на руку действия террористов-одиночек: они не угрожают буржуазному строю в целом, зато дают повод для принятия драконовских законов против рабочего класса.

Неравенство, безработица, кризисы, эксплуатация человека человеком будут, пока существует капитализм. И наша цель — убедить всю молодежь крепить единство в борьбе с империализмом, крепить солидарность с борющейся молодежью всех стран мира.

Я считаю, что Ленинский комсомол является примером для всех молодежных организаций, основанных на принципах марксизма-ленинизма, борющихся за социализм и коммунизм. Идейная убежденность особенно важна сейчас для молодых коммунистов Западной Европы.

ФАМ КОНГ КХАНЬ, секретарь ЦК Союза коммунистической молодежи Хо Ши Мина (Вьетнам).

Великая Октябрьская социалистическая революция создала общество, какого не знала история. Вместе со всем народом за социализм боролась советская молодежь, возглавляемая Ленинским комсомолом.

Народ Вьетнама тридцать лет вел справедливую освободительную войну, и наши юноши и девушки в этой борьбе использовали боевой опыт ВЛКСМ, их вдохновлял героический пример советских комсомольцев.

В 1975 году наш народ одержал победу над американскими агрессорами и марионеточным сайгонским режимом. Но война принесла неисчислимые бедствия: во Вьетнаме десятки тысяч инвалидов и сирот. Треть плодородных когда-то земель в Южном Вьетнаме непригодны теперь для земледелия — агрессоры отравили их химическими ядами. Наши пашни буквально начинены осколками бомб и снарядов, до сих пор нередко встречаются на них еще не обезвреженные мины.

В восстановлении народного хозяйства, в учебе и труде — всюду сейчас впереди молодежь. Она ударно трудится. Социалистическое соревнование помогает ей добиваться трудовых успехов.

Нинакан ДЖУНДУБАЕВА

Горные цветы

Бывало, мой отец до темноты
Совком в горах выкапывал цветы,
И приносил охапками в аил,
И детям, словно радугу, дарил.
Я помню: среди шумной детворы
Он поровну делил свои дары:
— Ну-ну, не ссорьтесь, хватит всем, берите!
Сажайте их, растите семена,
Красивые давайте имена,
Цветы не только в праздники дарите!

И о цветах — багряных, голубых —
Он говорил как о друзьях своих,
За них тревожась, восхищаясь ими.
С тех пор и я цветы ращу везде —
В садах, в полях — и в счастье и в беде,
И одному тюльпану, как звезде,
Дала отца бесхитростное имя.
Я тот цветок взяла в Москву с собой,
Цветок, который мне других милее,
И возложила в полдень голубой
Его на вечный камень Мавзолея.

Рисунки В. ДУДКИНА

Киргизские кони

Вот мчатся и мчатся киргизские кони,
Уздечка, седло и узор на попоне,
Под посвист веков в перезвоне булата
Стучали копыта безудержней града.
Вел в битве Манас сорок витязей храбрых —
Ни коням, ни воинам не было равных!
И в поле на скачках киргизские кони
Всегда уходили легко от погони.

Киргизские кони, вы дети отваги,
Мои иноходцы, мои работяги!
Мы камни на вас для построек возили,
Дивясь вашей стати и сказочной силе.
По горным вершинам стучали копыта,
Под небом, где золото было открыто.
Как нас выручали вы в бедах вчерашних,
Киргизские кони, на нищенских пашнях!

И весел отец мой, коня запрягая,
Он мне улыбнется: «Садись, дорогая!»
От бешеной скачки заходится сердце,
Киргизские кони — далекое детство.
А все же я думаю: если однажды
В космический крейсер, робка и отважна,
Взойду я по трапу,— в тот трепетный час,
Киргизские кони, я вспомню о вас!

Перевел с киргизского Ю. КУШАК

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ В «ПИОНЕРЕ»

А. БАЛЬБУРОВ,
лауреат Всероссийского конкурса на лучшее художественное произведение для детей (1975—1977)

РАССКАЗЫ О БАМе

Рисунки С. ТРОФИМОВА

Кто на БАМе хозяин?

Три месяца Петя Мархандаев живет в поселке Гуаджикит. Это совсем рядом с Даваном, куда каждое утро возят в автобусе тоннельщиков на работу. Петя Мархандаев оканчивает профессионально-техническое училище и очень рад, что на практику попал в бригаду метростроевца Валентина Романовича Толстоухова. Пока тоннельные работы не начались, Валентин Романович стал во главе бригады строителей. Тоннельщик, а разбирается в строительном деле!

Вот и сейчас ведет бетонирование фундамента под копер, то есть под вышку с подъемным механизмом, который будет спускать людей и грузы в ствол тоннеля. Работа сложная — бригадиру то и дело приходится заглядывать в чертежи. Они, свернутые в трубочку, постоянно тут же, на виду. Шутка сказать — ствол глубиной метров двести! Валентин Толстоухов — высокий, широкоплечий. По летам вроде человек поживший, ему за сорок, а глаза молодые, всегда внимательные, острые. Когда видят неладное, сощуриваются — в них начинает проглядывать что-то колючее, и Пете невольно делается зябко, хотя и не он виноват в этом неладном. Когда же смотрит, подолгу и неотвязно вглядываясь в чертежи, в сощуренных голубых глазах бригадира нету колючек, задумчивые они, напряженные.

Совсем другие глаза у Валентина Романовича, когда, кончив работу или собираясь на обед, он подзывает к себе его, Петю Мархандаева, единственного бурята на Даване. Ласковыми становятся глаза бригадира — теплее, уютнее и веселее становится Пете.

Однажды, обедая, Петя услыхал по радио, как кто-то, выступая, несколько раз повторил: «Я хозяин БАМа!» Это удивило Петю: откуда и что за хозяин объявился на БАМе? Послушал внимательнее - вроде не шутит, говорит на полном серьезе. Интересно!

Вспомнилось, как учитель обществоведения рассказывал о разном значении слова «хозяин». Когда-то, еще до революции, если хотели оказать незнакомому человеку почтение, чем-то ему угодить, обращались к нему не иначе, как «хозяин» — это вместо нынешнего обращения «гражданин» или «товарищ». Были ведь такие времена — целые села со всеми жителями, заводы, шахты принадлежали одному человеку, хозяину. Смешно: объявился бы такой человек, который про огромный Улан-удэнский локомотивновагоноремонтный завод с десятитысячным коллективом, где, кстати говоря, работает Петин отец, сказал: «Это мой завод! Такой же мой, как велосипед, на котором езжу, как телевизор, как новое пальто». Вот была бы потеха!

Придя на работу после обеда, Петя Мархан-

— Вы, товарищ шофер, уже... уже полтора часа сидите... Вы позабыли, что надо за новым раствором? — сказал Петя.

даев рассказал Валентину Толстоухову насчет «хозяина БАМа». Бригадир посмеялся, потрепал Петю по щеке и сказал:

— Ошибаешься, сынок, что у нас нету хозяев. И колхозам, и железным дорогам, и локомотивновагоноремонтному заводу, на котором работает твой отец, — всему есть хозяин. Знаешь, кто он, этот хозяин? Народ!

Не стал переспрашивать Петя насчет народа, хотя можно было бы и спросить: что означает это слово на БАМе? Кругом на сотни и тысячи километров тайга, по ней прокладывают узкую трассу под дорогу, в строительных бригадах — люди со всей страны, сошлись друг с другом недавно, а «народ» — это ведь русские, украинцы, буряты, эстонцы, то есть люди, которые много-много лет прожили на одной земле, одну воду пьют, одну историю имеют, через одни беды прошли. Можно ли про строителей БАМа сказать, что они «народ»? И как может «народом» быть один человек? А по радио так и говорилось: «Я хозяин БАМа!»

Прошло несколько дней, а Петя Мархандаев никак не мог забыть о том, что услышал по радио. Увидеть бы того, кто выступал тогда по радио, да спросить у него... «Я хозяин БАМа!» — шепчут губы Пети уже сами по себе.

Для Пети было очень интересным: Валентин Романович Толстоухов — тоннельщик, а по строительству здорово все умеет. И плотничать, и машинами управлять, и электричество нала-

дить, и бетон заливать, даже зимней заливкой, как мастер, владеет — вот это человек!

В раствор воткнуты электроды — металлические прутья, к их концам прикреплены провода высокого напряжения. Пете иногда кажется, что он даже чувствует, как подогревается раствор, самое важное, чтобы раствор твердел, не замерзая, чтобы в бетоне, внутри, не было ни кусочка льда, а то получится неладно: лед растает, и вместо него останется пустота — брак! Но вот в руках у Валентина Романовича длинный металлический прут — почти шест. Время от времени он втыкает его в раствор, отставляя электровибратор. Валентин Романович без устали шурует вибратором. Зачем? В учебниках нету про то, чтобы шестом пробовать бетон, но старый тоннельщик привык к такому способу, он ни разу не ошибался. А мороз — дух вон, перехватывает дыхание!.

Однажды Валентина Романовича вызвали к начальнику участка. Уходя, он молча протянул свой шест Пете.

— Смотри в оба! — сказал он.

Петя Мархандаев старается походить на Валентина Романовича — и шестом действовал, как он, погружая его в бетон, и оглядывался туда, откуда должна была прибыть автомашина с раствором.

Но получилось нехорошо: шофер самосвала, вылив раствор и убедившись, что бригадира нет, ушел в вагончик-прорабку, подсел к нарядчице да принялся с ней водить разговоры, шутки шутит, курит, хохочет. Петя то и дело бегал в вагончик. Прошел час — шофер сидит. Проходит полтора часа, а он все сидит! У Пети стали слезы навертываться на глаза — вот-вот бетон будет готов, а нового раствора пока нет, от этого слой получится в бетоне!

И Петя Мархандаев решился. Вошел в вагончик, молча постоял у двери, молча подошел к шоферу, оперся дрожащей рукой о стол.

— Вы, товарищ шофер, уже... уже полтора часа сидите! Может, вы позабыли, что надо... за новым раствором?

Веселившийся шофер с таким изумлением уставился на Петю, будто увидел не тоненького, заляпанного бетоном паренька, а неожиданно появившегося медведя-шатуна. С лица его медленно сошел смех. Он вынул изо рта окурок и зло швырнул его в угол.

— А ты кто такой будешь? — спросил шофер. — Ты что, шкет, хозяин тут?

— Хозяин и есть! — раздалось вдруг.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась огромная фигура Толстоухова. Он слышал весь разговор.

— Ну-ка, марш отсюда! — крикнул он.

Шофер побледнел, схватил шапку, опрометью выскочил из двери и побежал к машине.

— Молодец, Петя! — сказал Валентин Романович.–Теперь дошло до тебя, кто хозяин на БАМе? Все мы хозяева. И ты хозяин. Понял?

Петя Мархандаев даже вспотел от похвалы. Ему вдруг стало и чего-то стыдно, и сладко, горячо внутри. Он вытер грязным рукавом спецовки запылавшее лицо и стремительно выскочил вслед за шофером.

Сауна на Даване

Уже шестой месяц на Даване Петя Мархандаев, а все не может привыкнуть к здешней природе. Неудобно даже признаться в этом: Даван-то в Бурятии, стало быть, все в этом краю должно быть куда ему понятнее, ближе, роднее, чем приехавшему из Подмосковья Валентину Толстоухову. От Улан-Удэ до Давана — километров шестьсот. Здесь такое расстояние не считается слишком большим. Но что делать, черт побери, все здесь другое, а Петя и не объяснит толком, что и почему!

Вот лиственница. Под Улан-Удэ — это могучее, высокое дерево с толстыми, сильными ветвями и мягкой шелковистой хвоей. С детства любил Петя лазать на лиственницу и собирать серу, которую очищают, варят, а потом любят жевать — здорово укрепляет зубы и десны, убирает изо рта всякие запахи. А здешняя лиственница? Ствол тонкий, дерево какое-то жухлое, обиженное, бедное. Даже смешно на такую лазать! Ветки тонюсенькие, ломкие, коротенькие, словно боится дерево отпустить их от ствола — жмутся к нему до самой верхушки, только там их побольше, робко раздвигаются пучком. И лес из таких деревьев жиденький, редкий — насквозь просматривается. Неловко за этот «лес» перед Валентином Романовичем, подумает еще: Бурятия вся такая невзрачная! На родине Толстоухова в подмосковном городе Чехове, по словам приехавших, леса-то густые, тенистые.

Что ни говори, здесь — север, дереву, даже такому неприхотливому, как лиственница, тяжело расти. А людям каково? Тут, видать, и есть то самое место, о котором говорится: «У нас десять месяцев зима — остальное лето!» Недаром и надбавку дают к зарплате: человеку здесь нелегко! Но смотришь на Валентина Романовича и не скажешь, что ему тяжело.

Недавно гуляли по окрестностям Давана. Шагает, словно в ногах у него невидимые пружины, никакой усталости не знает. Идет в гору — не угнаться. И стыдно Пете: не он, а Валентин Романович рассказывал ему про ягель — серый, голубоватого оттенка мох, — что в нем побольше питательных веществ, чем в овсе. Им север-

ные олени кормятся. Откуда дядя Толстоухов, живущий в Подмосковье, это знает? А Пете урок: ездить и ходить надо по земле, которую считаешь своей, изучать ее. А когда поднимались на гору, Валентин Романович сказал Пете, что в районах вечной мерзлоты чем выше, тем не суше, а грязнее, на самой же вершине будет болото. Так оно и вышло!

На обратном пути бригадир рассказал, что не раз приходилось работать на севере — потому он знает и про ягель и про болото на сопке.

— Страна у нас такая, — негромко и ласково говорил Валентин Романович. — Все время строится, и рабочему человеку приходится бывать везде. Даже в местах, которые и во сне-то не приснятся. Вот такой и у тебя будет жизнь: все твои дороги впереди!

Хорошо стало Пете от этих слов, греют они сердце.

Скоро ему уезжать. Практика прошла хорошо. Валентин Романович начинает свои тоннельные работы. А как он этого дня ждал! Петя так и не понял, что хорошего в тоннельных работах — с таким нетерпением их ждал Валентин Романович! Он нисколько не скрывал своего волнения, а ведь Толстоухова считают серьезным человеком, уважают на Даване. Стало быть, здесь есть что-то, чего не видит Петя Мархандаев. А сколько раз брал его с собой в штольню, где идут подземные работы, Валентин Романович. И вовсе не «под землей» надо бы говорить, а «в горе», потому что тоннель врубается горизонтально. Отроют метр-полтора — крепят металлическими арками, поддерживают ими своды, чтобы не обрушились.

В штольне ужасно сыро — течет отовсюду, и под ногами все время вода. Землю, а сказать точнее, каменный или скальный грунт, роет машина. Валентин Романович говорил, что были времена, когда долбили камень киркой и отбрасывали его лопатой. Так сооружены все байкальские тоннели на транссибирской магистрали.

Петя смотрел, как Валентин Романович, вооруженный тяжелой машинкой с длинным сверлом, проделывает дыры, которые называют шпурами, — в них закладывают взрывчатку. Как подрывают, Петя, конечно, не видел, но он слышал, что Валентин Романович — большой специалист по этому делу.

Потом проходческая машина отрабатывает стены, потолок, низ штольни, откатывает назад породу.

Валентин Романович в брезентовом костюме, резиновых сапогах, на голове каска — ни дать, ни взять солдат в бою! Перед тем, как войти в штольню, он и на Петю надел каску. Только это и понравилось Пете. Но из-за каски становиться тоннельщиком, когда он умеет бетон делать, даже любой фундамент сумеет залить по чертежу, — это не пойдет, не станет Петя тоннельщиком!

Когда кончилась смена, Валентин Романович вышел такой грязный, что у него сверкали одни зубы да белки глаз. Петя от души расхохотался, а Валентин Романович, догадавшись, подвел его самого к зеркалу и показал — у Пети лицо было такое же!

По всему видно: Петин учитель доволен тем, что дорвался до любимого дела, начались подземные работы на Даване. Радость старого тоннельщика невольно передалась Пете, и он даже вздрогнул от мысли: на всем белом свете нет ничего выше этой радости рабочего человека! Для Валентина Романовича в окружающей жизни самое дорогое — это дело, которое он знает, к которому привычен, а потому и любит! И пусть оно будет и тяжелое и грязное — Пете не забыть, как преобразился Валентин Романович в своей сырой, шумной и грязной

штольне, у него и походка стала другая, голову держит иначе. Идет он с длинным сверлом, словно со штыком наизготовку. Как похож он на солдата, идущего в атаку!

Станет ли Петя таким, как дядя Валентин Романович? Хоть и понимает Петя радость Валентина Романовича, учитель запомнится не тоннельщиком, а бригадиром-бетонщиком — таких мало на всей стройке. Об этом на собрании говорили!

Работать бы ему там, наверху, под солнцем, зарабатывать побольше, чем многие другие, менее способные к бетонному делу. А тут целую смену — противный шум от работающих машин, ни на минуту не утихающий, после взрыва — тошнотворный запах, от самосвалов — выхлопные газы! А Валентину Романовичу работа под землей — праздник. Он говорит о ней с гордостью: «Мы тоннельщики!» Какую же надо иметь силу, чтобы столь тяжелую работу и так любить!

На Даване для тоннельщиков устроен душ — можно отмыть всю грязь. Но Валентин Романович похлопал Петю по плечу и говорит:

— Не пойдем в душевую. У нас есть кое-что получше. Слыхал про сауну? Нет? Это по-фински баня значит.

Сауна оказалась баней с сухим паром. Никогда Петя не задумывался, что существует разница в банном паре. Но, оказывается, при сухом паре легче дышится! Сел Валентин Романович на полку, и с него пот так и потек ручьями. Потом выскочил на улицу — глянь, с разбегу кидается в сугроб и давай барахтаться, рычит от удовольствия, растирает себя снегом. Тут у Пети глаза на лоб полезли: как можно получать удовольствие от того, чтобы горячее тело растирать снегом? Пете не от пара, а от всего увиденного сделалось так весело и хорошо, что впору было закричать: смотрите, чудное место есть на земле — Даван! Смотрите, что за сильные люди на нем работают — железные какие-то!

Петя твердо решил, что он обязательно станет таким человеком, как Валентин Романович, хотя и не будет тоннельщиком!

СОВЕТСКИЕ КОМСОМОЛЬЦЫ СОЛИДАРНЫ СО СПРАВЕДЛИВОЙ БОРЬБОЙ ЗАРУБЕЖНЫХ СВЕРСТНИКОВ

ПРОГРЕССИВНАЯ МОЛОДЕЖЬ МИРА ПРИВЕТСТВУЕТ XVIII СЪЕЗД ВЛКСМ

САЙМОН МОЙО, член руководства молодежной и студенческой секции Патриотического фронта Зимбабве.

Наша молодежь ведет вооруженную борьбу против расистского режима Смита. И чем сильнее репрессии расистов, тем ярче разгорается борьба, тем больше юношей и девушек берутся за оружие.

Нас вдохновляет победа народов Анголы и Мозамбика, уничтоживших колониальное рабство. Эти молодые государства испытывают сейчас трудности в экономическом строительстве, но помогают и нам в борьбе за освобождение.

Мы хорошо знаем историю Ленинского комсомола, знаем, какие широкие права предоставлены молодежи в СССР. Многие студенты Зимбабве учатся сейчас в Советском Союзе и других социалистических странах. После освобождения Зимбабве молодые специалисты вернутся на родину, чтобы строить справедливое, равноправное общество, создавать независимую экономику страны.

Хочу от имени молодежи моей страны поблагодарить советских комсомольцев, братские молодежные союзы за солидарность с нашей борьбой.

ПЕТЕР МАДСЕН, секретарь Союза коммунистической молодежи Дании.

Мы, молодежь Запада, с большим волнением прочитали строки новой Конституции СССР, посвященные правам молодежи, роли ВЛКСМ в советском обществе. Они имеют значение не только для советских юношей и девушек. Они призывают и нас бороться за такое общество, в котором молодые люди могли бы сами решать свою судьбу, выбирать себе учебу или работу по сердцу и даже участвовать в управлении государством.

Это несбыточная мечта для молодых датчан. В нашей стране 50 тысяч юношей и девушек моложе 25 лет не могут найти работы. А большинство счастливцев, имеющих работу, не испытывают удовлетворения от своего труда, не видят никаких перспектив в будущем. У них нет возможности учиться, повышать свою квалификацию.

Поэтому молодежь тянется к нашему Союзу, чтобы бороться с монополиями, безработицей, дороговизной. Они понимают: когда мы вместе, мы — сила.

С КОМСОМОЛЬСКИМ БИЛЕТОМ

1918—1978

ПИСЬМА С ПЕРЕДОВОЙ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Они очень разные — документы военных лет. С волнением всматриваемся мы в музейные витрины, за которыми — опаленные в боях, простреленные комсомольские и партийные билеты, пожелтевшие партизанские листовки и скромные треугольники солдатских писем, писем без марок.

Солдатские письма... Они доносят до нас голоса тех, кто стоял насмерть в годы войны, их мужество и боль, их любовь к близким и верность боевому долгу. В них — будничные и героические мгновения фронтовой жизни, великие мгновения нашей истории. В них — безграничная преданность Родине, готовность к подвигу во имя ее будущего...

Перед вами письма Лидии Щербининой. Они расскажут вам о ней. Добавим только, что в восемнадцать лет она вступила в Новосибирске в Сибирскую добровольческую дивизию, сформированную из коммунистов и комсомольцев. Там же служила и подруга Лидии Крелия Силина. Ей, в госпиталь и домой, писала Лида с фронта...

Лиечка, здравствуй!!!

Вчера взяла справку о твоем награждении, которую высылаю. Надеюсь, что скоро получишь.

Сейчас мы снова пойдем в наступление. Я нахожусь в санроте, но при первом удобном случае перейду в стрелковую роту. Хочется быть рядом с нашими ребятами, самой бить фашистов. Работа в санроте не по мне. Пока все. Твоя Лида. 2.1.1943 г.

Здравствуй, родная моя Лиюшка!

Пишу тебе часто, можешь судить поэтому,

как мне хочется получить ответ на мои письма.

Лиечка! Я получила от твоей мамы письмо, которое пересылаю тебе в госпиталь. Мне хочется рассказать ей, как ты вела себя на поле боя, о твоем героизме должны знать родные.

Лия! Сейчас новостей никаких нет, разве только то, что командир полка у нас новый. Тарасов сейчас — заместитель командира дивизии.

Между прочим, Тарасов после боев стал понимать и уважать девушек, он говорит, что это его героини. В общении стал очень прост.

Лиечка, сейчас сидим и отдыхаем, находимся в обороне. Правда, не совсем у нас спокойно, но к этому не привыкать.

Целую крепко. Лида. 5.2.43 г.

Родная Лиечка!

Я совершенно здорова, бодра и продолжаю работать по-прежнему. Милая моя, я благодарна тебе за то, что ты поздравляешь меня с наградой. Очень рада, что ты хочешь быть рядом со мной, а еще больше буду рада, если мы доживем до Победы и вместе приедем в наш любимый город Новосибирск.

Лиечка, ты была в боях несколько дней, а я уже несколько месяцев, и поверь мне, родная, что кое-что мне пришлось увидеть и пережить. Сегодня вышли из строя наши девушки: Ася Агатова, Ксана Половникова, Аня Дмитряхина. Все они ранены, убита Анна Ивановна, врач, контужена Ася Молова. Вот какие дела. Вторично ранен Князев. Из госпиталя вернулись Дудко и Хандамаев.

Сейчас я пишу и вспоминаю о том, как мы мечтали быть в Новосибирске после войны на вечере в белых платьях и с орденами на груди... Скоро ли будет этот вечер? Затрудняюсь сказать. Лиюшка, как хочется надеть платье!..

Поздравляю тебя с праздником Восьмое марта.

Все. Жду писем от тебя, родная. Целую крепко-крепко. С приветом Лида. 3.3.43 г.

Дорогая моя Лиечка!

Сегодня девушки в полку празднуют Восьмое марта, а я лежу в медсанбате и, закусив губы, чтобы не стонать от боли, пишу тебе, моя родная. Милая Лия, 5-го числа пошли в наступление, я попросилась на передовую, пошла с ротой, а в результате — пулевое ранение в ногу. Врачи направляют в госпиталь, но мне не хочется ехать. Говорят, что месяц или больше придется лежать, я, конечно, не поеду.

Мы наступали на одну высотку. Кругом лес, немцы были в нескольких шагах от меня, изрешетили полушубок, пока не ранили. Пришлось неперевязанной ползти по ледяной воде, пока добралась до своих, а потом Кондрат увез в санчасть.

В сегодняшней фронтовой газете пишут о тебе и обо мне как о героях. Чувствуешь, родная?

Твоя Лидка. 8.3.43 г.

Лиечка, милая, здравствуй!

Не знаю, получила ли ты мое письмо, в котором я писала, что хочу перейти в снайперскую роту. Свое желание я осуществила, сейчас нахожусь в роте снайперов. Учусь и надеюсь, что до твоего приезда открою боевой счет, отомщу за те лишения, которые несет наш народ. Лия, как обидно, что до сих пор я ни одного фашиста не убила, а сама уже два раза ими подбита!

Здоровье мое ничего, чувствую себя хорошо, но рана еще не зажила и очень долго что-то не затягивается. Лия, на одиннадцатый день я из санбата сбежала, за что здорово мне влетело. А все же осталась в части!

Пока, родная. Целую крепко. Твоя Лида. 31.3.43 г.

Лия, здравия желаю, хорошая моя!

Настроение самое распрекрасное у меня, живу хорошо, а главное сейчас тепло, не нужно греть закоченевшие пальцы у костра, дышать в ворот шубы, чтобы дыханием согреться немного. Нет, лето для фронтовика — не зима! Хочется поскорее закончить войну и зажить свободной, радостной жизнью.

Лиюшка, помнишь, мы везли на машине одного раненого лейтенанта? Он уже здоров и возвратился в часть. Как бы я хотела и тебя встретить быстрее! Многие, кого мне пришлось спасать из-под огня, уже вернулись и благодарят за помощь. Но это наш долг, и благодарностей никаких не может быть.

Пока, Лиюшка, целую тебя крепко. Гвардии снайпер Лидия Щербинина. А проще — твоя Лидка. 8.5.43 г.

«Живу хорошо»,— пишет Лида и ни слова о том, как было тогда тяжело. Вот что рассказал командир этой снайперской роты полковник запаса А. П. Шулешко.

Фашисты бросили в бой резервы и ударили нам во фланг и тыл. Мы оказались отрезанными. Сидим в отбитом у гитлеровцев блиндаже. С нами полковое знамя. Блиндаж со всех сторон обложили фашисты, не меньше батальона их тут набралось. А нас — человек пятьдесят, из них половина раненые. Рядом со мной Лида Щербинина, она тоже ранена.

Вражеские танки долбят в упор по блиндажу. С потолка сыплется земля. В блиндаж летят дымовые шашки. Нечем дышать. Дым ест глаза, рвет горло.

— Рус, сдавайсь! — орут фашисты, решившие взять нас живыми.

— Фоменко, вызывай артполк! — приказывает Тарасов начальнику штаба полка.

Все притихли. Мы понимаем, что это значит. Сейчас по блиндажу ударит наша батарея.

Оглушительно рвануло над головой, качнулась земля, и я будто провалился вместе с блиндажом. Прихожу в себя уже в санбате. Надо мной склонилась Лида Щербинина. В руках у нее кружка с водой.

...Ты пишешь, Лия, что завидуешь моему положению, а я вот сижу и злюсь, что до сих пор мы «отдыхаем», а так хочется поскорее открыть личный счет мести за себя, за тебя, за многих других. Готовимся к предстоящим боям по-гвардейски. Правда, не скрываю, бывает очень тяжело. Полная боевая выкладка и жаркие дни, которые стоят здесь, в Гжатске, походы, учения — да это все не так просто.

Лия, ты спрашиваешь, получила ли я орден? Очень давно, еще 1 января 1943 года, а медаль — 5 декабря 1942 года. День получения ордена совпал с днем получения партбилета. Жаль, что в Москве ты не смогла получить орден. Ну ничего, это все уладится, только была бы ты здорова.

Я в разведке. Снайпер. Помнишь, как мы хотели быть в разведке? И вот мечта моя осуществилась.

Жди, буду писать по возможности. Лида. 24.7.43 г.

Лиечка, родная, опять я в госпитале! Большая потеря крови. Так ужасно не повезло, ранили 11 августа. Когда будет постоянный адрес, напишу. Думаю скоро вылечиться и продолжать начатое дело.

Пиши на часть, девушки перешлют письма мне. Они скорее узнают адрес моего госпиталя.

Привет всем. Целую. Твоя Лида. 17.8.43 г.

Милая, родная Лиечка, здравствуй!

Пишу из госпиталя, дела мои обстоят следующим образом: рана на бедре, осколки в руке и ноге. Будут вынимать. Врачи собираются два месяца лечить, но я не согласна, хочу быстрее в свою часть, к моим разведчикам.

О боях. Наша часть наступала на Спас-Деменском направлении, здесь фашисты были больше двух лет, оборона у них очень крепкая. И все же мы их выкурили из глубоких нор, бегут, Лиечка. Здорово давала им жизни наша артиллерия...

Мне не повезло, как и многим другим,— в первый же день боя меня ранило.

Успела уничтожить семь фашистов. Это за Клаву и за твои рубцы, родная.

Пока, дорогая Лиюшка, привет всем. Целую крепко. Твоя Лидия.

Гвардии сержант Лидия Щербинина.

Родная моя Лиечка!

Очень большая у меня радость сегодня — сразу получила три письма, ведь такое счастье не всегда бывает. Ты спрашиваешь о моем здоровье. Чертовское положение, две раны совершенно зарубцевались, а одна на ноге, на самой подошве, не только заживать не хочет, но с ней даже приключилась флегмона. И вот я, как дура, лежу в госпитале и не знаю, когда же я буду здорова. А на фронте такие дела разворачиваются!.. Как надоело лежать, даже передать не могу.

Падает снег, и так хочется взять тебя за руку и бежать по лесу ночью и петь. Помнишь? Хорошее было время! Но повторится ли оно еще когда-нибудь?..

Целую крепко. Твоя Лидка. 31.10.43 г.

Лия, родная!

Какое горе, боже мой! Погиб Кондрат, мой родной, единственный, любимый брат! Как он дорог мне!

Лиечка, я с ума сойду, сколько хорошего сделал он для меня! Ты же знаешь, какой он замечательный человек. Где, где, скажи, я еще найду брата?! Вспомни, как голодали, как он делился с нами последним куском хлеба. Разве все это можно забыть?!

Мстить, только мстить.

Целую тебя, моя родная сестричка.

Твоя Лида. 20.12.43 г.

Моя родная Лиечка! Спасибо за поздравления, прими мои.

Ты спрашиваешь, где я была в Москве? В ЦТКА смотрела «Укрощение строптивой», в Большом театре — балет «Щелкунчик», а больше нигде не была.

На днях будет операция. Ты спрашиваешь, попаду ли я в свою часть? Если захочу, то да. Но нет там Кондрата, нет тебя... Так хочу видеть тебя и рассказать обо всем, что меня волнует.

Как ты далеко от меня!

Целую крепко.

Твоя Лидка. 3.1.44 г.

...Мои дела отвратительны. Это не нога, а какое-то недоразумение! Как будто не понимает, что не время лежать и лечиться. После войны, слово даю, уделила бы ей столько внимания, сколько нужно, но сейчас лежать шестой месяц — это уж слишком! Итак, родная Лиечка, 11 января мне сделают операцию — последнюю. Или вылечат, или зарежут. Но я надеюсь на первое, потому что умирать нет ни времени, ни желания.

Сегодня поступила в госпиталь девушка из нашего полка, рассказала, что из наших осталась только Ольга Жилина. Ну и молодец же она! Такая кнопка, а всех пережила! Скоро я ей на помощь поеду, думаю, к февралю подремонтируют окончательно.

Девушка говорит, что очень часто вспоминают меня те, кто еще остался в живых из бойцов и командиров, и я им очень благодарна. Значит, не зря я страдаю. И то, что сделано мной, с благодарностью вспоминается. Эх, родная, дорвусь я еще один раз — за Кондрата, за твои раны, за свои, за тех, что погибли, буду мстить беспощадно! Сколько зла причинили проклятые фашисты мне и всем людям! Они должны почувствовать и пережить все, что пережили мы...

Пока, родная. Целую крепко-крепко.

Твоя Лидка. 8.1.44 г.

Моя родная Лиечка!

11-го сделали операцию, удалили осколок. Через несколько дней напишу, а сейчас не могу.

Думаю, в начале февраля буду на фронте.

Твоя Лидка. 13.1.44 г.

Моя родная Лиечка!

Ты спрашиваешь, как я добралась до своей части. Очень трудно было, не знала, где она, на каком направлении искать ее. Я спрашивала у каждого встречного, пока не напала на людей из нашей армии. Одним словом, кто ищет, тот всегда найдет.

Все, дорогая. Целую крепко.

Твоя Лидка.

Милая Лиечка!

Я по-прежнему в санроте. Сейчас чувствую себя хорошо. Думаю, что в будущем смогу

работать на поле боя, как работала раньше. Каждый день прошу перевести меня в стрелковую роту или в разведку, но пока безуспешно. И все из-за моих ранений...

Мы стоим, ждем приказа действовать. Фашисты цепляются за каждый метр земли — чувствуют, что скоро граница.

У нас холодно, дождь, ветер, не чувствуется, что весна.

Пока, родная.

Твоя Лидка. 2.5.44 г.

Моя дорогая Лиечка!

Вчера у меня был очень радостный день, командование от имени правительства вручило мне орден Славы III степени. Теперь я считаюсь кавалером двух орденов и медали. Обещаю, родная, воевать еще лучше, чтобы тебе не было за меня стыдно.

Обо мне не беспокойся, сейчас я здорова, а отдыхать и долечиваться после войны буду.

Целую крепко. Твоя сестра Лидия.

28.5.44 г.

Родная Лиечка!

Не писала не по своей вине. Горячее время было. Живу, как все, работаю, воюю, «отдыхаю» и снова работаю. На днях исполнится два года, как я в армии. Об отпуске думать сейчас не приходится, но надежды на скорую встречу с тобой не теряю.

Я благодарна всем девушкам за теплые поздравления, постараюсь в предстоящих боях оправдать оказанное мне внимание.

Лия, не думай, что я герой, нет, я обыкновенная, какой ты меня знаешь. Люблю свою Родину и ненавижу ее врагов. Вот и все. И все мои подвиги, о них не стоит писать, как ты меня просишь чуть не в каждом письме. Мне еще многому надо учиться у других.

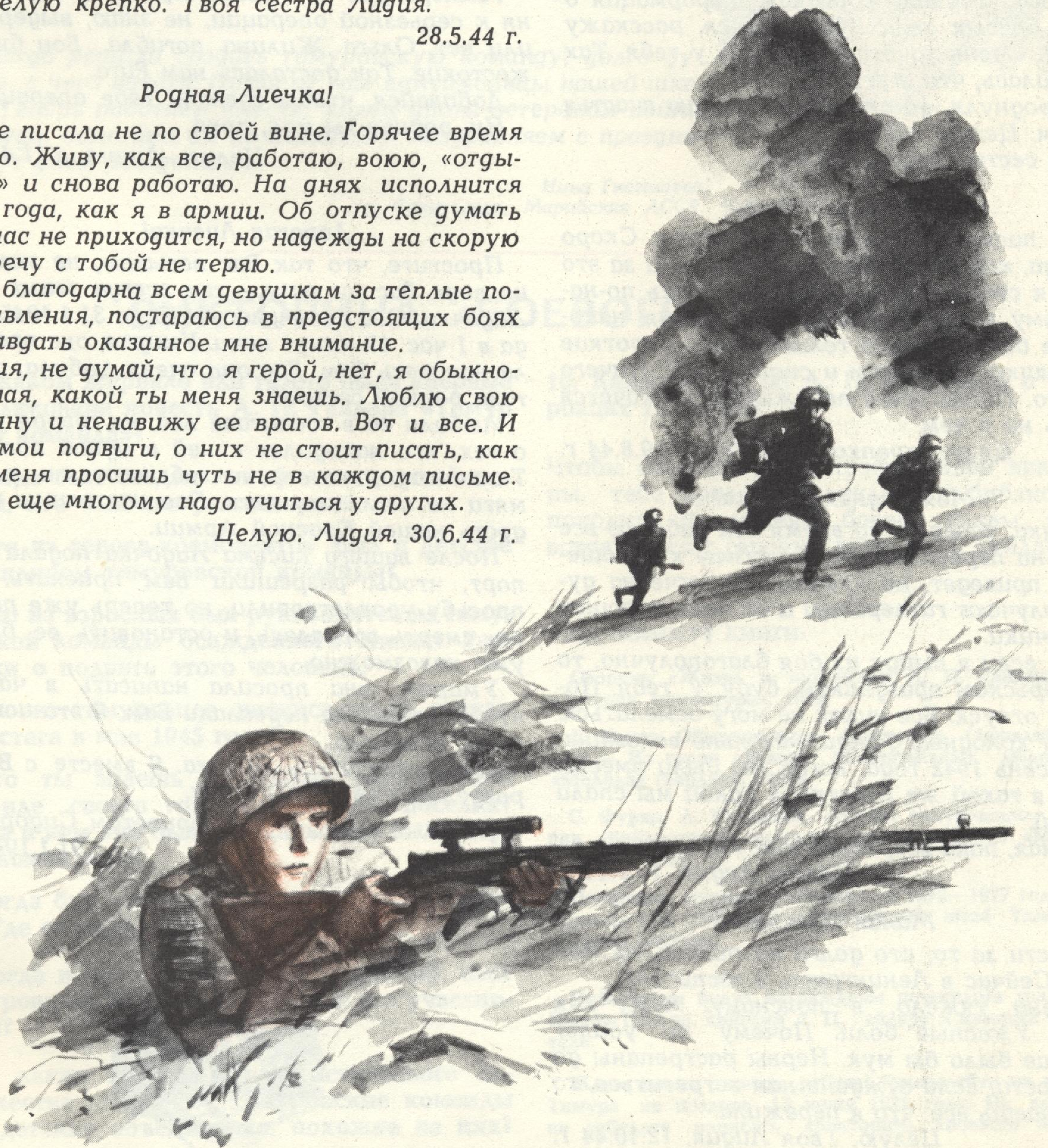
Целую. Лидия. 30.6.44 г.

Родная Лиечка!

Стоят горячие дни. От наших ударов враг бежит, и догнать его сумели только сегодня на границе Латвии. Теперь он начал оказывать яростное сопротивление. Лиечка, идут жестокие, кровопролитные бои, они стоят нам крови и тысяч молодых жизней. В который раз меня постигает большое горе! 17 июля погиб мой любимый и любящий друг гвардии капитан Саша Шалаев, кавалер трех орденов, командир разведроты, замечательной чистоты человек. Я не знала более искреннего и лучшего друга.

Почему так судьба несправедлива? У одного отбирает жизнь, а другой остается жить и мучиться. Смогу ли я полюбить кого-нибудь так, как Сашу. Мне кажется, нет. Прости, родная. Если мне суждено жить, то я останусь твоей вечной подругой и сестрой, твоим лучшим другом.

Целую крепко. Твоя Лида. 22.7.44 г.

Родная моя Лиечка!

Движемся все вперед и далеко ушли от прежних мест, теперь уже находимся за пределами Калининской области.

Я тебе писала о постигшем меня горе — погиб мой друг. Его посмертно наградили четвертым орденом. Да, такие люди редки.

Пишу кратко о том, как мы воюем. Наступление наших частей настолько стремительно, что враг не успевает оттягивать технику и свои силы. По дорогам валяются разбитые танки, орудия. Война теперь не похожа на ту, которую видела ты в 1942 году. Враг идет на любые хитрости. Окруженные и зажатые в кольцо гитлеровцы разбрелись по лесам. Там идет партизанская война.

Недавно я ходила в тыл к врагу. Задача: отрезать шоссейную дорогу, короче «седлали большак». Удивительно, но вышла совершенно здоровой. Об этом можно только рассказывать, но не писать. Нам помогли партизаны. Вот, родная, короткая информация о наших боевых делах. Встретимся, расскажу больше. Очень хочется побывать у тебя. Так соскучилась, что жутко.

Ну, роднуля, до свидания. Желаю счастья во всем. Целую крепко.

Твоя сестра Лидия. 7.8.44 г.

Моя родная Лиечка!

Твое письмо получила — благодарю. Скоро два года, как мы с тобой расстались, и за это время я столько пережила, научилась по-настоящему воевать. Сейчас все время нахожусь в боях, бывают только очень короткие передышки. Отдохнем и снова в бой. Ничего личного. После всего пережитого не хочется думать ни о чем.

Целую крепко. Твоя Лида. 29.8.44 г.

Моя родная Лиечка!

Лиечка, теперь я во время боя работаю все время на передовой. Игра с огнем к хорошему не приведет, но чувствую — легче на душе. Получают гитлеровцы и от меня хорошие гостинчики.

Лия, если я выйду из боя благополучно, то к ноябрьским праздникам буду у тебя. Попрошу отпуск. Все никак не могу осмелиться.

Идут холодные дожди, невольно вспоминается осень 1942 года, когда мы были вместе. Сижу в такой же палатке, в какой мы спали с тобой.

Родная, пока все, пиши мне чаще.

Целую Лидия. 10.9.44 г.

Милая Лиечка!

Прости за то, что долго не писала, не моя вина. Сейчас в Ленинграде, в госпитале.

Ранена тяжело, в поясницу. Лежу как пласт. Ужасные боли. Почему не убило? Меньше было бы мук. Нервы растрепаны до крайности. Если суждено нам встретиться, то ты узнаешь все, что я пережила.

Целую. Твоя Лидия. 12.10.44 г.

Вот что рассказывают боевые друзья Лиды Щербининой о том, как она была ранена.

В бою за высоту Лида была впереди. Из своей снайперской винтовки она уничтожила пулеметный расчет, прикрывавший подступы к высоте. Рота бросилась в атаку, но неожиданно попала под минометный и артиллерийский огонь: фашисты дождались подмоги. Лида была тяжело ранена и потеряла сознание. Очнулась она, когда фашисты ринулись в контратаку. Она подползла к убитому бойцу, взяла его автомат и встретила фашистов длинной очередью в упор.

Воспользовавшись растерянностью фашистов, наши снова бросились вперед и очистили высоту. К Лиде подбежали санитары. Девушка была без малейших признаков жизни, руки ее сжимали автомат с пустым диском...

Родная Лиечка!

Температура 39 и выше. Врачи готовят меня к серьезной операции, не знаю, выдержу или нет. Ольга Жилина погибла. Бои были жестокие. Так досталась нам Рига.

Добивайся, чтобы сделали тебе операцию. Ну, родная ты моя, пока.

Целую. Лидия. 4.11.44 г.

Дорогая Лиечка!

Простите, что так Вас называю, не зная и не видя Вас ни разу, — так всегда звала Вас Лидочка. Она скончалась с 30 на 31.1.1945 года в 1 час 15 минут ночи. Умирая, она просила написать Вам. Вас она очень любила, считала родной сестрой.

Любили ее в госпитале все, не говоря уже о тех, кто находился с ней в одной палате. Такие люди, как она, не забываются и из памяти не изглаживаются. Это настоящая гордость нашей Красной Армии.

После вашего письма Лидочка подала рапорт, чтобы разрешили Вам приехать. Ее просьбу удовлетворили, но теперь уже поздно: смерть ворвалась, и остановить ее было уже невозможно.

Умирая, она просила написать в часть, чтобы ее ордена переслали Вам. Я это исполнила, написала.

Не отчаивайтесь, Лиечка. Я вместе с Вами разделяю тяжелую утрату.

С приветом Сидорова.
31.1.1945 г.

ФЛАЖКИ НА КАРТЕ

В Штаб Тимура продолжают поступать донесения. Новые флажки появились на тимуровской карте «Боевого листка».

После уроков все наши тимуровцы ходят на стройку. У нас полным ходом идет строительство нового здания школы. Работы много: красим, убираем мусор, помогаем настилать паркет. Стройка объявлена ударной, и мы не отстаем от взрослых.

Таня Рудниченко,
ст. Ханская, Краснодарский край.

Наши тимуровцы хорошо умеют шить. Мы взяли шефство над детским домом «Лола», что в переводе с таджикского значит «Тюльпан». Девочкам мы шьем красивые косынки, фартуки, мальчикам — пилотки. А иногда приходим сюда, захватив иголки, нитки, пуговицы, помогаем ребятам ремонтировать одежду.

Тимуровцы средней школы № 5
г. Чкаловск, Таджикская ССР

Когда решили создать тимуровскую команду, долго думали, с чего начать. Помогли нам комсомольцы нашей школы. Теперь работаем вместе: колем дрова ветеранам войны и труда, помогаем им по хозяйству, поздравляем с праздником, с днем рождения.

Нина Гневашева,
с. Пектубаево, Марийская АССР.

ВИКТОРИНА «БОЕВОГО ЛИСТКА»

1. В каком журнале или газете была впервые опубликована повесть А. П. Гайдара «Тимур и его команда»?

2. Когда был создан кинофильм по этой повести, кто был его режиссером?

3. Кто из героев-космонавтов был в детстве командиром тимуровской команды?

4. Кто из взрослых был руководителем тимуровской команды осажденного Киева? Расскажи о подвиге этого человека.

5. Кто из тимуровцев расписался на стенах рейхстага в мае 1945 года?

6. Что ты знаешь о первой тимуровской команде своего города, деревни, поселка? Когда и кем они были созданы, кто были первые командиры?

7. Когда был создан Всесоюзный штаб Тимура? Где он находится?

8. Когда и где состоялся I Всесоюзный слет тимуровцев? Встречался ли ты с его участниками?

9. В каких странах социалистического содружества действуют тимуровские команды или детские объединения, похожие на них?

10. Какие книги об А. П. Гайдаре и о тимуровцах ты читал?

Чтобы ответить на вопросы нашей викторины, тебе придется посидеть в библиотеке, походить по музеям боевой славы, вновь встретиться с героями книг А. П. Гайдара.

ТЕБЕ ПОМОГУТ КНИГИ:

Сборник «Жизнь и творчество А. П. Гайдара». М., «Детская литература», 1964.

Б. Камов. Обыкновенная биография (Аркадий Гайдар).— Из серии «Жизнь замечательных людей». М., «Молодая гвардия», 1971.

С. Фурин, Л. Симонова. «Юным тимуровцам». Из серии «Библиотечка молодого активиста». М., «Молодая гвардия», 1977.

Подшивки журнала «Пионер» за 1973—1977 годы. Материалы под рубрикой «Всесоюзный штаб Тимура» и «Боевой листок».

Победители будут награждены почетными грамотами Штаба Тимура, книгами А. П. Гайдара и книгами о писателе.

Ждем ваших ответов, ребята! Присылайте их в Штаб Тимура не позднее 15 июня 1978 года. На конверте не забудьте написать «Викторина «Боевого листка».

Стихотворение Владимира АНГЕЛОВА пришло к нам из Болгарии. Владимир написал его, когда учился в пятом классе.

НАША ГОРДОСТЬ

Ленин, Ленин — наша гордость!
С детства ты мечтал,
Чтоб для всех на целом свете
Добрый мир настал.

Ты прошел через невзгоды.
Страха ты не знал.
Был ты смелым, был ты гордым.
Всех к борьбе призвал.

И народ восстал: разрушил
Царство рабства, царство тьмы.
Жить с тех пор мы стали лучше,
Жить свободно стали мы.

Ленин — это наше знамя,
Наша гордость и мечта.
Ты, Ильич, и нынче с нами,
Будешь с нами ты всегда!

*

Стихи Маргариты ПОГОСЯН часто печатаются в стенной газете ее школы. Маргарита — девятиклассница, учится в московской школе № 605.

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

Мой комсомольский билет,
Алый, как мак на рассвете,
Летопись солнечных лет,
Шести
десятилетий.

В нем шестьдесят песен,
Песен для нашей молодости.
Шесть орденов боевых —
Свидетелей славы и доблести.

Голос билета, звучи
Громко, призывно, строго:
«Перед тобой все пути,
Выбери к цели дорогу!
Выбери из шестидесяти
Песню себе по нраву
И будь достоин шести
Славных наград — по праву!»

Верю я: тот, кто сейчас
В вузе, в колхозе, на БАМе,
Голос тот слышал не раз,
Ему отвечая делами!

О РУССКОЙ ПЕСНЕ

Замрите, люди добрые,
Прислушайтесь-ка все:
Поют «Растет высокий дуб
В могучей красоте».

Слова, хотя не хитрые,
А словно колосок,
Он мал да тонок, но велик
И, как душа, высок.

Туман покроет все вокруг,
А слез стыдиться что ж...
Как будто сто огромных рук,
Всю душу ты берешь.

И яблоко румянится
На ветке у реки,
Еще синее кажутся
На поле васильки...

АПРЕЛЬ

Когда деревья выпустят на волю
Из почек разорвавшихся листву,
Вдруг маленький, невзрачный палисадник
Начнет, как эти листья, жизнь свою.

Вода бежит по почве, отогретой
Весенним и улыбчивым лучом...
И садик сразу станет теплым светом,
Омытый первым голубым дождем.

Нет, не щебечут там весною птицы —
Для них он слишком беден, слишком мал...
Котенок смотрит в лужу, наклонившись,
Как будто лучше не найдет зеркал.

Стихи Оли ГРУЗДЕВОЙ, восьмиклассницы из города Усолье-Сибирское, Иркутской области.

ВЕСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Пусть день сегодня хмурится
(Он мне как раз и нужен),
Я бегаю по улицам,
Я шлепаю по лужам!
Секрет открою так и быть:
Хочу я день развеселить,
Чтоб улыбалось все кругом,
Чтоб перестали все грустить.

*

Раушан АСПАНДИЯРОВОЙ 8 лет. Живет она в Алма-Ате, учится во втором классе школы № 120.

ВОЛШЕБНИЦА ВЕСНА

Весна умеет делать так,
Чтоб все вокруг цвело.
Весна умеет делать так,
Чтоб все кругом жило.

РУЧЕЙ

«Жур, жур, жур,—
Ручей сказал.—
Зиму снежную я спал.
Наконец проснулся я.
Здравствуй, лучик
Солнечный,
Здравствуй, это я!»

*

А эти стихи — воспоминание о минувшей зиме. «Не страшна она была птицам, которые остались зимовать в нашем городе: мы развесили для них кормушки»,— написала нам Ира МАНЫЧКИНА. Живет Ира в городе Улан-Удэ, учится в шестом классе.

КОРМУШКА

Все вокруг белым-бело,
Солнце тусклое взошло.
Прилетели птицы,
Галки да синицы.

Подкормиться все хотят
Из кормушки у ребят.
Мы всегда следим за тем,
Чтоб хватило корма всем.

Советские космонавты смотрят на Землю.
Рисунок Германа Енса, 12 лет, ГДР.

Нина САПОЖКОВА — москвичка, учится в пятом классе «А» спецшколы № 27.

* * *

Если кто посмеет плавать,
Когда бушует море,
Не миновать ему беды
И большого горя:
Море в волнах унесет
И скалы разобьет.
А когда на море тихо,
Плавают все лихо.
Люблю я море Черное —
То грустное, то веселое.
И в бурю и спокойное
Красиво море Черное.

*

Стихотворение Алеши БРАХМАНА, восьмиклассника из города Видное Московской области.

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

Тик-так, тик-так, стучат часы.
Бегут часы вперед.
Бегут часы, спешат часы:
Двадцатый век идет.
Двадцатый век, сверхбыстрый век,
В нем все спешит вперед!

4—5. «Пионер» № 4.

ШТАБ ПИОНЕРСКИХ АКТИВИСТОВ «ГОРН»

КАК ВЫБИРАТЬ СОВЕТ ОТРЯДА?
МОЖЕТ ЛИ «ТРОЕЧНИК» БЫТЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ?
ЧТО ЗНАЧИТ «САМОУПРАВЛЕНИЕ»?
КАК ПОДГОТОВИТЬСЯ К ОТЧЕТНО-ВЫБОРНОМУ СБОРУ?

Об этом говорит с тобой Зоя ЛАВРЕНТЬЕВА, вожатая-методист Всероссийского пионерского лагеря «Орленок».

«Было у нас КЛАССНОЕ СОБРАНИЕ. Выбирали мы на нем председателя отряда и актив. Наш председатель выполняет это поручение уже два года. Он все делает очень неохотно. На совете дружины бывает редко и то никогда не рассказывает нам, что там было. Мы хотели в этот раз выбрать другого мальчика. За его кандидатуру проголосовали все. Но тут запротестовала наша классная руководительница. Ольга Сергеевна сказала, что мальчик этот тихо говорит и не сможет громко сдать рапорт на торжественной линейке. Так и остался у нас «старый» председатель на своем посту. А разве не мы сами должны выбирать председателя?»

Таня,
г. Казатин, Винницкая область.

ВСЕ РЕШАЕТ ОТРЯД

Работа пионерской организации строится на самоуправлении. Это значит, все решают и делают сами ребята. И совет отряда ребята, конечно, выбирают сами на своем пионерском сборе. Именно на сборе отряда, а не на классном собрании, как пишет Таня.

Но, чтобы сбор получился интересным и действительно помог отряду, к нему нужно как следует подготовиться. Сначала проходят сборы звеньев. На них ребята обсуждают, как их звено участвовало в отрядной жизни. Как каждый пионер звена выполнял свои поручения. Как обстоят дела с учебой. И в конце выбирают звеньевых. После таких сборов легче провести отрядный.

На сборе присутствуют все пионеры. Ведет его председатель совета отряда. А помогает ему отрядный или старший пионерский вожатый. Можно пригласить комсомольцев школы, шефов, родителей.

Сбор называется отчетно-выборным. Значит, прежде чем приступить к выборам, отряд дол-

жен подвести итог: как работал и жил он все это время.

Совет отряда рассказывает о своей работе за год. Не нужно читать по бумажке длинный доклад, с перечнем проведенных мероприятий и множеством цифр. Важно рассказать, как каждый из ребят относится к отрядным делам, не бояться критиковать недостатки.

Я знаю девочку, которая занималась в жэке с детским хором. И когда в ее отряде был сбор, на него пришли малыши из этого хора и принесли стенгазету, посвященную своей руководительнице.

Какой вклад в жизнь отряда сделал ты, твой друг, конкретно каждый человек? Если у вас получится серьезный разговор — это и будет самым лучшим подведением итогов.

К сбору можно вывесить в классе все стенгазеты, вышедшие за год, и спецвыпуск газеты, подготовленный к сбору.

Затем можно приступать к выборам. Эту часть сбора ведет пионерский вожатый.

Сколько ребят войдет в совет, решает отряд. Три, пять, семь? Это зависит от того, насколько насыщена жизнь отряда. Если дел много, а в совете только три человека, они будут слишком загружены. Значит, этот вопрос каждый отряд должен решить по-своему.

Какими же должны быть эти ребята? Вот как ответили на этот вопрос ребята в «Орленке».

Оля Комарова.

Член совета отряда справедлив и требователен к себе прежде всего, а потом уже к другим.

Ира Антонова.

Это человек инициативный.

Лариса Умеренкова.

Важно чувствовать ответственность за порученное дело и уметь довести его до конца.

Валера Орлов.

Быть самокритичным. И не бояться критиковать других.

Коля Петров.

Быть скромным. Не стараться выделиться, не подчёркивать свои достоинства.

Требования ребята предъявляют к своим командирам высокие. А если человек, которого ребята хотят выбрать, не совсем таков? Ведь найти идеального председателя или звеньевого не так просто. У всех есть недостатки. Но рядом с советом весь отряд, его друзья, они и помогут совету работать.

«Старый» совет отряда может высказать свое мнение: каких ребят они хотели бы видеть на своем месте. И разговор о работе «старого» совета, о его удачах и неудачах может быть и разговором о том, какими же должны быть его новые члены. Какими качествами, по твоему мнению, должны они обладать? Поспорь, докажи свою правоту.

Допустим, бывает так: выбирают ребята председателем совета отряда человека, который хорошо учится, никогда не нарушает дисциплину И забывают, что одних этих качеств, несмотря на то, что они необходимы, мало. Человек учится хорошо, замечаний не получает, в разные кружки ходит, но интересуют его только собственные дела. Можно такого человека выбрать в совет? Ведь у члена совета отряда душа должна болеть за все, что в отряде происходит.

Или есть, скажем, у человека все качества, необходимые председателю: и отзывчивый, и ребята за ним идут, и выдумщик, а учится «не очень». Совет отряда должен во всем показывать пример, и вдруг выбрали «троечника». Что ж, может быть и так. Тут главное не оценки, а его отношение к учебе. Если он переживает свои тройки, стремится их исправить, упорно трудится, значит, может быть членом совета.

А если совет отряда работал отлично? Надо ли его переизбирать? Вот как ответили на этот вопрос ребята в «Орленке».

Надя Доронина.

Каждый должен попробовать свои силы, почувствовать, как трудно быть председателем совета отряда или звеньевым, как много нужно для этого уметь. Поэтому в совет нужно выбирать и новых ребят.

Лариса Умеренкова

А „старички" будут нам помогать. Продолжать традиции предыдущего совета отряда.

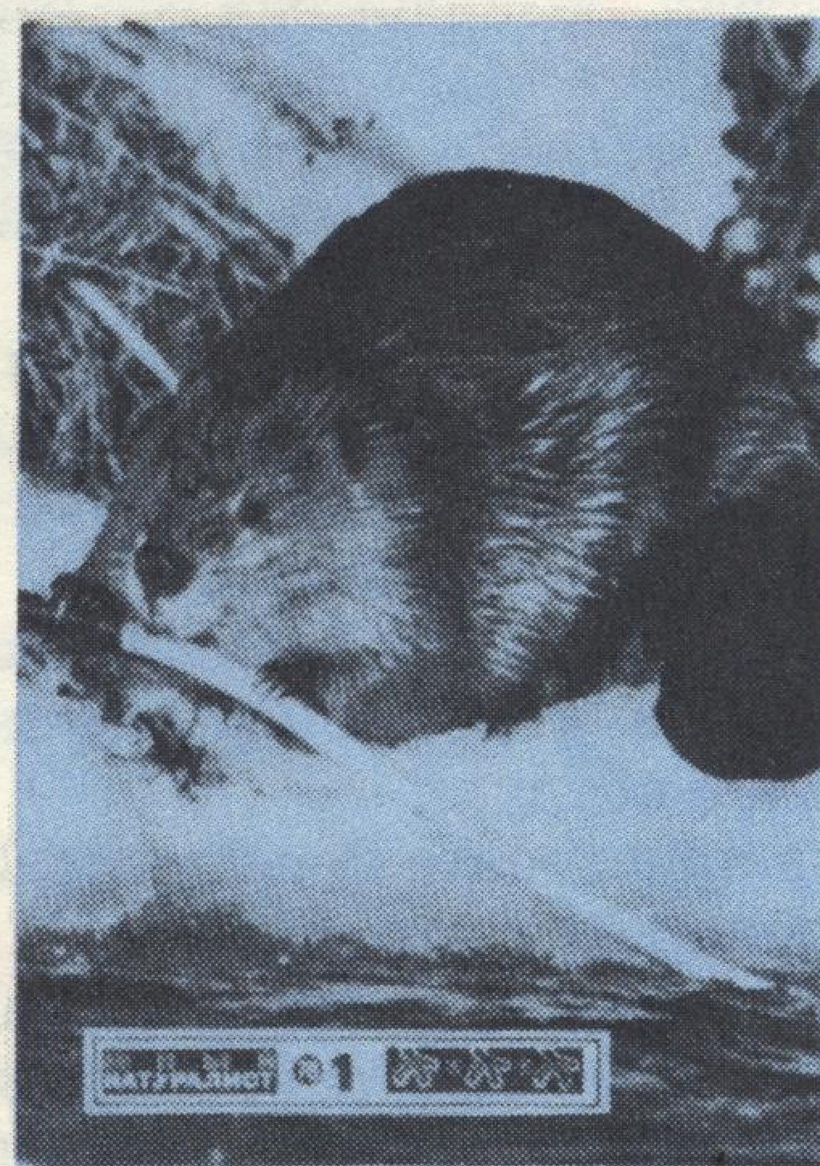

Сегодня у нас в гостях
журнал «Юный натуралист».

«ЮННАТУ» — ПЯТЬДЕСЯТ!

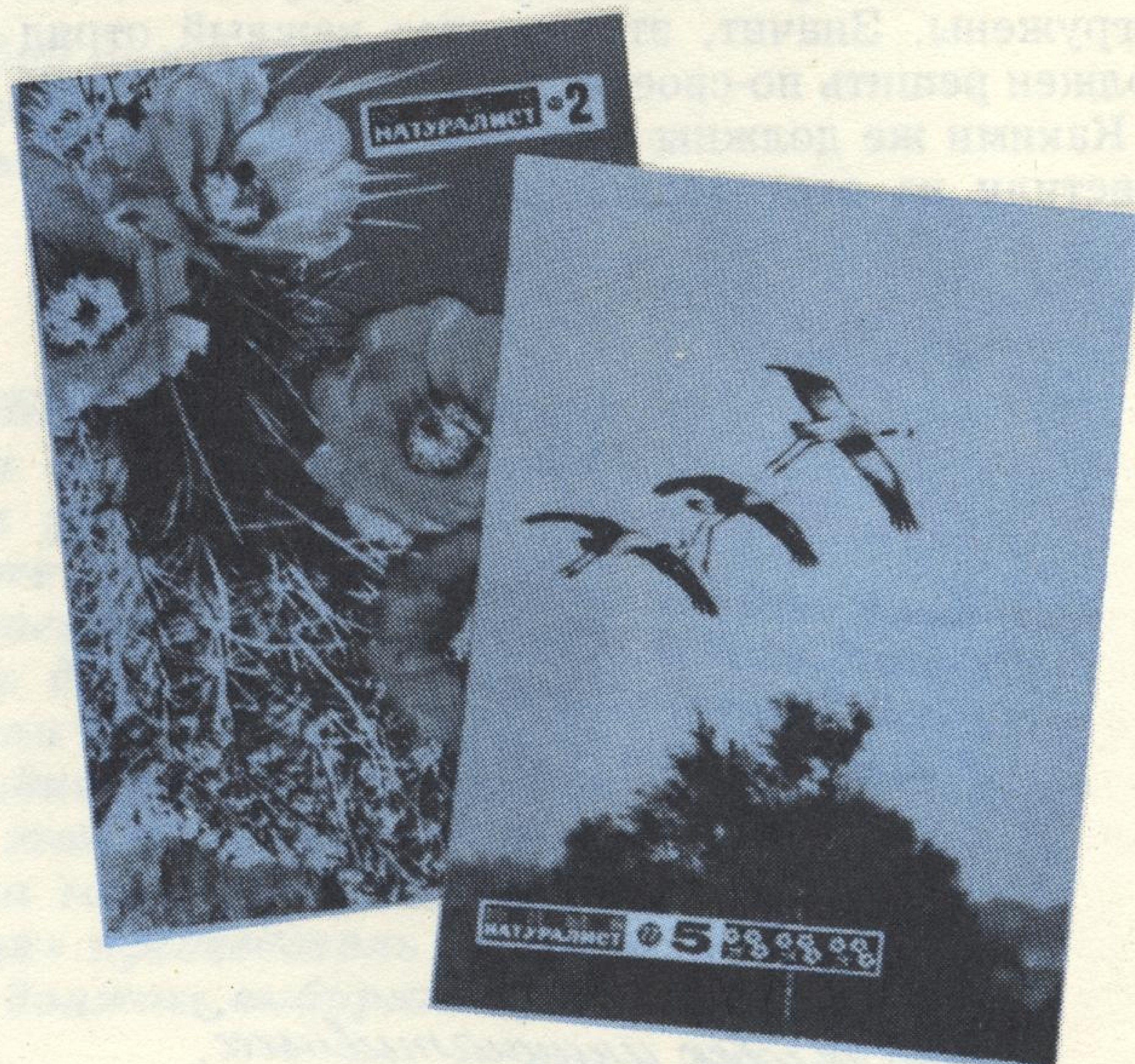

Вот уже полвека журнал помогает своим читателям (а их у него очень много: тираж «Юного натуралиста» — больше двух с половиной миллионов каждый год!) расти умелыми и добрыми хозяевами родной земли, учит любить труд, охранять природу, знать и преумножать ее богатства. За эти годы журнал подружил ребят с замечательными учеными нашей страны — Н. И. Вавиловым, В. Р. Вильямсом, И. В. Мичуриным, П. П. Лукьяненко и многими другими. Писатели Константин Паустовский, Михаил Пришвин, Леонид Леонов, Виталий Бианки со страниц журнала раскрывали красоту и поэзию родной природы...

ЖУРНАЛ «ПИОНЕР» ПОЗДРАВЛЯЕТ СВОЕГО КОЛЛЕГУ И ДРУГА СО СЛАВНЫМ ЮБИЛЕЕМ! Желаем «Юннату» быть мудрым наставником и другом ребят, тех, кто любит, бережет и украшает нашу Родину.

Редакция журнала «Пионер»

ПЕРЕД ТОБОЙ НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ ЖУРНАЛА-ЮБИЛЯРА.

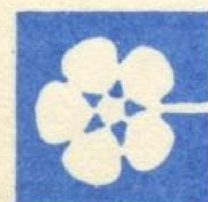

Так называется конкурс-эстафета, который пятый год ведет «Юннат» вместе с Центральным Советом Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина и Всероссийским обществом охраны природы.

Выполняя задания штаба, участники конкурса окружали свои школы садами и цветниками, озеленяли улицы, выращивали цветы и делились их семенами друг с другом. 22 апреля, в день рождения В. И. Ленина, юннаты возлагали выращенные ими цветы к памятникам Ильичу, бережно ухаживали за обелисками и мемориалами военной славы...

Сколько улиц, школ, городов и селений украшены теперь зеленым убором садов, парков, скверов!

В год 60-летия Ленинского комсомола ребята получили новое задание — «Зеленое кольцо комсомольской славы». В городах комсомольской славы — Каховке, Краснодоне, Маг-

нитогорске, Братске, Набережных Челнах, Усть-Илимске — вспыхнут живые пионерские костры из цветов.

Приглашаем и вас, дорогие читатели «Пионера», принять участие в конкурсе. Советуем последовать примеру читателей «Юнната» и заняться озеленением своей школы, микрорайона, взять шефство над воинскими мемориалами.

Свои рассказы о том, что вы сделаете летом, присылайте в штаб конкурса — в редакцию журнала «Юный натуралист». Адрес его: 103030, Москва, ГСП-4, Сущевская улица, д. 21.

«Колосок» — это юннатская газета в журнале. Она рассказывает о славных делах юннатов на колхозных полях и фермах, на опытных делянках и лесных участках, на подшефных речках и озерах. Ты узнаешь, как они участвуют во Всесоюзном пионерском марше «Мы верная смена твоя, комсомол!», посвященном 60-летию ВЛКСМ.

Вот несколько заметок из газеты «Колосок».

Сеятели

Юннаты Березанской средней школы Николаевской области провели такой опыт: решили выяснить, как влияют нормы высева семян на урожай ярового ячменя сорта Донецкий-4.

Ячмень ребята высевали на трех делянках. На первой — из расчета триста зерен на один квадратный метр, на второй — четыреста, на третьей — пятьсот. И так три года подряд.

И что же оказалось? Первая и третья делянки дали одинаковый урожай: в пересчете на гектар чуть больше двадцати двух центнеров. А рекордной оказалась вторая делянка! В своем отчете ребята записали: «Наилучшая густота стояния была при норме высева четыреста зерен на один квадратный метр. Урожай в пересчете на гектар составил двадцать пять центнеров».

Результаты опыта уже используются на колхозных полях.

Весомая малявочка

Дозорных голубого патруля Индерской средней школы Латвийской ССР можно встретить на подшефных озерах и в метельные дни и в пору крепчайших морозов. Умело работая пешнями и лопатами, пробивают они во льду лунки и проруби — спасают рыбу от гибели под ледяным панцирем.

А однажды пришлось даже брать в руки мотопилы и ими резать лед — так глубоко промерзли озера. В ту зиму во льду пришлось прорубать не лунки, а девятиметровые полыньи...

Весной дозорные отправляются к речкам. Там в бочагах, озерках и просто огромных лужах, оставшихся после паводка, как в западне, оказались мальки. Сачками и бреднями вылавливают их дозорные, в ведрах переносят в реку. «Плывите, неудачники, вырастайте!»

В прошлом году участники операции «Малявочка» спасли около трех миллионов мальков! Среди них немало мальков ценной рыбы: ряпушки и даже форели. Весомой оказалась «Малявочка»!

Шалашик для куропаток

Тельмовская средняя школа недалеко от Бреста, в пригородной зоне отдыха. Отдыхающие хорошо знают ребят из этой школы в фуражках с дубовыми листьями на кокарде. Ребята следят за тем, чтобы в лесу не разводили костры, не сорили. И результат налицо: в прошлом году не было ни одного пожара.

С зимы до поздней осени хватает работы в лесу: за год очистили от сушняка 55 гектаров леса, посадили молодые сосенки на площади в

8 гектаров, учли и огородили 90 муравейников, 15 из них расселили.

Зимой ребята подкармливают в лесу куропаток. Делают для них кормушки-шалашики, чтобы корм не заносило снегом. Изучая следы на снегу, ребята с радостью узнали, что на их участке живут три стайки куропаток! А еще недавно птица эта была редкой в здешних местах.

КЛУБ «ПОЧЕМУЧЕК»

В журнале «Юный натуралист» есть Клуб Почемучек — самых любознательных его читателей. На заседаниях Клуба читатели вместе с учеными, писателями, охотниками, лесоводами путешествуют по лесным тропкам, читают Лесную Книгу, наблюдают за птичьими перелетами, изучают следы и повадки зверей, узнают о редких и диковинных растениях.

И, конечно же, Почемучки задают вопросы. Спрашивают обо всем: сколько живет муравей? Надо ли беречь пауков? Какое дерево самое ценное? Почему у березы на коре черные отметины? Почему осенью опадают листья? Что такое «ведьмины метлы»?.. Вопросам нет конца.

Приглашаем читателей «Пионера» на одно из таких заседаний. Почемучки на этот раз расскажут вам о птицах и о том, какие гнезда они строят.

Разговор начинает Главный Почемучка.

«Каждая птичка — мастер своего дела. Возьмите дятла. Кто он, по-вашему? Конечно, плотник. Долбит себе, долбит дерево, пока хорошее дупло не выдолбит. И ведь готовит он дупла не только для себя, но и для других птиц, тех, что живут в дуплах, а сами долбить древесину не могут. У них другая профессия. Вот, например, поползень. Маленькая пичужка одновременно и акробат и штукатур. Вот как ловко строит он свой домик».

Лесной акробат

Серенькую птичку с черными бровками и беленькой грудкой часто можно видеть в старом лесу. До чего же она верткая! Это поползень. С утра до вечера зимой и летом бегает он вверх-вниз по древесным стволам, ни одну трещинку без внимания не оставит: то жучка-короеда вытянет, то куколку.

Наблюдал я, как поползни гнездо готовили. В клювах они носили какой-то рыжеватый раствор и откладывали его по капле на стенки старого дупла. Оно было им велико, и поползни сужали вход, чтобы другие птицы туда залететь не могли.

Пришел я на это место через несколько дней и увидел совсем маленькое отверстие. Постучал по стволу. Из дупла выскочил поползень, забеспокоился, а потом показалась голова самочки. Она тревожно закричала. Не стал я больше мешать, ушел от дерева.

Олег ДЕРКАЧ, село Косов,
Тернопольской области

«В наших лесах есть птица, которую можно назвать и портнихой и кружевницей. Это синица-ремез. Гнездышко у нее соткано, как мягкий пушистый коврик, и к ветке дерева пришито тонюсенькой, но очень прочной ниткой.

Одной из наших Почемучек удалось понаблюдать за работой этой мастерицы».

Чудо-домик

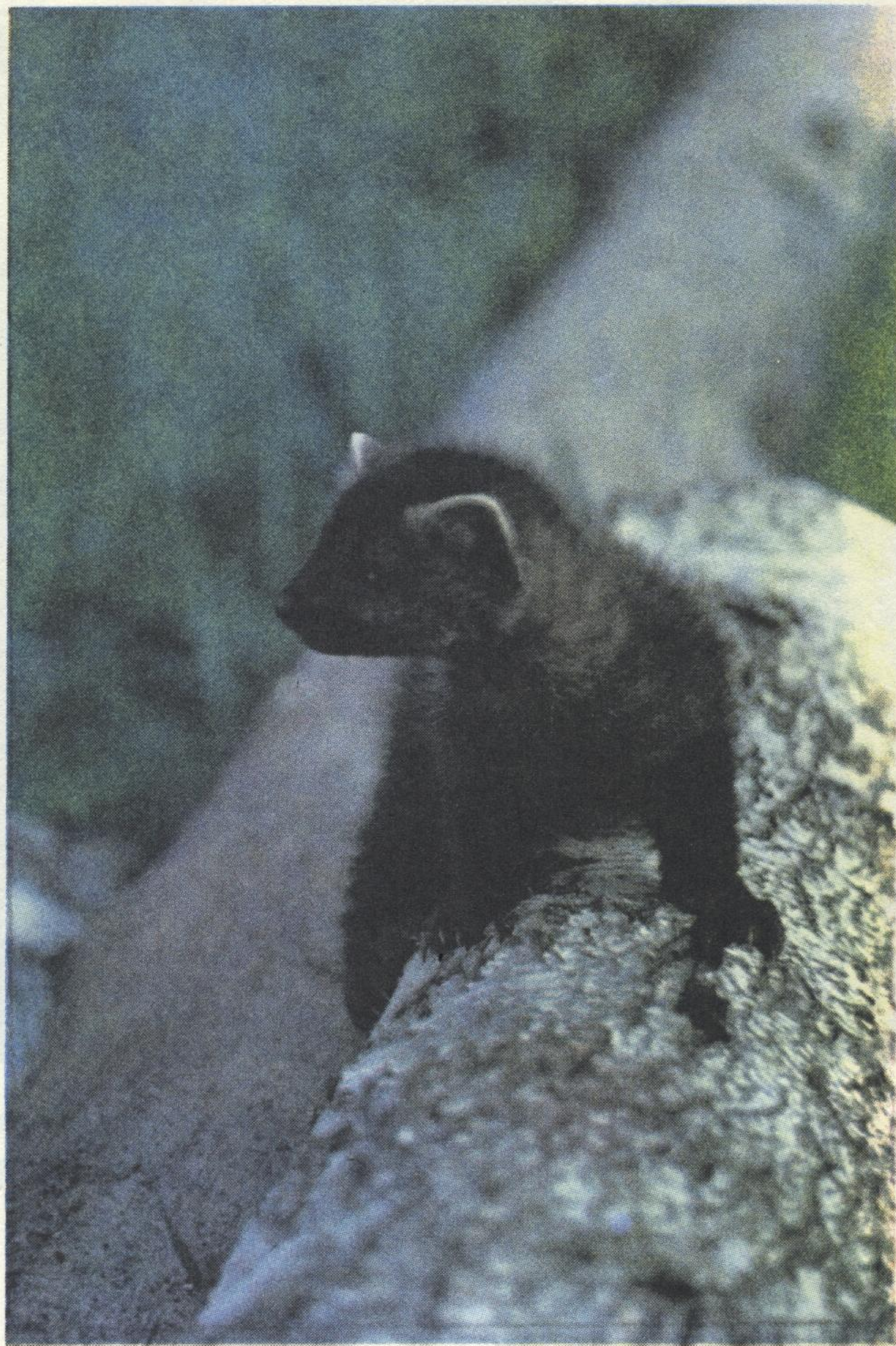
Весной я случайно нашла гнездо ремеза, которое птички только-только начали строить, на самом конце сухой ветки вербы. Спряталась я в редких кустах неподалеку, чтобы не тревожить птиц, не мешать их работе.

Основу гнезда птицы сделали из тоненьких прутиков. А затем стали аккуратно вплетать между ними пух. Гнездо приобрело необычную форму — тонкая рукавица с двумя отверстиями. Эти отверстия-окошечки птички аккуратно обметали тончайшей сухой травинкой, чтобы пух не разнесло ветром. Семь дней ушло на изготовление этого чудо-домика.

ТИХОНОВА Инна, г. Сумы,
Украинской ССР

В каждом номере журнала с юннатами беседуют ученые, специалисты сельского хозяйства, лесоводы. Под рубрикой «Листая Брема» часто публикуются статьи о зверях и птицах. Перед вами один из таких рассказов, который написал биолог Анатолий Георгиевич РОГОЖКИН.

Цвет русских соболей

Соболь — национальная гордость России. В начале XX века этот зверек был на грани истребления. Но наше государство взяло его под строгую охрану, и сейчас в сибирской тайге живет примерно 600—800 тысяч соболей. Разводят их и в совхозах. Там советские звероводы вывели породу, которую назвали черный соболь... Это на удивление красивый и ценный зверек. Самое главное, что в дикой природе таких соболей не встретишь.

Мех соболя во все времена был на вес золота. Вспомните «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Ограбленный в пути купец чудом сохранил соболью шкурку и выменял на нее арабского скакуна...

Шелковистый, искрящийся на свету соболий мех почти невесом. Самого разного цвета — от песчано-желтого до смолисто-черного. Особенно ценится темный соболь.

...Черная молния! Точнее о соболе не скажешь.

Вот зверек стоит на задних лапках. Щелкает затвор фотоаппарата. Щелк! И зверек повис вниз головой на противоположной стенке сетчатой клетки! Щелк! И он прыгает прямо в объектив, заставляя вас в испуге отшатнуться от сетки, — и тут же стрелой летит обратно. Настоящий акробат, грациозный, ловкий, смелый!

Водится соболь в сибирской тайге, от Урала до Тихого океана. В европейских лесах его нет.

Увидеть живого соболя на воле — большая удача. Редок он и в зоопарках: плохо приживается. Хотя именно в зоопарке положено начало клеточному соболеводству. И знаменательно, что у истоков этого важного дела стояли юннаты кружка юных биологов зоопарка, получившие под руководством профессора П. А. Мантейфеля первый приплод от соболя в неволе.

Все лучшее, что было в диком соболе, получили в наследство воспитанники ферм. Это не значит, что дикий зверь плох. У него свои преимущества. Он разнообразен по окраске, его мех богаче по цветовой гамме. И главное, диких соболей во много крат больше. Но совхозные самые ценные.

В неволе соболи несколько изменили свои повадки. Стали менее пугливыми. Звероводы считают соболей самыми смышлеными из всех зверей, содержащихся на фермах.

Соболь — агрессивный зверек. У него мертвая хватка, и звероводам приходится строго соблюдать меры безопасности: хищник есть хищник...

Но бывают в хозяйствах и ручные, мирные соболи. Правда, пока это большая редкость. Особенно трудно добиться, чтобы зверек признавал не только хозяина, но и всякого другого человека.

А я знаком с таким соболем. Он живет в Салтыковском зверосовхозе под Москвой и зовут его Тяпа. Я фотографировал его, брал на руки. Как и все соболи, Тяпа очень подвижен. Трудно передать чувство, которое испытываешь, когда по твоим плечам носится легкое пушистое существо с острыми коготками, в свирепости не уступающее льву. Сердце ёкает, когда Тяпа тихонько, совсем не больно, будто играя, вдруг куснет тебя за ухо.

А спрыгнет с плеча в клетку — и станет грустно. Побегал бы еще!

Какое животное может символизировать природу нашей страны? На этот счет есть разные мнения. Одни называют бурого медведя, другие — лося, белого журавля стерха, белку, выхухоль. А я голосую за соболя.

Рисунки В. ФЕДОРОВА

С КОМСОМОЛЬСКИМ БИЛЕТОМ

1918—1978

ЛЮБИМЫЙ ГЕРОЙ — МОЛОДЕЖЬ

«ПОБЕДИТЕЛЬ».
Анатолий УЧАЕВ.

Эта выставка называлась «По Ленинскому пути». Она была открыта в Москве к 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Больше двух тысяч художников со всех концов нашей страны приняли в ней участие и больше двухсот тысяч человек успели побывать на ней.

Множество молодых лиц смотрело на нас с хол-

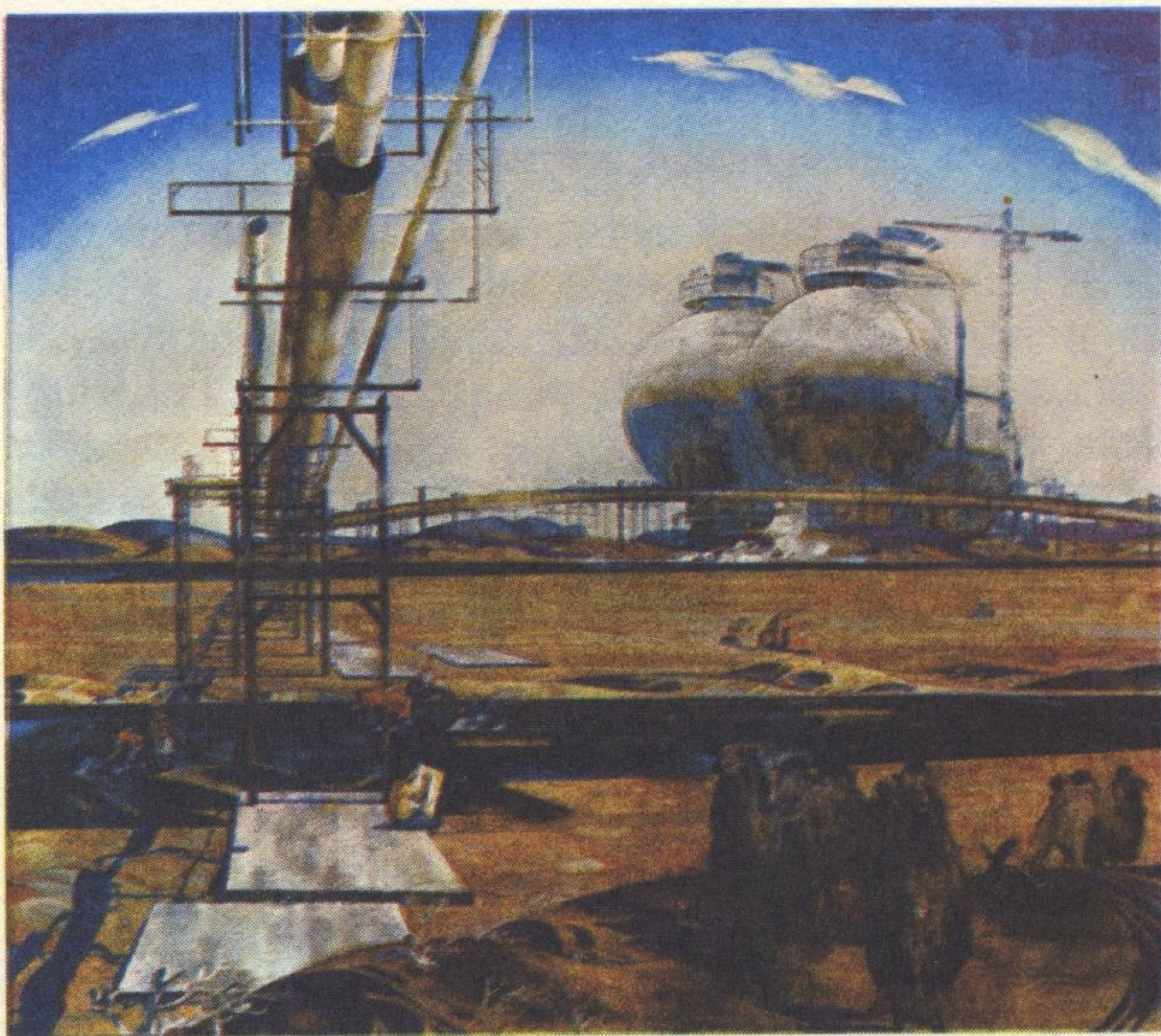

«ПАХАРИ».
Эдгар ИЛТНЕР, народный художник Латвийской ССР, лауреат Государственной премии Латвийской ССР.

«ТРУДОВАЯ ПОБЕДА»
(«Бригада Алиева»).
Али Мурсал оглы ВЕРДИЕВ.

«НОВЫЙ ПЕЙЗАЖ».
Джавлят УМАРБЕКОВ.

«ПЕСНЯ».
Олег ФИЛАТЧЕВ.

стов: молодежь, комсомольцы — любимый герой советских художников. Их образам, их делам, их жизни посвящены прекрасные картины.

Пять из них ты видишь на этих страницах.

На картине народного художника Латвийской ССР Эдгара Илтнера — юные пахари на просторах родной земли. Уверенно смотрят они вперед, словно видят там, вдалеке, каким станет поле осенью, когда созреют хлеба. На картине Джавлята Умарбекова, молодого художника из Узбекистана, мы видим землю, уже преображенную рабочими руками.

Трудовым победам, победителям посвящены картины Анатолия Учаева из Саратова и Али Мурсал оглы Вердиева из Баку.

А Олег Филатчев, москвич, показал нам тихую, нежную минуту отдыха...

4 АПРЕЛЯ —
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
КУБИНСКОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ ХОСЕ МАРТИ

С. МАКЕЕВ

Двенадцать дней с Элио Родригесом

Фотографии автора.

Рисунки А. БОРИСОВА

С кубинским пионером Элио Родригесом я познакомился в Артеке в дни работы Международного детского фестиваля «Пусть всегда будет солнце!». Мне сразу полюбился этот смуглый мальчуган из Гаваны. Мы часто встречались и подружились. Прочитайте его дневниковые записи, и вы тоже познакомитесь с Элио Родригесом и полюбите его.

15 — 16 июля

Два дня я провел в пути, но совершенно не устал. Все было ново, интересно. К тому же я первый раз в жизни летел на самолете. Там я познакомился со своими товарищами, которым тоже посчастливилось поехать на фестиваль.

Утром 16 июля мы сделали посадку в Лиссабоне. И оттуда наш самолет взял курс на Москву.

За разговорами с друзьями время летело незаметно. Вечером мы были у цели нашего путешествия.

17 июля

Утром мы поехали в подмосковный пионерский лагерь. Сперва оживленно болтали, смеялись. Но вдруг переводчица сказала: «Вот тут проходил фронт. Фашисты стояли всего в тридцати километрах от городской черты...» И тихо стало в автобусе. За окнами мы видели памятники: величественные монументы, скромные статуи, гранитные плиты с золотыми строчками имен погибших. И я вспомнил о памятниках героям у нас, на Кубе. У их подножия тоже не увядают цветы. К ним приходят седые матери — чтобы выплакать свое горе, верные товарищи по оружию — чтобы воздать почести погибшим, совсем юные, в пионерских галстуках — чтобы поклясться в верности делу революции...

Лагерь встретил нас торжественной пионерской линейкой, и, когда мы встали на правом фланге в общий строй, на флагшток поднялся Государственный флаг Республики Куба. Мы замерли в салюте, салютуя одновременно и Советскому флагу, уже развевавшемуся на мачте.

Потом был концерт. Мне запомнилась одна советская песня о Кубе:

Слышишь чеканный шаг?
Это идут «барбудос».
Небо над ними, как огненный стяг.
Слышишь чеканный шаг?

Мы танцевали самбо под аккомпанемент нашего ансамбля «Золотой возраст». Когда пять лет назад эти ребята из Гаваны организовали ансамбль, младшему было ровно пять лет. Припевы многих наших песен подхватывали советские пионеры. Они напевали без слов «Гуантанамейру» и песню о Че Геваре.

В гостиницу мы вернулись уже в сумерках.

18 июля

Сегодня открытие фестиваля! Торжественной колонной под четкую дробь десятков барабанов мы прошли по улице Горького к Кремлевскому Дворцу съездов. Люди, тесно стоявшие на тротуарах, улыбались, приветственно махали нам.

В зале Кремлевского Дворца съездов нам прочитали приветствие Леонида Ильича Брежнева. «Очень рад, что все вы, собравшись на свой фестиваль, демонстрируете пример того, как нужно с юных лет учиться жить в мире и дружбе, совместно бороться за осуществление самых светлых помыслов и устремлений», — говорилось в нем.

Это правда: все вместе могут сделать очень много. Все вместе люди могут победить вражду и войну, открыть дорогу миру и дружбе. Это зависит и от нас, делегатов. Может быть, детские фестивали зашагают по земле, как всемирные фестивали молодежи и студентов, как тот, к которому готовится сейчас Куба.

19 июля

Утром все делегации пришли к Кремлевской стене на возложение венков к могиле Неизвестного солдата. Минута молчания. Минута — как это мало в жизни! И какая она длинная, когда стоишь перед памятником павшим. Я вспомнил рассказ своего отца в тот день, когда меня принимали в пионеры.

«Сынок, — сказал папа, — сегодня ты делаешь первый ответственный шаг в своей жизни. Ты посвящаешь себя служению делу, за которое боролись и умирали лучшие люди нашего времени. Твоя организация вправе потребовать от тебя всех сил, всего времени. И ты должен будешь отдать их без сожаления и колебаний.

Послушай: когда мы дрались с врагами на Плайя-Хирон, пули не тронули меня. Но многие мои товарищи погибли там. Один бой я запомнил навсегда.

С высоты, которую нам предстояло захватить, местность простреливалась вражескими пу-

Ансамбль «Золотой возраст» из Гаваны.

леметчиками. Мы поднялись в атаку, но были отброшены шквалом свинца. На поле остался лежать один наш товарищ, сраженный пулеметной очередью. Смертельно раненный, он дополз до стены разрушенного дома, приподнялся на локте и что-то стал писать. Потом упал и больше не двигался.

На белой стене кровью было начертано: «Родина или смерть!»

Мы снова поднялись в атаку, выбили врагов с высоты.

Мой мальчик! Когда тебе будет очень трудно в жизни, вспомни об этом герое, и, я уверен, ты почувствуешь себя сильнее!»

По лицам друзей я видел, что и они надолго запомнят эту минуту у могилы Неизвестного солдата. Ведь многие родители моих товарищей воевали. Некоторые погибли уже в мирное время от старых ран...

В Артек нас провожали с оркестром. Наш путь лежал на юг.

Приписка на полях: «Мамочка! Как бы я хотел, чтобы ты сама могла увидеть все это!»

20 июля

Сегодня мой день рождения. Для начала я свалился с верхней полки и разбил губу. Руководитель делегации Хуана и медсестра нашего поезда смазали ранку йодом. Но я наделал столько шуму, что все ребята проснулись и... принялись меня поздравлять! Под подушкой я нашел кучу подарков — они были сделаны руками моих товарищей. Приходили меня поздравлять и ребята из других делегаций.

Откуда все узнали о моем дне рождения? Я не стал допытываться. В этот день я люблю все необычное.

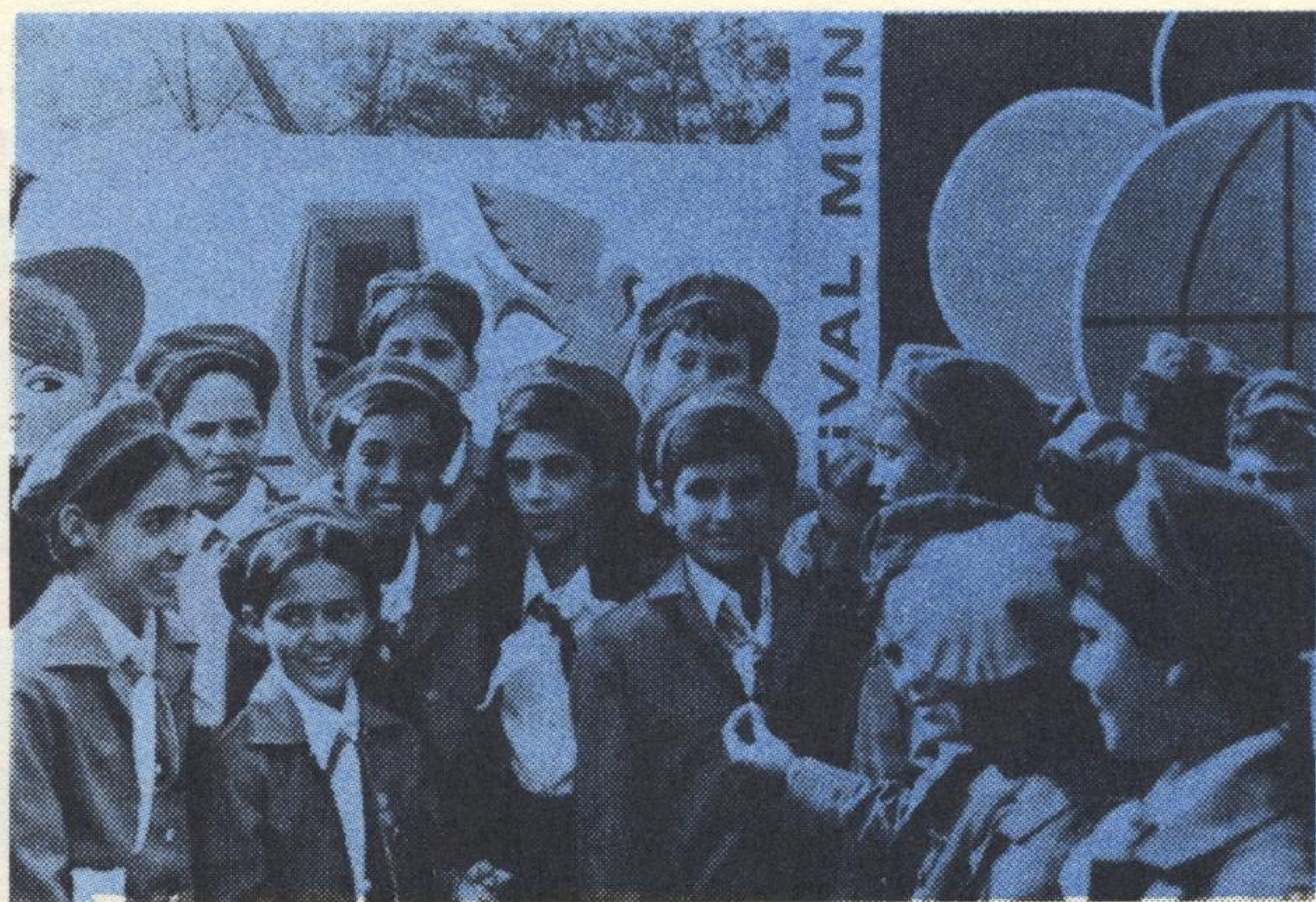
21 июля

Мы живем в дружине «Озерная» в двухэтажном корпусе, который называется «Байкал». Утром познакомились с нашими вожатыми Костей, Галей и Толей. Все трое студенты. Они свободно говорят по-испански.

Председателем совета отряда мы выбрали Рудольфо Герреро. Это самый серьезный мальчик в нашем отряде. А Раису Вьерру Эрнандес на общем собрании дружины «Озерная» ребята избрали председателем совета дружных.

Были на экскурсии по Артеку: ехали на автобусе, шли пешком и снова ехали, и все это был Артек. Море, горы, пляжи, белые корпуса, стадион, костровые площадки — все это принадлежит советским пионерам.

Вечером наши вожатые показали нам маленький концерт. Очень интересный человек Костя. Он учится в университете в Воронеже. Его мама — детский врач, а отец — инженер по охране лесов. В детстве Костя учился играть на фортепиано, умеет еще играть на гитаре, здорово поет. Увлекается фотографией, радиотехникой,

А это Элио Родригес с друзьями. Он стоит в центре.

конструированием. Играет в студенческом театре, который называется «Университетская площадь». В одной комнате с Костей в общежитии живут двое кубинских студентов — Рафаэль и Сесер. От них Костя научился испанскому языку и кубинским песням. В общем, Костя все умеет, и все у него получается!

22 — 23 июля

На утреннюю линейку к нам пришел заместитель председателя пионерской организации Кубы товарищ Фруктозо Метос. Он принял рапорт у Рудольфо и сказал нам: «Пионеры, вам выпала большая честь — побывать в СССР, на родине великого Ленина. Вы представляете здесь Кубу, кубинскую молодежь, наш народ. Знакомьтесь, дружите с детьми из разных стран. Недалек тот день, когда народы земли будут жить по законам мира и дружбы. Учитесь у своих советских друзей гостеприимству: через год вы будете встречать гостей. Расскажите всем, кого здесь встретите, о нашей прекрасной родине. Расскажите своим товарищам пионерам о Кубе, стране XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов».

В тот день у нас в гостях были советские пионеры. Нам было очень приятно, что они так много знают о Кубе и еще больше хотят узнать. Особенно их интересовала работа нашей пионерской организации.

Нас спросили: «За какие такие успехи вас послали на фестиваль?» Надо сказать, что это не такой простой вопрос. Вот как на него ответили мои товарищи.

Давид Торрес: «Я ответственный за работу пионеров в своей школе. Для себя я это так понимаю, что в каждом деле нужно быть впереди. Поэтому, если наша школа даже в конце учебного года, как новенькая, — в этом и моя заслуга. Мы все читали книгу Гайдара «Тимур и его команда» и решили тоже помогать инвалидам, больным, семьям военнослужащих. Те-

перь мы работаем по заданиям Комитетов защиты революции. Весь микрорайон, прилегающий к школе, — зона наших пионерских дел...»

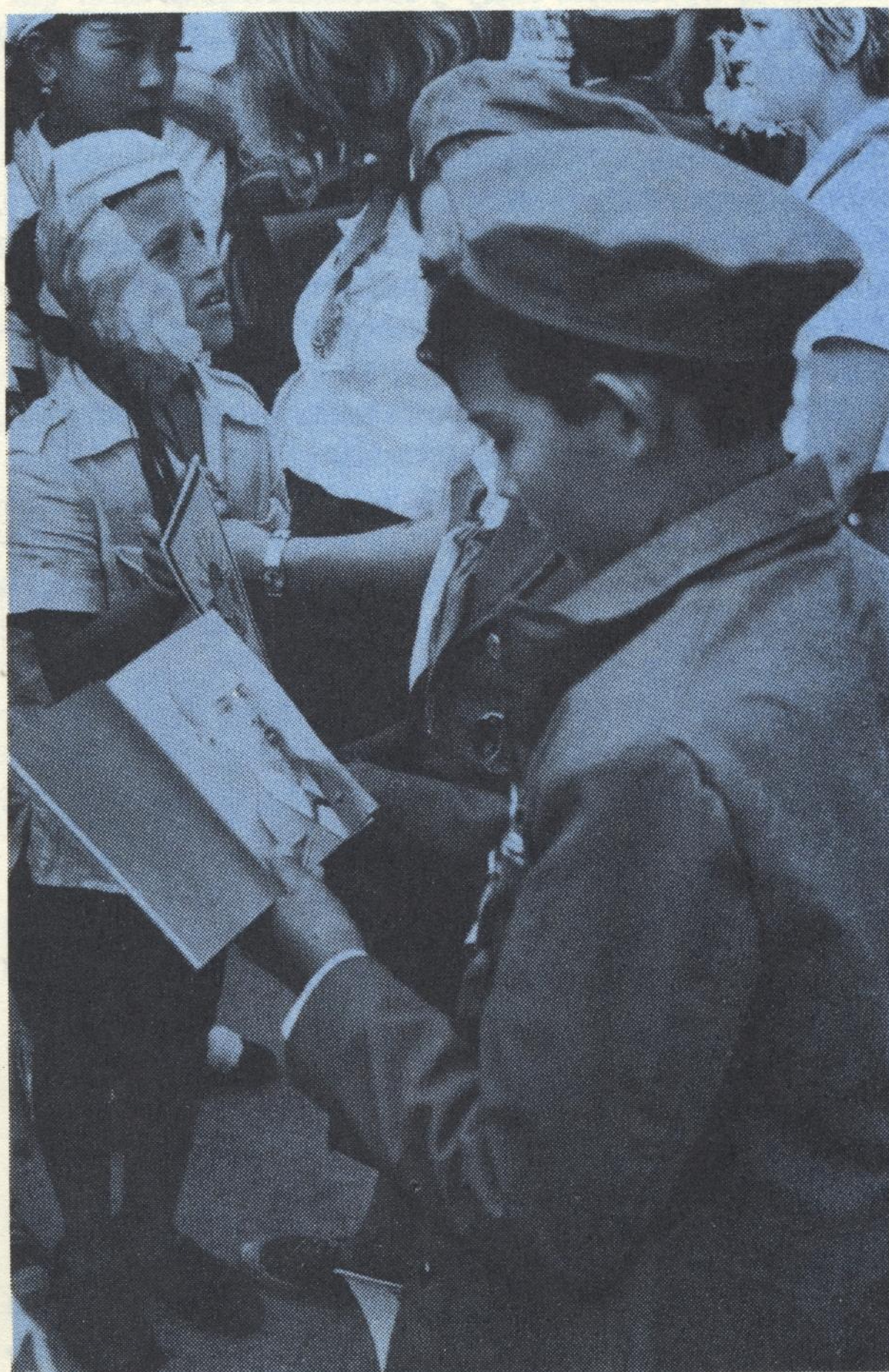
Рейноль Диас Баэса: «У нас в провинции Матансас, на востоке Кубы, плантации тростника. В период сафры тростник помогают крестьянам убирать и студенты, и рабочие, и мы, пионеры. Конечно, нам не дают в руки мачете — нам пока тяжело с ним справляться. Чтобы не было потерь, мы подбираем стебли тростника. В прошлую сафру я собрал их больше всех».

Тут советские ребята рассказали, что у них есть похожая пионерская операция — «Зернышко». Они собирают на поле колоски, выставляют на дорогах дозоры и следят, чтобы зерно не пропадало по дороге на элеватор. Они помогают сберечь урожай хлеба.

Когда очередь дошла до меня, я не стал повторять того, что уже рассказали Давид и Рейноль, хотя и сам работал по заданиям Комитета защиты революции, участвовал в субботниках и месячниках добровольного труда на сафре, в сборе кофе и табака.

Я рассказал о том, как кубинские пионеры помогают стране готовиться к Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Сейчас каждый кубинский пионер готовит подарки и сувениры — кошельки, красивые шкатулки. Кто хорошо рисует, пишет кубинские пейзажи. Сельские ребята искусно плетут широкополые шляпы из стеблей сизаля. Девочки шьют национальные костюмы для кукол. А я делаю корабли из дерева, картона, лоскутков материи. Со стапеля моей домашней судоверфи сошел уже не один парусник.

Рудольфо Герреро получил в подарок от советских пионеров книгу о В. И. Ленине.

Все эти сувениры мы продаем в специальных магазинах, а деньги перечисляем в фонд фестиваля... Ну, еще я отлично учусь по всем предметам. Хотя, сказать по правде, времени на уроки остается не так уж много. Вот, кажется, и все. Много это или мало, не мне судить. Скажу только, что был счастлив, когда мне сказали, что я поеду на фестиваль...

24 июля

Мы были потрясены! Фестивальный огонь зажигала Раиса Вьерра Эрнандес. Она поднесла факел к огромной чаше, и вспыхнул огонь. День летел стремительно. Открылась ярмарка солидарности. Чего там только не было! Раскрашенные фигурки из дерева, кошельки, куклы, самодельные бусы, альбомы. Больше всего было сувениров, сделанных руками ребят. Сколько старания, выдумки, умения вложили маленькие мастера в эти нехитрые игрушки. Наши девочки-продавцы едва успевали выкладывать товары на прилавок — их тут же раскупали.

Хосе Бальбаа отозвал меня в сторону:

— Ты написал письмо для бутылочной почты? Бежим скорее!

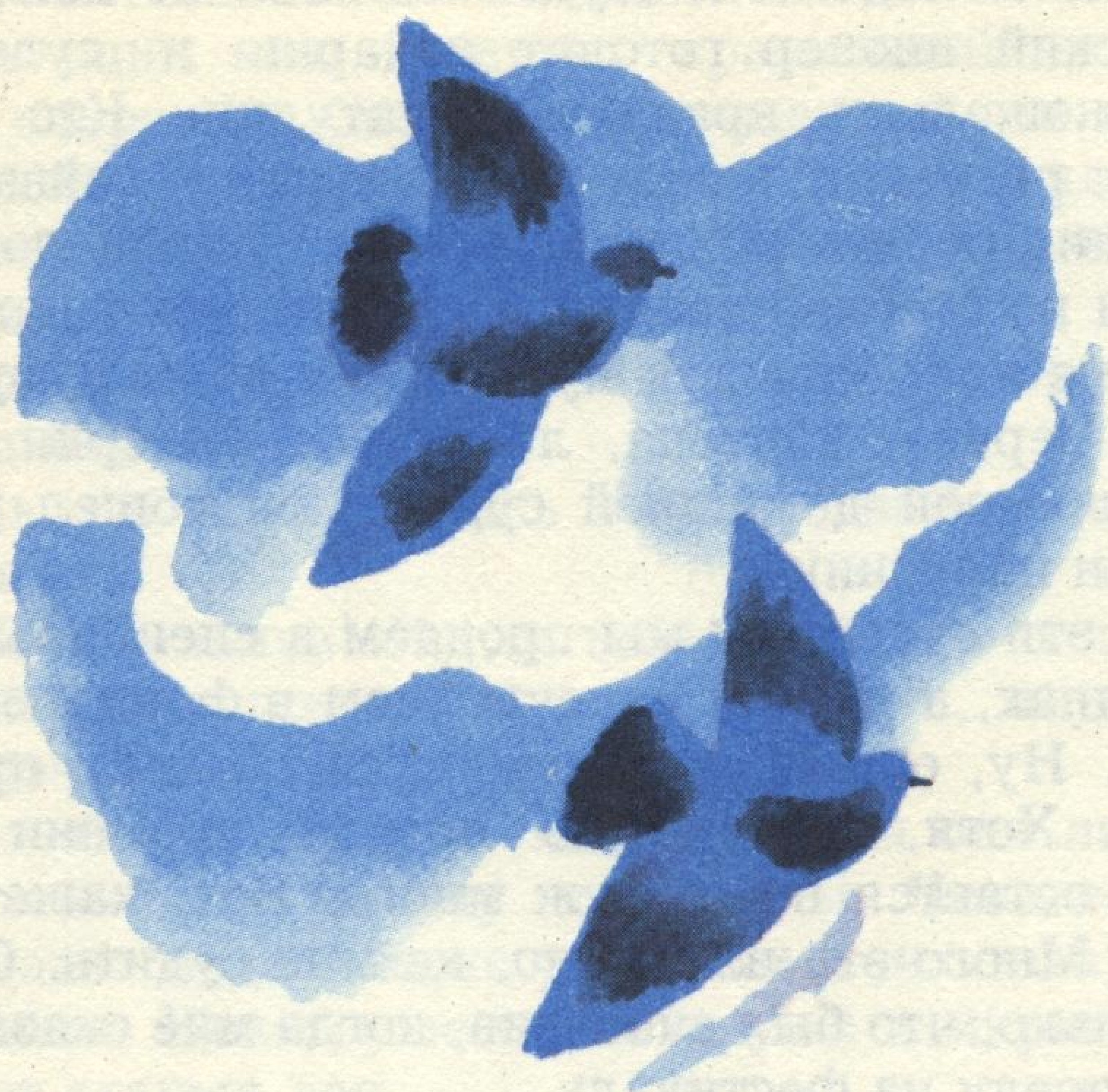
На детском международном почтамте мы увидели стопки чистой бумаги, карандаши, баночки с красками, пузырьки с чернилами и тушью, кисточки и ярко раскрашенные бутылки. Кто хотел, писал письма, другие рисовали их. Рисунок не требует перевода, он понятен каждому. Вот мальчик из Японии рисует атомный гриб и перечеркивает его крест-накрест — нужен ли тут перевод?

На почтамте мы встретили Марию Терезу Кастро из нашего отряда. Она рассказывала окружившим ее ребятам:

— По себе знаю, как помогает дружеское слово, товарищеское участие. Несколько добрых слов в почтовом конверте. В 1975 году много-много кубинских ребят написали письма ангольским солдатам, защищавшим революцию в Анголе. Написала и я: «Дорогой друг! Я верю, что Ангола будет свободной и независимой, что ангольский народ построит социализм, что ваши дети будут счастливы, как маленькие кубинцы!..»

Трудно в нескольких словах выразить самое главное, что волнует тебя. Наконец я написал такое письмо:

«Самое дорогое у человека — жизнь.

Самое дорогое для всех людей — мир.

Сделаем все, чтобы мир стал прочным, жизнь людей — справедливой».

И подписался — мальчик с острова Свободы.

...Белоснежный теплоход увез наши письма, запечатанные в бутылках, в нейтральные воды, и оттуда они отправились в долгое путешествие по морям и океанам.

25 июля

В День мира, дружбы и солидарности над Артеком был поднят флаг, сшитый из десятков пионерских галстуков разных стран. И день был похож на этот флаг. Во всех дружинах прошли митинги в защиту мира, митинги солидарности с борющимися народами. Я видел, как тысячи рук вздымались и сжимались в кулаки, я слышал, как тысячи голосов сливались в один:

«Долой фашистскую хунту в Чили!»

«Мир народам Палестины!»

«Крепить солидарность с борьбой народов Вьетнама и Лаоса!»

«Нет нейтронной бомбе!»

«Долой расизм!»

«Да здравствуют мир и справедливость!»

В гостях у вьетнамских пионеров я познакомился с удивительным человеком. Его зовут Ро Тям И Минь. Ему двенадцать лет. Когда во Вьетнаме шла война, ему было десять. Ро воевал в партизанском отряде. Он рассказал о том, как получил первое свое боевое задание: командир назначил его связным и поручил доставить очень важный пакет в соседний партизанский отряд. В джунглях мальчик чуть было не попал в засаду. Его обстреляли. Пули жужжали вокруг его головы. Ро с трудом ушел от преследователей. У самого лагеря партизан его заметили с вражеского самолета-разведчика. Самолет спикировал, заговорили пулеметы. Но пули снова не задели Ро. Пакет был доставлен партизанам...

Я навсегда запомню Ро, он будет для меня примером, как и те маленькие кубинцы, которые помогали повстанцам в горах Сьерра-Маэстра.

26 июля

Я завидую мальчишкам Сантьяго-де-Куба: 26 июля лучшие пионеры получают право участвовать в игре-штурме казарм Монкада.

Повстанцы во главе с Фиделем Кастро атаковали казарму 26 июля 1951 года. То было начало нашей революции.

Ребята накануне приезжают на маленькую ферму, где повстанцы провели ночь перед штурмом. На рассвете пионерам раздают оружие. На трех грузовиках ребята подъезжают к казармам и по сигналу поднимаются в атаку...

И у нас, гаванцев, есть замечательные революционные праздники. Например, 13 марта. В этот мартовский день 1957 года сорок шесть патриотов во главе с Хосе Антонио Эччеверией попытались захватить президентский дворец и покончить с ненавистной диктатурой. Нападение должно было быть внезапным. Смельчаки направились к дворцу на двух грузовиках. Но когда машины остановились напротив главного входа, охрана открыла огонь. Атака не удалась: многие участники штурма были убиты, остальные схвачены и брошены в тюрьмы.

Каждый год 13 марта лучшие пионеры участвуют в представлении, воскрешающем эти события. В прошлом году участвовал и я.

В трех старых «фордах» мы ехали к центру Гаваны. За пазухой у меня сидел белый голубь. За окнами проплывали знакомые улицы столицы.

Вот наш «форд» остановился перед дворцом. И тут же застрочили пулеметы, заряженные холостыми лентами. Я первым выскочил из машины, на ходу расстегивая рубаху, и мой голубь взмыл в небо. И другие ребята стали выпускать голубей и разбрасывать алые гвоздики. Гвоздика — символ революции.

Мы построились в шеренгу. На площадь вышли и встали перед строем участники революции, боев на Плайя-Хирон. Я вышел вперед и произнес слова, которые повторили мои товарищи:

— Мы следуем по пути, проложенному отцами. Памятью павших клянемся продолжать дело революции, всегда быть впереди, до конца, до полной победы социализма!..

А сейчас в Артеке перед нашим строем, печатая шаг, вышел Рудольфо Герреро. К груди он прижимал сложенный Государственный флаг Республики Куба.

Флаг поднят! Полотнище расправилось на ветру, и зазвучал наш гимн.

26 июля был в Артеке днем Кубы. Нас поздравляли с праздником члены совета дружных Артека чилиец Антонио Ласо и советская пионерка Галя Латышева, почетные гости.

У стендов нашей выставки «Куба — страна XI Всемирного фестиваля» с утра толпились посетители, ребятам-экскурсоводам приходилось

не только рассказывать об экспонатах, но и отвечать на бесчисленные вопросы гостей. Все уходили довольные. Одна советская девочка написала в книге отзывов: «Я словно провела полчаса на Кубе. Спасибо вам, дорогие кубинские друзья!»

К микрофону, установленному на костровой площадке, подходили румыны, перуанцы, монголы, конголезцы, ангольцы, мексиканцы и поздравляли нас. А сколько песен мы спели вместе с нашими гостями! Чилийцы пели «Когда народ един, он непобедим!», итальянцы — «Бандера росса». Панамцы спели сатирическую песню про Дядюшку Кайтмана — так в Латинской Америке прозвали Дядю Сэма, олицетворяющего американский империализм. Выступал и наш ансамбль «Золотой возраст». Мы всем отрядом танцевали самбо.

Наш вожатый взял гитару и запел по-испански: «Куба, как прекрасна Куба!» Когда Костя кончил петь, мы все бросились обнимать его.

Повсюду на костровой площадке «Озерной» дружины раздавались песни, смех, затевались игры. Приходили все новые гости с подарками. Советские пионеры принесли книги о Советском Союзе, о Ленине, о пионерской организации, альбомы советских ребят «Я — твой друг». В них пионеры писали о себе, о своем крае, о прекрасных людях, которые живут и трудятся рядом.

Я пожалел, что не умею говорить по-русски, чтобы не одним только «спасибо» выразить нашу благодарность!..

*

Перед отъездом из Артека я зашел проститься с Элио Родригесом. Он сидел на скамейке под акацией, где мы с ним так часто беседовали. На коленях у него был дневник. Я спросил его: «Скажи, Элио, как ты отнесешься к тому, что твои записи прочитают многие-многие советские ребята?» Элио, подумав, сказал: «Они же от чистого сердца!»

Москва — Артек — Москва

 ОЛИМПИЙСКИЕ ОБЪЕКТЫ — ГАЗОПРОВОДЫ — ТЕРРИТОРИАЛЬНО-П

МУРМАНСК
КОЛЬСКАЯ АЭС
АПАТИТЫ
КОВДОР
УСИНСК
МЕДВЕЖЬЕ
ПЕЧОРСКАЯ ГРЭС
МЕЛИОРАТИВНОЕ И СЕЛЬСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НЕЧЕРНОЗЕМНОЙ ЗОНЫ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКАЯ АЭС
ЛЕНИНГРАД
ТАЛЛИН
РИГА
ВЕНТСПИЛС
КИНГИСЕПП
НОВГОРОД
ЧЕРЕПОВЕЦ
КИРОВО-ЧЕПЕЦК
БЕРЕЗНИКИ
СОЛИКАМСК
УРЕНГОЙ
СУРГУТ
ИГНАЛИНСКАЯ АЭС
ВИТАМИНЫ
КАЛИНИНСКАЯ АЭС
ИВАНОВО
ТУГАЕВ
ВИЛЬНЮС
НОВОПОЛОЦК
МОСКВА
ЧЕБОКСАРСКАЯ ГЭС
НИЖНИЙ-ТАГИЛ
СЕВЕР ТЮМЕНСКОЙ ОБЛ. — УРАЛ-ЦЕНТР
НИЖНЕКАМСК
НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ
МЕЛИОРАЦИЯ ЗЕМЕЛЬ БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ
МИНСК
СМОЛЕНСКАЯ АЭС
ТУЛА
НОВОМОСКОВСК
ВОСКРЕСЕНСК
УЛЬЯНОВСК
ТОЛЬЯТТИ
МОГИЛЁВ
БРЯНСК
ЛИПЕЦК
ЧЕЛЯБИНСК
БАЛАКОВО
СОЛИГОРСК
КУРСКАЯ АЭС
САРАТОВ
КУЙБЫШЕВ
КИЕВ
ВОРОНЕЖ
МАГНИТОГОРСК
КМА
БЕЛГОРОД
ВОЛГА
ПУГАЧЕВСК
ОРЕНБУРГ
ДОН
РИСОВЫЕ ИНЖЕНЕРНЫЕ СИСТЕМЫ
ПАВЛОД — ЭКИБАСТУ
ДНЕПРОПЕТРОВСК
КАНАЛ ДНЕПР—ДОНБАСС
ВОРОШИЛОВГРАД
РЕЗИНА
КАХОВСКАЯ ОРОСИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА
ДОНЕЦК
ШАХТЫ
ВОЛГОДОНСК
КИШИНЁВ
НИКОЛАЕВ
РОСТОВ-НА-ДОНУ
НОВОРОССИЙСК
БОЛЬШОЙ СТАВРОПОЛЬСКИЙ КАНАЛ
РИСОВЫЕ ИНЖЕНЕРНЫЕ СИСТЕМЫ
АМУДАРЬЯ
ТБИЛИСИ
БАКУ
ИНГУРСКАЯ ГЭС
ЕРЕВАН
КАРАКУМСКИЙ К... ИМ. В. И. ЛЕНИН...
АШХАБАД

ЖИЛЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ

ЛЕГКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

ГОРНОРУДНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

 МАШИНОСТРОЕНИЕ

 ЦЕЛЛЮЛЕЗНО-БУМАЖНАЯ И ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

 УГОЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

 ЧЕР... И Ц...

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ ОРОСИТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ

Рисунок И. КРАСУЛИНА

КОМСОМОЛЬСКАЯ УДАРНАЯ

Сквозь тайгу, неприступные скалы, бурные реки прокладывают стальные нити рельсов строители Байкало-Амурской магистрали. На Западном участке БАМа первой пришла к древнему Байкалу бригада Леонида Казакова. Вот он — долгожданный миг! Задание партии выполнено, пройдены новые километры магистрали века!

После школы Леонид Казаков служил в армии, а потом ему вручили комсомольскую путевку на ударную стройку. Простой рабочий, затем бригадир комсомольско-молодежной бригады монтажников-бетонщиков. За героический труд Казакову присвоено звание лауреата премии Ленинского комсомола. Он был делегатом XXV съезда нашей партии. И таких бригад, как бригада Казакова, десятки тысяч. НА 140 УДАРНЫХ КОМСОМОЛЬСКИХ СТРОЙКАХ ПО-СТАХАНОВСКИ, ПО-ГВАРДЕЙСКИ ТРУДЯТСЯ ПОСЛАНЦЫ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА. На «Атоммаше» и АЭС, на Усть-Илимской ГЭС и на нефтяных вышках Тюмени 400 ТЫСЯЧ МОЛОДЫХ ПАРНЕЙ И ДЕВЧАТ С КОМСОМОЛЬСКИМ ЗНАЧКОМ НА ГРУДИ — вот какой огромный отряд прибыл после XVII съезда комсомола на ударные комсомольские стройки.

Пионерский салют вам, первооткрыватели и первопроходцы!

...ность ЧЕРНАЯ И ЦВЕТНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ ОСВОЕНИЕ ГАЗОВЫХ И НЕФТЯНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ЦЕМЕНТ

Юрий ЛУЦКЕВИЧ

Юность Кубы, вперед!

Куба строит заводы, поселки, дома для рабочих, школы, больницы. Юноши и девушки Кубы поднимают целину, ведут строительство «кубинского БАМа» — Центральной железной дороги.

Ветер мирных атак
Обжигает лицо.
Революции флаг
Собирает бойцов.

Остров Пинос — пустырь,
Жар деревья пригнул.
Сухой пылью хрустит:
— Покорим целину!

Здесь мотыг блеск и треск —
Не хватает машин...
Но рождается здесь
Человек-гражданин!

Гнет усталость в дугу,
Но, рукой смахнув пот,
Подмигнут на бегу:
— Юность Кубы,
вперед!

И делам и мечтам
Воплотиться сполна!
Есть у Кубы свой БАМ!
Есть своя целина!

Незакатное солнце

1961 год был объявлен на Кубе «Годом образования». 330 тысяч студентов, рабочих и школьников старших классов откликнулись на призыв Фиделя Кастро и отправились учить людей грамоте туда, где не было еще школ, в самые отдаленные районы. Хижины становились школами, скамьи — партами, клеенка заменяла классную доску.

Незакатное солнце
Войдет в каждый дом:
Добровольцы идут
По стране с букварем!

Сносит мебель хозяин,
Что в округе нашлась.
Босоногий, пытливый
Занял хижину класс.

И серьезный учитель
С очень ломким баском
На хозяйской клеенке
Буквы пишет мелком.

Свое имя крестьянин
Вывел сам на листке.
Карандаш будет быстрым,
Как мачете в руке.

Лег аортой на глобус
Красной краскою курс:
Классом выбран кратчайший
Путь в Советский Союз.

Незакатное солнце
Вошло в каждый дом
С Революцией
взятым в бою
Букварем!

ПОРА ВЕЛИКИХ ОТКРЫТИЙ

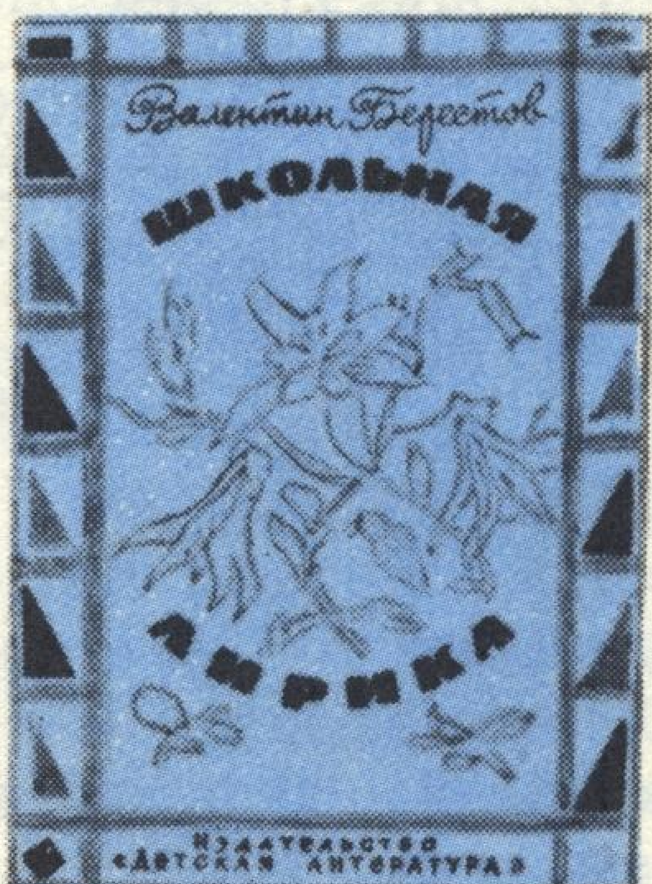
Книга называется «Школьная лирика».

Что такое школа, объяснять не надо: это ты знаешь лучше любого взрослого. Что такое лирика, ты тоже знаешь, но, наверное, не очень хорошо. На всякий случай посмотрим в словарь. «Лирика,— сказано там,— выражает чувства, переживания человека, вызванные различными явлениями жизни». Что же такое «школьная лирика»? Выходит, это чувства и переживания, вызванные школой.

Стихи пересказывать и трудно и ни к чему. Но если одним словом попробовать сказать, о чем книга Валентина Берестова, то больше всего подошло бы тут слово «открытие».

«Школьная лирика» — это книга стихов о человеке, который вступил в пору Великих Жизненных Открытий. Такая пора бывает у каждого, в начале каждой жизни. И очень важно, чтобы пора эта была и богатой и щедрой.

Валентин Берестов сам увидел и нам сумел рассказать, как много чудесного и праздничного вмещают детские годы. Здесь все впервые, все всерьез, а потому достойно слов высоких и торжественных:

За письменным столом отца
Нам не велят играть.
Впервые на столе отца
Лежит моя тетрадь.
Одни крючочки в ней пока.
Ни слова в строчке нет.
Зажгла отцовская рука
Настольной лампы свет.
Сиди прямей! Вот так держись! —
Показывает мать.
И началась другая жизнь
И первая тетрадь.
Перо в чернила обмакну.
Все смотрят на меня.
Не так ли сына в старину
Сажали на коня?

В школьную пору открытия ждут тебя на каждом шагу. Смотри, не пройди мимо!

Человек научился плавать, впервые переплыл реку и ступил на вчера еще недоступный берег:

Хватило мальчишеских сил —
Я реку мою переплыл.
И вот я на том берегу!
Зубами стучу на бегу.
Вступаю в неведомый край...
Ракита. Корыто. Сарай.
Крапива. Горшки на плетне.
Один на чужой стороне!

Человек научился читать — и новый мир распахнулся перед ним:

Как хорошо уметь читать!
Не надо к маме приставать,
Не надо к бабушке идти:
— Прочти, пожалуйста! Прочти! —
Не надо умолять сестрицу:
— Ну почитай еще страницу! —
Не надо звать.
Не надо ждать.
А можно взять и почитать!

Человек решил задачу и должен прямо сейчас, сию же минуту оповестить об этом весь мир:

Он весь нетерпенье: «Спросите меня!»
Как будто, загнав по дороге коня,
Сюда он примчался со срочным пакетом,
Со срочным пакетом и точным ответом.
Не нужно отметок в журнал и в дневник,
Довольно того, что он в тайну проник,
Что чудо свершилось, задача решилась...
Спросите, пожалуйста! Сделайте милость!

Каждое открытие — это еще и победа, чаще всего — победа над собой: над страхом, над ленью или нетерпением... Он честно может назвать себя победителем — мальчик, с которым знакомит тебя книга В. Берестова. Нет, он вовсе не драчун, не задира. Он парень тихий, мечтатель — он любит читать, он сочиняет стихи и ведет дневник, ему нравится петь песни и бродить по лесу в одиночку. Но ему ведомы суровые законы мальчишеской чести, и он мужественно следует им:

С тех пор как сел я на коня,
Честь — вот что важно для меня.
Я перерос возню и драку.
Я — рыцарь. Я скачу в атаку.

Есть такое выражение: «Беззаботное детство». Наверное, придумал эти слова какой-нибудь очень взрослый человек. Ни один мальчик, ни одна девочка не назовет свою жизнь беззаботной. Нелегкое это дело — отыскивать свое место в окружающем нас огромном и прекрасном мире: к нему надо приспособиться, с ним надо поладить. Когда-нибудь он станет принадлежать тебе, а пока... пока жизнь полна неожиданностей и богата опасностями:

Все било, стрекалось, кололо,
Влетало соринками в глаз.
И трудолюбивые пчелы
Безжалостно жалили нас.

За долгое лето ты сладишь с крапивой, приучишься обходить ульи и не лезть в колючки. Осенью, подросший и окрепший, вернешься в город — и новые опасности выйдут тебе навстречу:

Легла на перекрестке
Таинственная грань.
Подросткам шлют подростки
Воинственную брань.
Один пройди попробуй
Через чужой квартал,
Чтобы тебе со злобой
Никто не наподдал...

Приходится мальчишкам учиться мужеству и стойкости — надо же человеку защищать свое достоинство, отстаивать независимость! И силу и смелость можно в себе воспитать — вот какое открытие, пожалуй, самое важное, делает для себя герой книги Берестова.

На лбу бывали шишки,
Под глазом фонари.
Уж если мы мальчишки,
То мы богатыри.
Пусть голова в зеленке
И в пластырях нога,
Но есть еще силенки,
Чтоб разгромить врага.

Детство не только время открытий и ученичества. В эти годы ты собираешь, накапливаешь в душе то тепло, которым окружают, дарят тебя старшие.

Любили тебя без особых причин
За то, что ты внук.
За то, что ты сын.
За то, что малыш.
За то, что растешь.
За то, что на папу и маму похож.
И эта любовь до конца твоих дней
Останется тайной опорой твоей.

Береги, не растеряй эту любовь: не за горами время, когда наступит твой черед делиться ею с теми, кто моложе, слабее тебя.

Берестов — поэт, который умеет заглядывать в будущее. В ребенке он стремится разглядеть черты характера взрослого человека, в семенах — стволы и листья высоких деревьев.

Есть в книге стихотворение — оно написано давно и печатается уже не первый раз, — которое так и называется: «Сердцевина».

Как-то в летний полдень на корчевье
Повстречал я племя пней лесных.
Автобиографии деревьев
Кольцами написаны на них.
Кольца, что росли из лета в лето,
Сосчитал я все до одного:
Это — зрелость дерева, вот это —
Юность тонкоствольная его.
Ну, а детство где же?
В середину,
В самое заветное кольцо,
Спряталось и стало сердцевиной
Тонкое смешное деревцо.
Ты — отец. Так пусть же детство сына
Не пройдет перед тобой, как сон.
Это детство станет сердцевиной
Человека будущих времен.

Вот какое место — самое важное! — отводит поэт детским годам в жизни каждого человека. Должно быть, поэтому он так много пишет о детях и для детей. О тебе и для тебя.

С. БОГАТЫРЕВА

1 апреля 1978 года поэту Валентину Дмитриевичу Берестову исполнилось 50 лет.
Журнал «Пионер», все его сотрудники и читатели от души поздравляют поэта с днем рождения и очень просят его написать побольше новых стихов — для детей и взрослых.

ОХРАНЯЙТЕ ЛАНДЫШ!

ТРИ ТЫСЯЧИ ЗАЩИТНИКОВ

Что может сделать подснежник? Наверное, некоторым из вас покажется странным этот вопрос. Что спрашивать с маленького слабого растения, которое само нуждается в защите? Но, оказывается, в нежном весеннем цветке таится огромная сила. Мы убедились в этом, побывав в городе Обнинске, Калужской области.

«Обнинск — совсем молодой город. У нас нет исторических памятников, — сказала нам педагог школы-интерната Зоя Александровна Валяева, **— но наш лес — живой памятник природы».** Действительно, Обнинск можно назвать лесогородом. Кто не улыбнется, увидев ландыш по дороге в магазин, кто не остановится, услышав в центре города голос соловья? Березовые рощицы тянутся вдоль улиц, вклиниваются между зданиями. А на левом берегу реки Протвы — главный лесной массив.

Прошлой весной обнинские школьники и школьницы решали арифметические задачи на сложение и умножение. Но решали их не в классе, а в лесу — в подшефном лесном массиве, и не с авторучкой, не на бумаге, а на земле, с помощью веревки и деревянных колышков.

На уроках математики учительница хвалит того, кто не медлит с ответом. Ну, а здесь, в лесу, трех товарищей из школы-интерната — Диму Титова, Толю Панюкова, Игоря Крилевского — даже огорчило, что они так быстро решили задачу. Быстро потому, что на квадратном метре насчитали они всего три хохлатки! С медуницей было лучше: на квадратный метр пятьдесят кустиков!

Правда, мальчики знали, что их ответ не окончательный, что на других участках ведут лесную перепись — учет первоцветов Алла Кутузова и Таня Яцук из школы № 5 и ребята из других обнинских школ. Только сравнив множество записей, можно сказать, чья судьба вызывает наибольшую тревогу — хохлатки, медуницы, баранчиков, сон-травы?

За первой задачей (учет лесных первоцветов встала вторая: как их сохранить? Втроем, впятером, вдесятером ее не решить, это задача всех ребят, всех школ, всего города. И под крылом председателя городского совета Общества охраны природы Константина Ивановича Сидоркина обосновался городской штаб операции «Подснежник», объединивший все одиннадцать обнинских школ.

Не всем знакомы первенцы лесной весны, а каждый должен их знать. Ребята оформляли стенды, рисовали плакаты, вывешивали их в самых видных многолюдных местах, вплоть до витрин магазинов. На плакатах удалось передать и ослепительно яркую белизну ландыша и серебристый пушок на лепестках сон-травы. Зеленые патрули возглавили старшеклассники. Но рядом с ними шагали ученики четвертых классов, гордясь тем, что и они зеленый патруль. Всего в рядах зеленых патрулей три тысячи ребят. Три тысячи защитников природы — внушительная цифра!

Дружба крепнет, когда плечом к плечу чувствуешь товарища. Мы начали наш рассказ с вопроса: что может сделать подснежник? Он сдружил обнинских ребят, он привел к ним старших друзей. В городской штаб операции вошли представители горкома комсомола — старшие пионервожатые школ Г. П. Зайкова, З. А. Гаврило-

ва, Л. С. Зубкова, — работники Дома пионеров, педагог-биолог, воспитатель при жэке, инспектор гороно.

Местная газета «Вперед» оповестила город об операции «Подснежник». Правда, малыши не читают газет, но и в их обиходе появились новые слова. Маленькая девочка, придя домой из детского сада, спросила бабушку:

— Бабушка, ты знаешь, что такое хохлатка?

— Хохлатка? — удивилась бабушка. — Курица, что ли?

— Вовсе не курица, а цветок, который рвать нельзя!

Откуда девочка узнала про хохлатку?

Ребята из девятой и десятой школ Таня Макаренкова, Люба Теренина, Лена Кузнецова, Игорь Петров, Алла Рыженкова, Лена Давидова проводили беседы в детских садах.

О защитниках подснежника стало известно и продавцам лесных цветов. Одна тетушка, услышав в автобусе разговор школьников, даже поблагодарила ребят:

— А я только было собралась на рынок. И вдруг вы говорите «операция»! Спасибо, милые, что предупредили!

Обнинск — растущий город. В нем много нового: школы, кафе, клубы, магазины. Но нас интересовало то новое, что глазом не увидишь. Об этих невидимых, но важных переменах нам рассказала председатель городского штаба операции «Подснежник» Татьяна Петровна Куликова.

В каждой школе встречаются ребята замкнутые, которые по разным причинам держатся в стороне. Многие из них откликнулись на призыв защищать цветы. Вступив в зеленый патруль, они почувствовали свою ответственность, ощутили силу коллектива. Любитель березового сока, который весной калечит деревья, с одиночкой не посчитается, а вот зеленый патруль не раз прогонял таких браконьеров из леса, отбирая топоры.

Конечно, в лес ребята ходили и раньше. Но теперь они смотрели на него глазами хозяев, глазами защитников. Они бережно замазывали ранку на стволе березы, укоряли девочку, которая собирает букеты: «Хочешь, чтоб из-за тебя шмели голодали? Если не станет подснежников, где пчелы и шмели найдут мед весной? В лесу все связано между собой!»

И многие девочки тоже изменились. Татьяна Петровна рассказывала, что раньше они каждую весну приносили в класс букетики первоцветов. С тех пор, как была объявлена операция «Подснежник», таких букетиков на партах нет. Правда, стоят еще кое у кого дома... Отказаться от привычного нелегко. Но если девочка сказала сама себе: «Я больше не буду рвать подснежники» — и сдержала свое слово, — это победа! И не только победа воли. Девочка стала более чуткой к людям, к красоте. Она поняла, что подснежник в вазочке — пленник, которому жить недолго, он уже не может дать той радости, которую ощущает человек, увидев в прозрачном весеннем лесу первый цветок. Так пусть же это крохотное лесное чудо радует всех!

Отношение к природе определяется степенью культуры. И поступки ребят доказывают, что их культурный уровень вырос, в характерах появились новые добрые черты.

Вот что сделал подснежник!

Городской штаб в Обнинске начал свою работу прошлой весной. За первой весной пришла вторая. В апрельском календаре обнинцев выделен день, когда о защите первоцветов будет говориться в школах, в детских садах, во дворах, по радио — по всему городу. Этот день так и будет называться «День подснежника»...

Нам понравилось, как работают обнинцы, и мы рассказали об их опыте, чтобы и в других городах и поселках ребята с помощью старших друзей провели «День подснежника». Если дружно взяться за дело, «День подснежника» станет, как и «День птиц», традиционным весенним праздником для всех ребят.

Члены Совета операции «Подснежник»
Н. НАДЕЖДИНА, В. БЛИЗНЕНКОВА.

А ЧТО ПРИДУМАЕТЕ ВЫ?

В Совет операции «Подснежник» поступают не только весенние сводки, записи и рисунки ребят, но и предложения, как интереснее вести работу. Некоторые из них напечатаны в этом номере.

ПАРОЛЬ «МЕДУНИЦА». В школе висит календарь весеннего цветения с передвижными фотографиями или рисунками. Календарь составляют ребята вместе с учителем биологии по данным лесной разведки.

Когда зеленый патруль отправляется в рейд, ему для ориентировки дается пароль. Пароль может быть разным («медуница», «сон-трава»), в зависимости от того, какое лесное растение сейчас цветет и, значит, особенно нуждается в охране.

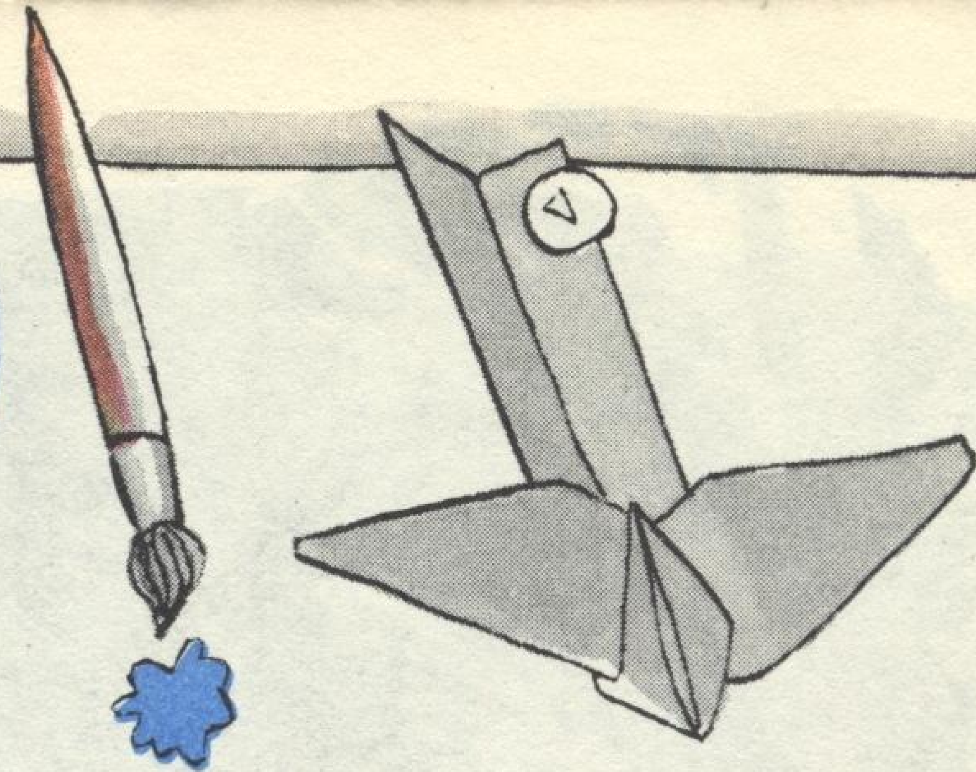
ЗЕЛЕНЫЙ КЛЮЧИК. Из чего его сделать: из картона, дерева, пластилина, — решите сами. Уходя из школы, старшие ребята поручают младшим те лесные участки, которые они охраняли, и передают им этот символический ключ, который открывает тайны жизни леса.

Ждем от вас, ребята, новых предложений.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ КОНКУРС ПЛАКАТОВ «НЕ РВИТЕ ПОДСНЕЖНИКИ!».

Совет операции «Подснежник».

Переменка

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Расскажи нам о животном мире Африки.

Ученик. В Африке живут слоны и птицы: секретарь и жираф.

Люда Яцюк,
Читинская обл.

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учительница. Так кто же такие «посадники»?

Ученик. Это те, кто сажает деревья.

Наташа Сухарева,
г. Москва.

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учительница. Ребята, чем нам помогают птицы?

Ученик. Птицы нам помогают клевать насекомых.

Андрей и Саша,
г. Стерлитамак.

Учительница. Как называются передние конечности у птиц?

Ученик. Ступня.

Оля Скоробогатова,
пос. Б. Речка,
Иркутская обл.

* * *

Учитель. Скажи, пожалуйста, чем покрыты крылья бабочки?

Ученица. Черепицей.

Таня Полникова,
г. Керчь.

ИЗ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

«Весной яблоня была красивой и вкусной».

«Онегин и Печорин очень похожи, но различны тем, что у них разные авторы».

«Они услышали про ревизора и сделали немую сцену».

«Суда не тонут потому, что они не свернуты в тугой железный ком, а растянуты по поверхности воды».

«Белозубый Витя и его светлые глаза смотрят вдаль».

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА. Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА

Пинг-понг

«Я люблю животных, а папа, очевидно, нет. Когда я сказал, что дядя Петя обещал привезти мне крокодила, то папа заявил: «Ни в коем случае. Или я, или крокодил». Как мне поступить?»

Юра М., г. Пенза.

— Дорогой Юра! Вопрос спорный, но в большинстве случаев предпочитают папу.

* * *

«Дорогая «Переменка»! Мы с ребятами написали стихи:

Однажды в студеную
зимнюю пору
Я из дому вышел
и страшно замерз.
Мне было больно
и смешно
А мать грозила мне
в окно».

Петя Н. и Юра М., г. Ковров.

— Дорогие Петя и Юра! Очень рады, что вы дружите с такими хорошими поэтами, как Николай Некрасов и Александр Пушкин. Только относитесь к ним по-товарищески, и ни в коем случае не дополняйте их стихи своими словами.

Партию в пинг-понг вел
Я. ХАРЕЧКО

Раим ФАРХАДИ,
лауреат премии Ленинского комсомола Узбекской ССР

СКАЗКА О ДОБРОМ ДРУГЕ

Есть у меня хороший друг.
Тропой через цветущий луг
Пройти — он там живет.
Он ждет.
Весной —
В рубашке расписной.
В тулупе меховом — зимой.
В рассветной вешней тишине
Он звон капели дарит мне.
И шум листвы,
И гул ручьев,
И песню в тыщу голосов
Кукушек, соек и дроздов!
Он очень древний...
Он старик.
Он знает мудрость многих книг.
И тайны
Всех ветров земных.
Он помнит леших, водяных.
Следы зверей читает он.
В дороге повторяет он
Скороговорки ста сорок.
Но иногда
Он тих и строг.
Грустя глядит сквозь листопад...
Но и тогда
Он встрече рад,
Мой друг беседует со мной.
Я по траве умчусь домой
И вслед
Махнет рукою он,
Лучом прощальным освещен...
Деревья,
Сосны до небес...
Мой добрый друг —
Зеленый лес!

ПЯТЬ КОСТОЧЕК ВИШНЕВЫХ

Я посадил у нас в саду
Пять косточек вишневых.
И ждал, когда они взойдут,
И в сад спешил я снова.

Я много раз их поливал,
Дни жаркие стояли.
Всходила сорная трава,
Они не прорастали!

А лето скрылось за холмом...
И наступила осень,
И листья стылым хмурым днем
Кружились, словно осы.

Пришла зима, за ней весна.
И вечером все громче
В саду весеннем допоздна
Салютовали почки!

А утром, выйдя в майский сад,
Увидел я картину:
Ростки зеленые стоят,
Отряхивая глину.

И в тот же миг узнал я их,
Узнал друзей веселых,
В саду пять вишенек моих —
Пять косточек вишневых!

САМОЛЕТЫ НА ЛУГУ

Самолеты на лугу —
Марки все назвать могу:
Майский жук,
Пчела,
Оса,
Шмель,
Комар
И стрекоза!
День лучист. Они летят.
На лету жужжат, гудят.
У ручья —
Аэродром.
Вдруг затихнет
Все кругом.
Не летают самолеты
Шмель,
Оса
И стрекоза,
Не летают, оттого что
Приближается
Гроза.

Рисунок В. ДУДКИНА

ФОКУСНИК НА БАЗАРЕ

Продает арбузы дядя Кенжабой.
Зазывает громко:
— Выбирай любой!
Выбирай без страха,
Подходи, народ.
Половина — сахар!
Половина — мед!
Будто в цирк мальчишки
мчатся на базар,
Посмотреть, потрогать
Солнечный товар!
Летний день июньский —
Жаркие лучи.
Катятся арбузы,
Будто бы мячи.
Продавец смеется:
— Выбирай скорей
Выросший под солнцем
Весом тяжелей!
Выбирай без страха,
Подходи, народ,
Половина — сахар!
Половина — мед!
Фокусник известный — дядя Кенжабой:
Держит два арбуза он одной рукой!

ЧТО ЖЕ ТЫ, ДЕДУШКА, НАРИСОВАЛ?

Как-то к художнику внук прибежал.
Деду художнику внук рассказал:
— Утром на улице шумный поток.
По тротуару бегут со всех ног
Школьник с портфелем, охотник с ружьем,
Бабушка Настя с большим утюгом,
Сторож с метлою, соседка с ведром,
Рыжая кошка с пушистым хвостом!..
Дед удивился. И краски достал.
Тут же картину нарисовал:
Утром на улице шумный поток.
По тротуару бегут со всех ног.
Школьник вовсю на уроки спешит.
Рядом портфель неуклюжий бежит.
Храбрый охотник идет в сапогах,
Скачет ружье на коротких ногах.
Бабушке Насте гулять недосуг:
Следом за ней ковыляет утюг...
Сторож шагает, закончив дела,
Движется лихо вприпрыжку метла.
Резво соседка подходит к метро,
Мчится за нею вдогонку ведро.
Рыжая кошка идет через мост,
Рядом пушистый торопится хвост.
Внук, посмотрев на картину, сказал:
— Что же ты, дедушка, нарисовал?
Утром на улице — шумный поток,
По тротуару бегут со всех ног
Школьник с портфелем, охотник с ружьем,
Бабушка Настя с большим утюгом,
Сторож с метлою, соседка с ведром,
Рыжая кошка с пушистым хвостом!
Дед улыбнулся и внуку сказал:
— Я то же самое нарисовал!

Татьяна ПОЛИКАРПОВА

Листья будущего лета

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в №№ 2, 3.

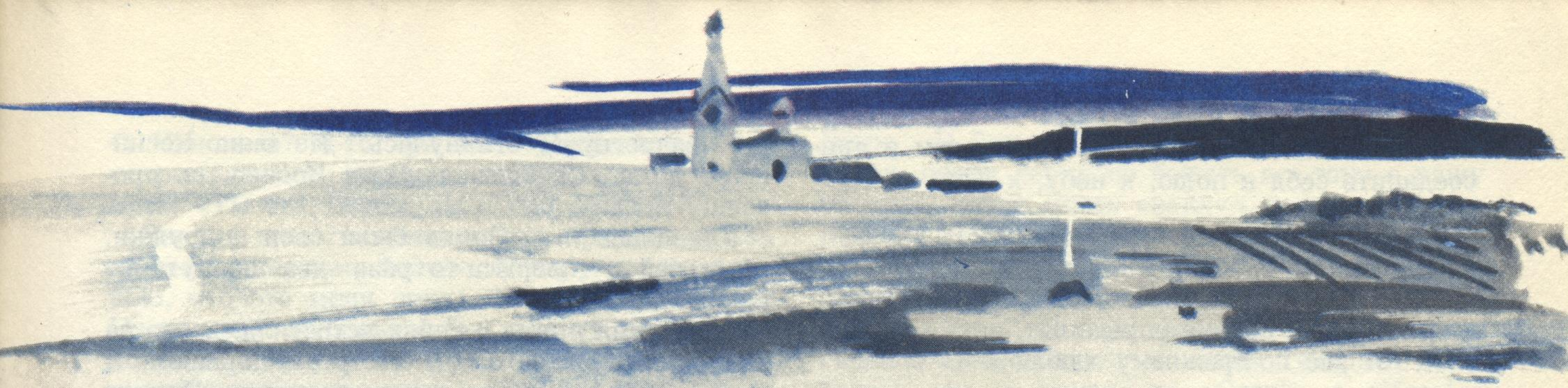
Рисунки Б. ГУРЕВИЧА

На холме средь желтой нивы...

Я на той же дороге, что и год назад. Та же дорога, да я уже не та. В прошлом году ехала в Пеньки со страхом и грустью. А сейчас, пожалуй, больше с нетерпением, чем с грустью. А страха и вовсе нет. Только любопытство: как-то все будет?

Наша легкая телега с поклажей мягко постукивает, погромыхивает мерно, как перебирает ногами неутомимая Пчелка; мы, пятеро — четверо девчат и один мальчишка, — обсели телегу по краям, свесив ноги. Лены и Энгельса с нами нет. Летом они переехали в другой совхоз, куда еще зимой отправился их отец. А к нам в совхоз прибыл новый директор, у него детей не было. Зато с нами теперь едет Зульфия, моя старая подружка.

Завтра в школу. После лета, после каникул.

Ребята наговорились, теперь все молчат. Я снова вижу своих знакомых: две березы стоят вдали. Они одни в чистом поле, на самом высоком холме, за глубоким оврагом.

Березы тонкие, еще незастарелые. Одна прямая, повыше, с нежно струистыми ветвями-прядями. Другая кривая, изогнутая. Ствол ее изогнулся петлей, будто ринулась она в сторону, да передумала и потянулась обратно к сестре-соседке. И когда пошла березка снова вверх, то уже не прямо, а клонясь к сестре, будто ища у нее опоры.

— Ау-у! Березы! Прямая и кривая! Привет вам! Мы едем!

В прошлом году, когда я заметила их впервые, они были просто березы, просто друзья. Потом к ним привыкла.

А теперь, после разлуки, увидев знакомые силуэты, я поняла вдруг: они мне родные.

Они были главной приметой поля как раз на полпути от дома до школы. От школы до дома. Березы — далеко от дороги. Но кажется мне, что я вижу, как раскачиваются гибкие пряди, как поворачиваются на четырехгранных гибких черенках сердцевидные зазубренные листочки; вижу крохотные почки, притаившиеся до будущей весны. Вот интересно: весь год они уже живут, листья лета, которого еще нет. Сидят за пазухой у нынешних листочков, в основании их черенков, почти что и незаметны. Как сжатые, спрессованные пружинки, они терпеливо ждут своего часа, набираясь сил, чтоб враз распрямиться, брызнуть зелеными каплями, превращая и саму березу-мать и все вокруг в зеленый праздник, в летнюю красу.

— Здравствуйте, березы! Мы едем! Десять километров дороги от совхоза, где мой дом, до села Пеньки, где я учусь, как коромысло, соединяющее два полных, равных по тяжести ведра.

Если бы кто мне сказал год назад, что я так буду говорить о Пеньках! Уравняю их по важности с домом! Ни за что бы не поверила!

А нынче хороший начинается год! Все больше людей возвращается с войны. (Конечно, раненых.) Вернулся и отец Зульфии, дядя Фаттых. У него одна нога стала короче другой и совсем не сгибается в колене.

Это оттого, что он вернулся, мы будем жить вместе с Зульфией. Прошлую зиму она училась далеко от дома, в поселке, где жили ее родственники. И даже на воскресенье не могла приезжать домой. А дядя Фаттых захотел, чтоб теперь вся семья была в сборе, он один наскучался и очень любил Зульфию, хотел, чтоб она хоть по воскресеньям бывала дома. И еще он знал, что нам вдвоем с Зульфией будет хорошо. «Друг, — говорил он, — половина твоей души. А может, и больше».

Сейчас половина моей души сидела рядом со мной на телеге и болтала маленькими ножками, посматривала черненькими, умными глазками. Слушала, как девчата поют песню Лены Ахтямовой:

Вдыхая розы аромат,
Тенистый вспоминаю сад
И слово нежное «люблю»,
Что вы сказали мне тогда...

Лены нет, а ее песня осталась. Я вслушиваюсь: это странное слово «любовь»... Чувствую, оно стало больше моим, чем Лениным, и больше моим, чем песенным. Оно (наверное, вместе с мелодией) почему-то рождает тоску в моем сердце, тоску и сожаление неизвестно о чем. И это оно — или вся песня — соединяет меня со всем, что вижу я вокруг, — от высокого купола неба до мелькающих перед глазами копыт Пчелки и дорожной пыли, оседающей на бурьяне. И оттого, что так много обнимает глаз и слышишь сразу так много — и песню рядом, и тишину вдали, и говор ребят, и тележный стук, и дыхание лошади, пофыркивание ее. Вдыхаешь запахи леса, пыли, сена, колесной мази и дегтя, и лошадиного пота, и осенний пресный запах поля, — так много всего соединяется с песней и со словом «любовь», что и не вместишь в одно-то свое сердце. Простор вокруг! И одно есть средство как-то заглушить в себе это непонятное сожаление обо всем, и тоску, и

нежность: запеть вместе со всеми, тем и присоединить себя к полю, к небу, к лесу и к ребятам.

Вам возвращая ваш портрет,
Я о любви вас не молю,
В моем письме упрека нет,
Я вас по-прежнему люблю...

В том-то и дело, что я никого не люблю... Но это неправда! Я чувствую любовь! Но она ни к кому. Просто так. Ко всему... Это все нынешнее лето виновато.

Зинка и любовь

Мы приехали летом в Пеньки с Зульфией и ее отцом, чтоб попросить тетю Еню взять на квартиру Зульфию. Вошли в дом, а бабушкина кровать стоит пышно убранная, пустая. Дыбятся взбитые белые, с прошвами подушки. Страшно стало от этой пустынной кровати. Правда, в самый первый свой приезд к тете Ене я тоже сначала не заметила бабушку, так, мельком, подумала, что кто-то днем спит. Сейчас никто не спал. Пусто. И все-таки я попыталась еще отодвинуть страшную догадку и спросила:

— Тетя Ень, а бабушку вынесли на воздух?

Тетя Еня ответила:

— Умерла мама. Нет у нас больше бабушки. Будто дожидалась, когда разъедутся ученики, чтоб не побеспокоить кого своей смертью.

Тетя Еня не заплакала. Терпела, наверное, свое горе. И говорила сдержанно. Словно держит что-то про себя, что боится ненароком обронить, проговориться.

Я хорошо запомнила тот день, солнечный, но не очень жаркий, с ветерком.

Тетя Еня напоила нас чаем с вкуснейшими пирогами из картофеля с луком, яйцами, и я вышла на улицу, чтоб не мешать дяде Фаттыху и Зульфии договориться о квартирных делах.

Облокотившись о штакетник палисадника, рассматривала такие разные травы и листья и думала о бабушке, о том, как же приходит смерть? С чего начинается? Бабушка старая была, но ведь сердце в ней билось, мозг работал, она многое понимала. И никто ее не убивал, на работе она не надрывалась. А сердце все же остановилось. Почему? Это будет со мной? Трудно представить, что тебя не будет. Но умирают все, кто родился. Умрешь и ты. Разве только ученые придумают какое-нибудь средство от смерти. Прививку, как от оспы.

Но если изобретут такую прививку, чтобы жить, просто жить, еще и не захочешь вот так, как наша бабушка, жить: пятьдесят лет лежать. А вот она жила. Привыкла, значит. А сначала, наверное, плакала.

Я пошла вдоль палисадника к главной улице, с отрадой ощущая тепло солнца на лице, на руках. Вдруг кто-то окликнул меня:

— Зайди к нам, Даша!

Я вздрогнула, оглянулась. Из окна Косинского дома выглядывала Зина Косина, по прозвищу Коса.

Удивилась я: у Зинки были свои подружки, мы с ней и говорили-то раза два по пути из школы домой.

Зина меня прямо в сенях встретила, взяла за руку, потянула за собой быстро, с порывом. Я вокруг себя ничего не успела заметить. Поняла только, что дома никого нет.

— Даша, — быстро-быстро, чуть задыхаясь, заговорила Зина, — зачем он тебе... Ты не наша, не здешняя... все равно в город уедешь, в институт... Оставь его... Лешку оставь... Мы всегда с ним играли... А теперь он и на улицу не выходит... Он за тобой избегался... Скажи ему... Я никого не прошу... Тебя одну...

Что она говорит? О ком? Об этом Лешке?

Зина меня встретила в сенях.

О Никонове? Я-то при чем? Несколько раз я открывала рот, воздуху набирала, чтоб крикнуть: «Ты что, Зинка, ты с ума сошла?!»

Зинкин шепот и весь ее вид кричали о том, как ей нестерпимо больно. И вдруг до меня дошло, что это меня винит Зинка в своей боли! Из-за меня ей больно! Вот почему мне страшно, а не смешно! Но ведь я не виновата! Как она может так про меня и Лешку!

— Зинка! — наконец крикнула я. — Ты чего выдумала? Нужен мне он, твой Лешка! Хоть бы его не было совсем!

Зина остановилась. Перевела дух.

— Вот и отстань, — выговорила Зина. — Раз не нужен. Мы с ним всегда дружили. Поняла?

— Чего ты от меня хочешь, Зина? Я что ли сумасшедшая? Разве я могу от него отстать, если и не пристала? Как еще мне отстать от него? Как?!

— Не знаю, как, — горько сказала Зина. Так горько, что мне плакать захотелось. — Ладно, иди...

И я пошла, ничего не видя. Не помню, как вышла, не помню, как забралась к себе на поветь. «Вот те и на!» — только и подумала. И никак не совладаю с мыслями. Какие-то картины мелькают перед глазами. Отрывки. Но так они вспоминаются, будто нанизываются на одну нить, выстраиваются. И эта нить — то, что я сейчас услышала. Пустячные сцены, слова, разговоры вдруг оказываются полными значения, тайны. Зинкиной тайны. А может, и Лешкиной. Ведь Зинка и Лешка похожи чем-то. Очень даже похожи!

Зина среди девчат такая же легкая, стремительная, как Лешка среди мальчишек. У Зины небольшая головка на высокой шее, круглое задорное лицо, рот маленький, с надменно и весело приподнятыми уголками губ, короткий нос в мелких веснушках и отчаянные, дерзкие глаза, как лесные орешки. И стройная она, легконогая. Любое свое, хоть и самое ветхое платьишко, Зина всегда щегольски туго подхватывает в талии пояском. Я ее приметила в первый же день в Пеньках. Ведь это она бегала с Лешкой на школьном дворе тогда, первого сентября... И по-новому вспомнила я теперь, как она оглядывалась на него, как смеялась.

Вспомнила и другое: Зина меня спрашивала однажды по дороге из школы, пристает ли ко мне Лешка... Так участливо спрашивала...

Потом память приоткрыла мне еще одну страничку, которую я уж совсем было позабыла.

Это случилось, наверное, в первую или одну из первых недель сентября — вместо уроков вся школа работала на колхозном току.

Жарко было. Работали в одних ситцевых платьях. Я помню: откуда-то с поля, от лошади бежит Лешка, и я боюсь, что он к нам. Но с противоположной от нас стороны тока на высокой куче зерна, укрытой золотой соломой, показалась девчонка — линялое красное платье, лихие косички, дерзкое лицо — и закричала что-то удалое: то ли «о-го-го», то ли «эй-ля-ля». И я узнала в ней ту, бегавшую на школьном дворе... И Леша вдруг остановился, будто споткнулся, потом дернулся бежать все-таки в нашу сторону, потом опять скакнул к той куче, где плясала девчонка. Снова рванулся к нам. «Ой, неужели к нам?!» У меня прямо сердце от страха упало, но он с криком «Осса!» все же побежал туда, толкнул девчонку, и она, хохоча, съехала вниз в ворохе соломы. Теперь я догадалась, что он кричал не «Осса!», а «Коса!». И этот забытый день словно всплыл в моей памяти: душная, пыльная жара, запахи свежего зерна, соломы, и это ощущение опасности от бегущего по полю мальчишки.

Тогда я, помню, была страшно рада, что Никонов отвлекся и остался возле той девчонки.

Как было бы хорошо и справедливо, если б Никонов так и продолжал бы «бегать» за Косиной! Всем было б хорошо. И больше всего мне. И почему так получилось, что он стал «бегать» за мной, как выразилась Зина?

Я мечтала о любви. О влюбленности. О рыцаре. О тайне. Ведь о настоящей любви не должна догадываться ни одна живая душа. Только двое. Только Он и Она. Он должен быть прекрасен и с виду и душой. Благороден. Печален. И восхищен.

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь...

Вот что такое любовь... И божество, и вдохновенье, и слезы... Я знала, что я могу лишь мечтать о такой любви. Потому что я совсем никакой не гений чистой красоты. Зина и та меня красивей. А любви без красоты не может быть. Значит, не будет у меня такой любви. Я подумала, что даже Лешка не приставал бы ко мне так, не дразнился, если б я была красива. Только и видела от него хорошего, когда он по снегу босиком пробежал. Да и то еще неизвестно, для меня ли. Может, просто от лихости. Зина пусть сколько угодно думает, что Никонов исстрадался по мне. Где оно, страдание? Где хоть один печальный взор? Задумчивость? Страдание? Поклонение? Да! Ручка, например, упала с парты — бросился бы ручку подать. Весной лужа на пути: «О, дозволь, повелительница моего сердца, послужить тебе, дай перенести тебя через лужу...» И бац на одно колено прямо в лужу... Ах!

И только я представила, как Лешка бросается подымать мою ручку или бацает в лужу в своих вытертых и застиранных до белесости, непонятного цвета штанах и растоптанных валенках, как меня разобрал смех.

«Глупости, глупости! — оборвала я себя. — Можно же и иначе!» И представила, как бы мы с Лешкой, например, гуляли лунными зимними вечерами и он брал бы мои варежки и со-

гревал своим дыханием... Или мы с ним учили бы уроки.

Но было б очень странно, если б Лешка, такой, какой он есть, любил бы меня. Любить — значит, быть вместе, разговаривать и понимать друг друга. А тут: ни он меня, ни я его не понимаем. Да я и не хочу понимать!

И эта Зина Косина, настоящая дурочка, если ей нравится такая «любовь». Пожалуйста, любите. Я тут ни при чем. Что мне теперь уезжать из Пеньковской школы? Учиться, что ли, бросать из-за нее и Лешки?! А в самом деле, уехать бы из Пеньков, чтоб не мешать Зинке. Как бы было хорошо пойти сейчас же и сказать: «Зина, ты не думай ничего, не мучайся, я уезжаю, и здесь меня больше никогда не будет!»

Я выглянула с повети: прогретый солнцем двор, куры залегли в свои пыльные ванны под завалинкой, ярко светится белое крыльцо...

И никогда больше меня здесь не будет...

И вдруг с улицы долетел разбойный свист. Сердце мое вздрогнуло, как жалкий трус и предатель. Так свистел Лешка. Как пароход, давал гудок всякий раз, когда шел мимо нашего дома. Я тихо соскользнула с повети по столбу, подкралась к калитке и припала к щели — посмотреть незаметно. По дороге, уже миновав наши ворота, двигался невысокий воз со свежей травой. Наверху, ногами к лошади, расположился Никонов, утопая в траве.

Я подумала, что и Зинка слышала этот свист. Тоже, наверное, глядит сейчас на зеленый воз. И я подумала: «Она же всякий раз, как и я, слышит Лешкин свист. Вот и сейчас...»

Сейчас-то чего он свистит? Так, видно, по привычке. Не знает же он, что мы с Зульфией здесь.

Сердце-то у меня билось... Да ни за что! Я прислонилась спиной к калитке, успокаивая себя. Это все от Зинкиной взбалмошности. Не хватало еще, чтоб я к этому грубияну что-нибудь чувствовала, кроме презрения. Свистун. Глядельщик. И я решительно пошла к Зульфие, в дом пошла.

*

В школе Мелентий Фомич произнес такую речь! Сказал: по всему видно, что нам нынче выпала честь начинать ученье в году, который останется в веках самой светлой вехой.

— Светочем! — добавил торжественно директор и поднял вверх указательный палец. Он помолчал торжественно и добавил по-свойски, будничным голосом: — Потому что, наверное, все-таки скоро наши войдут в Берлин. И тогда безоговорочная капитуляция! — снова возвысился его голос.

Вот уж мы покричали: «Ура!». Как будто уже произошла безоговорочная капитуляция фашистов!

Учителя наши стали переглядываться, ну а мы все больше заводились от собственного крика. И тогда Силантий Михайлович, военрук, рявкнул своим военным голосом:

— Отставить!

Мы постепенно замолкли. И тогда военрук, улыбнувшись как-то косо, сказал:

— Вы, ребята, того, извините, что прервал ваше веселье. Мы понимаем. Но, того, не сглазить бы лишним криком, еще не кончилась война. Будем считать, что вы кричали «ура» в честь новых занятий. Ведь, того, еще воюем. Еще есть и будут жертвы на войне.

Мне стало стыдно до слез. Вот тебе и военрук, над которым, бывало, и подсмеиваемся между собой.

А мы-то раскричались, как грачи! Обрадовались, как малыши неразумные!

Так было притушено наше легкомысленное настроение.

Нужно было еще воевать! Но все равно что-то осталось от нашего крика, какое-то радостное эхо осталось звенеть в воздухе этого дня, какое-то радостное предчувствие!

Мне еще предстояло Никонова увидеть! Сколько раз я думала о первой встрече, старалась представить себе ее. Опасалась, что мне станет жалко его, исстрадавшегося от любви, и будет неловко, буду чувствовать себя виноватой перед ним. После Зининых речей все должно было измениться. Тихий, страдающий Никонов... Ведь говорила же Зинка, что он даже и на улицу не выходит...

Да, давненько не видела я Никонова, крепко успела забыть его нрав, если могла так о нем думать.

Лешка как ни в чем не бывало заорал, увидев после митинга нас с Зульфией и Садовым:

— Ага! Совхоз-обоз прибыл! С пополнением (это про Зульфию). Ну, здорово, Степан! — И он за руку, как взрослый парень, поздоровался со Степой. На нас с Зульфией только раз и глянул!

— Ай да страдалец! Вот так Зина, молодец! Ну фантазерка!

Хорошо, что Никонов сел на последнюю парту в своем ряду. Мне совсем его не видно: мы с Зульфией выбрали в своем, девчачьем, ряду самую первую.

Мне даже было немного досадно: чего-то я ждала, а ничего не изменилось. Все придумала Зинка! Лешка все такой же. Я приготовилась к борьбе, а бороться-то не с чем. Так бывает: думаешь, дверь не открывается, надавишь на нее что есть силы, а ее словно бы и нет — легко распахивается, и летишь вперед головой!

Никуда я, конечно, не полетела.

Бабушкина кровать

Вечером тетя Еня нам сказала:

— Девчатки, есть большая кровать, зачем вам на полу ежиться.

Мы переглянулись, посмотрели кругом: разве есть еще кровать? Только бабушкина. Тетя Еня подтвердила.

По дороге двигался невысокий воз со свежей травой. Наверху сидел Никонов.

— Знаю, думаете: как же после мертвой? А вы проще глядите. Даша вот застала маму. Знает, какой она была человек. Добрая, почитай святая, потому что давно уже отошла от людских дел. Ни пахать, ни стирать, ни детей купать. Сама как малое дитя. И чистенькая, как дите: в пеленочках да простыночках. И всю-то жизнь с рук моих не сходила. Я в поле, а мама как? Я в лес по дрова, а мама? Я корову обиходить, подоить, теленочка принять, а все одно, все мысли мои над ней: не упала б, не надо ли ей чего. Летом, хочешь не хочешь, одну ее оставлять приходилось: есть-пить надо — значит, в поле надо, на огород... Я возле нее — чтоб только ее рука достала — ставила миску с водой, да хлебушек.

Мы с Зульфией слушали, замерев и забыв о кровати. Впервые нам открывалась настоящая жизнь тети Ени. Мы не могли еще себе представить, что такое пятьдесят лет — нам было по тринадцать, — но заботы каждого дня с таким беспомощным, как грудной ребенок, человеком мы понимали.

— Так что, девоньки, — вдруг неожиданно заключила она, — эта кровать не ложе смертное, а живая моя жизнь, работа моя пожизненная. Вымыла я кроватку летом со щелоком, на солнце сколько недель продержала. Спите на ней и не сомневайтесь: сны у вас будут добрые. Мама моя ласковая была.

Нас не надо было уговаривать. Мы устроились на бабушкиной кровати с чувством, будто совершаем некий обряд, приятный ей, а более, мы знали, тете Ене. Великую силу имеют слова человеческие. Да и не просто слова были сказаны: дала нам увидеть иную жизнь наша квартирная хозяйка.

Долго не могла я уснуть. Вспоминала, как ласково всегда разговаривала бабушка: «Донюшка, Енюшка, Дашенька, Ангелюшко»... Подумала, что тетя Еня, напротив, никогда почти не употребляла ласкательных слов. Только разве вот — «девоньки». И то редко.

«Енюшка, доня моя», — попробовала я выговорить и зажала себе рот обеими руками.

— Ты что, — зашептала мне Зульфия со своего конца кровати; мы лежали «валетом».

— Я про тетю Еню...

— Это был ее долг, — прошептала Зульфия. Она всегда все любила называть точно.

Мы жили под одной крышей с тетей Еней и бабушкой, а на самом деле словно на двух разных планетах. Тетя Еня приоткрыла перед нами темный занавес — и такая открылась глубина. А ведь это только намек на то, что пережила и переборола в себе тетя Еня. А бабушка... И подумала я о своих. Я люблю их. И знаю многое из их жизни. И в то же время ну ничего не знаю! Даже не знаю, как папа и мама полюбили друг друга. Ведь и они сначала не были знакомы. Ну, знаю, что вместе учились в институте.

И мы все живем и ничего не знаем друг о друге. Вот и Зульфия сейчас со мной, я чувствую ее тепло. А она ведь не знает, что мучает меня. Не знает про Никонова. И я тоже не знаю, может, и у Зульфии есть свои тайны. Но я, например, ни за что не рассказала бы ей про свои.

Дежурство

У нас в школе произошло важное событие. Да какое! Никто его и не ждал. Началось все поздно вечером. Сидели мы после ужина, рисовали вырезанным из бумаги куклам наряды — платья, шапочки, пальто. Такие фасоны придумывали, какие нам самим хотелось иметь, как вдруг...

Вдруг услышали: брякает щеколда калитки! И вот уже чей-то торопливый бег по крыльцу! Поздний гость в неурочный час!

— Можно ли? — тонкий голос за дверью.

— Входите! — разом крикнули мы с Зульфией. — И в комнату вошла Шура Омелина. Она почтительно поздоровалась с тетей Еней, а потом приказала нам:

— Живо собирайтесь и в школу! Директор велел. Всех по цепочке собираем.

Срочный сбор созвал военрук. В наш класс набились шести- и семиклассники, конечно, только пеньковские. И вот что объявил нам военрук:

— Как мы есть военная часть со своим оружием — имеем винтовки и гранаты, — и эта наша матчасть (материальная часть) есть военный объект, мы должны его охранять. То есть нужен пост, часовые для охраны военного объекта, то есть нашего оружия — винтовок и гранат.

— Конечно, — для справедливости добавил военрук, — винтовки и гранаты наши есть деревянные макеты, но и мы сами ученики, еще не бойцы, а, можно сказать, тоже еще макеты бойцов, значит, все и будет в самый раз. — А теперь, — повысил он голос до командных нот, — сводному боевому отряду старших классов Пеньковской семилетней школы построиться!

Как интересно ночью, в темноте строиться на школьном дворе! Будто нам сейчас дадут настоящее боевое задание...

Мы рассчитались на первый-второй.

— Каждая пара — дежурные часовые, — объяснил военрук, — по очереди несут наряд по охране боевого оружия с восемнадцати ноль-ноль каждого дня, окромя субботы и воскресенья, до шести ноль-ноль следующего дня. От уроков дежурные не освобождаются.

Проверяющими посты назначаю себя, директора школы и завуча школы. Дежурные часовые, заснувшие на посту, будут строго наказываться, вплоть до исключения из школы.

Вот так вот... Да, наряд несут только пеньковские. Деревенские освобождаются, поскольку далеко живут.

— А как дежурить-то? — весело спросил Никонов.

— Теперь снова в класс! Там поговорим!

Оказалось, ничего страшного: просто ходить

с самодельной винтовкой вокруг здания нашей начальной школы, где в одном из классов размещался наш арсенал: стойки, в гнездах которых стояли пронумерованные деревянные макеты винтовок, а на полках лежали гранаты, тоже деревянные. В дождь или буран «стоять на посту внутри школы, — разрешил военрук, — перед дверью класса, где оружие».

Дежурить начинал старший, седьмой, класс. Когда уже все расходились по домам, военрук вспомнил:

— Да, Матвеева! Ты как неполный пост придаешься к посту Плетневой и Закировой. Понятно?

— Так точно, товарищ военрук! — бодро отозвалась Вера, отличный боец.

Мы бежали домой, обсуждая новость.

— Ого! Ночь не спать, а потом на уроки!

— Ой, девчонки! Страшно-то как: одна спит, а ты ходи в темноте с деревянным штыком!

— Да бросьте вы, дурочки! — басит Карпэй. — Думаете, придут проверять среди ночи? Как не так!

— А для чего же тогда дежурства? — спрашиваю я. — Чтобы учителей, что ли, обманывать? Они думают, мы дежурим, а мы будем спать?

— Вот скажи, скажи, ты умная, — зло спросил Лешка, — зачем эти дежурства? Деревяшки наши, что ли, в самом деле охранять? От кого? От крыс?..

Он ждал, что я отвечу, а я молчала.

— Ну? Чего молчишь? — вдруг ласково понукнул он меня. И такой это был резкий переход от злого к ласковому голосу, будто в темноте было два Лешки с разными голосами.

Я ничего не могла придумать ему в ответ. Понимала, дежурства — это очень здорово придумано и, конечно, не для того, чтобы спать, обманывать военрука.

— Для того, чтоб интересней было, — сказала я наконец неуверенно.

Глупость, конечно, сказала. Понимала, что не то говорю. И Зульфия справедливо, конечно, заметила, что ради нашего интереса никто бы не стал хлопотать.

Тетя Еня только головой покачала.

— Хотят из вас храбрых бойцов воспитать, — проговорила она. — Да только беды бы не вышло.

Вот он ответ, который я не нашла вовремя! Как же это я! Ведь ясно же, и что-то такое мерещилось мне, так нет, не нашлась...

Конечно, не деревяшки охранять, а воспитывать в нас смелость и ответственность.

Вечером на другой день у школы собрался народ: ребятам не терпелось поглядеть, как начнется дежурство.

Крыльцо начальной школы, вроде небольшой открытой веранды, походило на сцену, наверное, еще и потому, что его освещал фонарь «летучая мышь», стоящий на верхней ступеньке.

Актером был парень-семиклассник. Держа наперевес деревянную винтовку, он стоял и, свирепо потрясая штыком, кричал под общий хохот:

— Нас мало, но мы в тельняшках!

— Федь, это кто же вы-то? — спрашивали его.

— А это мы с Валькой, — отвечал гордо Федька.

И тут на крыльцо вышла девчонка с гранатами в обеих руках.

Наверное, эта Валька первую неделю училась. Многие ее еще не знали, потому что стали спрашивать друг друга: «Чья это такая! Чья это?» И кто-то отвечал: «Наша это! Новенькая у нас! Валька Ибряева! Нового лесничего дочка, с кордона!»

Лесной кордон — лесничество, два-три дома, — стоял на опушке того леса, через который мы ходили. Наша дорога шла вдоль леса, а кордон был правее.

Валька передала гранаты этому Федьке и стояла, чуть улыбаясь ямочками на щеках, миндалевидными карими глазами. Она всем своим обликом отличалась от наших девчат, она была красивее всех.

И теперь казалось, что Федька со штыком и гранатами поставлен охранять эту девчонку-несмеяну: она все так же молчала, чуть улыбаясь уголками губ, невозмутимая и спокойная.

— Ох, жалко, снег сухой! Снежки не лепятся. Мы б их сейчас вместе с гранатами! — вздохнул кто-то из зрителей. И швырнул пригоршню снега в Вальку.

В это время от ворот показалась высокая фигура, послышались твердые шаги. Шел военрук. И ребята-зрители поспешили спрятаться.

Мы с Зульфией отправились домой и слышали, как Федька докладывал: «За время дежурства происшествий не случилось!»

И как военрук одобрил: «Молодцы! Продолжайте службу!»

— Значит, все-таки проверяет! — сказала Зульфия с торжеством.

— Еще бы! Первый-то раз, конечно, будет проверять! — ответила я рассеянно. Я думала о Вальке Ибряевой.

Измена

Все опасения, что ребята во время дежурства будут нас пугать, отпали сами собой. Казалось, Никонов забыл о своих угрозах.

На другой же день после первого дежурства мы на переменах не видели Лешки. Пространство перед нашей первой партой опустело. После первого урока Никонов пулей вылетел из класса и исчез за дверями седьмого.

Так было после каждого урока. Весь день. И следующий тоже. И всю неделю. Лешка возвращался на уроки только после звонка, с невидящим взором пробегал мимо нашей парты к себе на «камчатку». Сбылась моя мечта: мне некого было больше опасаться.

Несмотря на то, что жить стало спокойней,

как сказала бы моя бабушка, — тишь да гладь да божья благодать, — меня одолевала грусть. С великой неохотой призналась я в этом себе. Я почувствовала пустоту вокруг. Не было сомнений, почему Лешка все перемены проводил в седьмом классе! Это из-за Вали Ибряевой. Он даже вырос в моих глазах: если ему понравилась эта девочка, значит, не такой уж он простофиля.

Я одобряла Лешку. Будь я мальчишкой, сама бегала бы в класс напротив смотреть на нее. Почему же сейчас не бегаю? Потому что вышло бы, будто я за Лешкой. Но, встречаясь с Валей, я смотрела во все глаза.

Но ощущала вокруг себя пустоту...

Пришли и ушли зимние каникулы. Дома я отогрелась, и хотя про Лешку и Вальку не забывала, но думала о них отвлеченно, как про кино.

«...Часовым ты поставлен у ворот...»

После каникул подошло и наше с Верой и Зульфией дежурство.

После уроков мы не пошли домой — надо было засветло запасти дров для долгой ночи. Как всегда, вместе с дежурными вызвались поработать добровольцы. Хоть и бегал теперь Лешка в седьмой класс, а увидев, что мы с Верой несем пилу и топор из школьной кладовой, остановился — уж домой было направился — и присвистнул:

— Ага! Вот кто сегодня в часовых! А ну, Карпэй, беремся!

И они с Карпэем да еще Степа нарубили нам такую гору дров, что, наверное, все четыре печки школы можно было бы топить два дня.

Доро́гой ребята продолжали нас наставлять:

— Трубу лучше совсем не закрывайте, а то еще угорите!

— Винтовки к печке не прислоняйте, у Федьки в первый же раз штык затлел, к печке была одна макетина прислонена.

— Ну и силен сочинять! Чтоб от печной стенки винтовка затлела!

— Увидишь, какая будет печка! — пообещал Карпэй.

— А это в нашей воле! — сказала я. — Как захотим, так и истопим.

В начале шестого мы с Зульфией уже снова шагали в школу. И кто бы поглядел, какие были мы гордые и счастливые! Но никто, наверное, не видел, разве что из окошек. И то вряд ли! Темно уже было. Только, может, и увидишь — идут двое, узелки несут. Зульфия несла отслужившую свое телогрейку, а я — старый ватный спорок тети Ениного пальто. Прихватили мы и картошки с солью. Сами над собой посмеиваемся: часовые! Посмеивались, а все же гордились. Я гляжу сбоку на Зульфию: прямо счастливая шагает! И смех меня берет!

В школе стало не до смеха: на улице темно, здесь же как в самую полночь — мрак, тишина-а! Свет бы зажечь.

— Зульфия, где же фонарь?

— Какой?

— Да «летучая мышь»! Помнишь, мы у Федьки и Вальки видели!

— Так это Федькин и был!

— Вот тебе и на тебе! Я думала, школьный... Да что уж теперь! Не побежишь домой. Дежурство началось.

Тем временем мы затопили печку, хорошо, что все засветло припасли. Спасибо ребятам, научили. Тут и береста и сухие щепочки... С одной спички занялось!

Когда раздались взаправдашние шаги, притаились, замерли... Но тут же догадались: Верка! Это была она. Стояла на крыльце и боялась открыть дверь в сени.

— Я так боялась, девчонки, — созналась Вера, — просила сестру проводить меня хоть маленько, да она разве проводит...

— Ладно, девчонки, — сказала я как могла беспечнее. — Вы тут глядите за печкой, а я пойду пройдусь, вдруг да военрук нагрянет.

— Может, вместе? — встала Зульфия, половина души моей.

— Нет, здесь страшнее одной, — слукавила я. Мне хотелось, мне надо было пойти одной. — И Силантий велел часовому одному ходить, — для верности добавила я.

И пошла в наш «арсенал», чтобы взять винтовку. Открыв дверь, я отшатнулась в ужасе: из темного угла светились чьи-то розовые зубы! Пасть светилась — узкая, хищно изогнутая.

— Девчата! — заорала я, уже понимая, что это не зверь, а трещина в печке, которую мы топили. Задней стенкой она выходила сюда. Сейчас, когда печь разогрелась, щель светилась, налитая розовым огнем.

Девчата прибежали, заохали:

— Вон почему штык у винтовки затлел! — догадалась я.

Взяла я деревянную винтовку наперевес, как к штыковому бою, вышла на крыльцо. Постояла, привыкая ко тьме, вдыхая пронзительно острый воздух. Как вкусно пахнет мороз, приправленный дымком от березовых дров... Лицо, раскаленное перед открытой топкой, сначала даже не почувствовало прохлады. Мне показалось, что щеки мои, лоб и нос светятся в темноте, как та розовая пасть — огненная трещина в печи, — и меня можно издали увидеть. Когда до меня дошло, чего я опасаюсь, стало смешно и не страшно.

А за школой верхушки высокого, сухого бурьяна торчат из сугробов и между стеной школы и сугробом — узкий проулок. Тут хорошо сделать засаду, или красться за часовым, или на заборе с той стороны сугроба схорониться, а как пойдет часовой мимо — прыг ему на плечи! И я подняла винтовку штыком вверх. Пусть-ка прыгнут на штык!

Вот и угол, а за углом уже окно нашей дежурки. Там печка топится, там друзья. И мне стало так тепло и уютно среди холода, тьмы и

предательски скрипучего снега от одной только мысли о моих товарищах — о Вере и Зульфие. Ну-ка, погляжу, что там у нас делается... Заранее улыбаясь, я прижалась носом к холодному стеклу. И тут же пригнулась: померещилось мне, что ли?! В комнате перед печкой сидело трое!

Сидят мирно, глядят в огонь. Значит, свой! Но сердце мое скакало как бешеное, во рту было сухо, шершаво. От неожиданности.

И я снова припала к краешку окна: кто же там третий? В неясных, неровных отблесках огня из печки я узнала кудлатую голову Степки. Садов! Пришел проведать своих! И, не сдержавшись, я стукнула в окно. Они дружно вздрогнули и обернулись.

Когда я вбежала в дежурку, одним духом перелетев скрипучие сени, они уже все трое хохотали.

А между тем печка все раскалялась. Не хотелось сидеть во тьме, и только начинал рассыпаться жар, теряя пламя, как новые полешки летели в топку и быстро занимались среди раскаленных россыпей золотых и алых угольев.

У самого края топки Степан нагреб кучку золы, смешанной с мелкими зернами жара, затолкал в золу штук семь картошек.

— Степ! А зачем ты пришел? Ты ведь уже дежурил, — спросила я, глядя на его длинные, темные пальцы, короткими движениями подталкивающие картофелины поближе к жару, — руки обжигало даже и на расстоянии от топки.

— Да так. Дома скучно. Дай-ка, думаю, проведаю своих.

— А ты приходи к нам после уроков, а?

— Не знаю... Может, когда и приду, — неопределенно, стеснительно ответил Степка. И добавил, усмехнувшись: — Опасаюсь! У вас там свои ухажеры, еще прибьют!

— Ты что! — закричали мы с Зульфией в один голос. — Как не стыдно тебе-то! — Или ты

Дежурство началось. Мы затопили печку.

не видишь, мы с ними и знаться не хотим! — гневно, слишком гневно заявила я. Сама почувствовала: слишком! Но ребята не обратили внимания. И Вера нас поддержала:

— От таких ухажеров бегом побежишь! Двоечники. Только и знают кривляться.

И с покаянием в душе почувствовала я, насколько Вера правильней меня. Уж она не стала бы огорчаться, что один из «ухажеров»-двоечников стал пропадать в седьмом классе. И в самом деле, что в нем? Правильно она сказала — одно кривлянье. Правда, сегодня дров нам напилили и накололи. Да вот не пришли, как Степа...

Я встряхнула головой, чуть вслух не сказав: «И слава богу, что не пришли!»

А Степа, будто продолжая мои мысли, и говорит:

— И того, правда, опасался, как бы к вам не пожаловали. Разговоров много было у нас на «камчатке», пугать вас собирались.

— Ага-а! — злорадно протянула Зульфия.

Мы стали просить Степу, чтоб он рассказал, как собирались они нас пугать. Но он отмахнулся:

— А! Ерунда! Стучать да мяукать страшными голосами. Тыкву хотели достать, да ни у кого нет тыквы-то...

Посмеялись мы. Теперь нам никакие пугальщики не страшны.

А картошка оказалась на диво вкусной! Будто с маслом, сдобная.

Но, как мы ни бодрились, ни смеялись, спать нам все-таки захотелось. Веки тяжелеют, не поднять. Зульфия, сидя рядом со мной на полешках, прислонила к моему плечу голову, и я чувствовала, как изредка она вздрагивала всем телом. Так бывает, когда засыпаешь.

— Эй, девчата! — окликнул негромко Степа. — Ложитесь маленько. А я посижу, погляжу за печкой.

И мы покорно поплелись устраиваться. Географические карты подстелили, старую ветошь положили под голову, а укрыться — свое пальтишко.

Только голова припала к изголовью, сон меня одолел. Наверное, и других. Проснулась я от холода. Долго не могла понять, где я, отчего так жестко, что больно ребрам. Наконец я вспомнила. Сразу села. Смотрю, а Степка, как-то странно перебирая ногами и тихонько мыча, уткнулся лбом и обеими руками в посветлевшее уже слегка оконное стекло, и елозит по нему, передвигаясь то вправо, то влево, то выше, то ниже, будто хочет, как муха, по окну поползти. Мне стало страшно: чего это он?

— Степа! — окликнула. Он вздрогнул, повернулся ко мне и проговорил сквозь зубы:

— Обжегся я...

Я подбежала к нему, чиркнула спичку. Я успела разглядеть слева на смуглом лбу Степки багровую опухоль, широко расползшуюся красным, его левое веко припухло, сжало глаз. Лицо искажено гримасой, видно, Степке трудно терпеть.

— Ой, Степа-а! — У меня даже зубы заломило, сердце зашлось.

— Задремал я... — сказал Степа. — Да и того... Тюкнулся головой вперед... Хорошо хоть дверцу... раньше прикрыл... А то б в печку... И вон... — Он протянул ко мне свои длинные кисти, и я увидела волдыри на всей левой ладони и слитный длинный волдырь вдоль большого пальца правой.

— Аа-а... Ты руками уперся! Когда упал... — догадалась я. — Ой, Степа, что ж делать... Что же ты тут стоишь... Надо бежать, надо содой, марганцовкой!

— Где она, марганцовка! Сода! — мрачно отозвался Степа...

— Ой, у тети Ени есть сода, есть! Я знаю!

Девчата проснулись от наших голосов.

— Девчонки! Мы со Степкой побежим сейчас к тете Ене, вы додежуривайте. Да не говорите ничего! Скажите, что, мол, я угорела...

Тетя Еня уже не спала, печь растапливала. Увидев нас, только руками всплеснула и крепче сжала губы. Пока я, захлебываясь, рассказывала как и что, она из нижней тумбы своего узкого буфетика вынула стопку льняных полотенец, выбрала ветхое, в дырках, но белое, как снег.

Вдруг велела мне:

— Воротись в школу, Даша. Додежуривай. Ты нам тут не нужна. Я помогу Степану. Ступай быстрей, не бойся. Хорошо ему сделаю. Приходи, как и должна, к завтраку.

Пощечина

Никакое собрание, никакие выговоры не могли осудить нас строже, чем наша тройка. В дежурке было холодно, и следа не осталось от ночной жары, мирного разговора. Темно, как ночью. Пахнет жженым кирпичом, холодным дымом, известкой, будто на пожарище.

По дороге в школу мы договорились, как всем про Степку скажем, что заболел. Скажем, что будем к нему ходить, уроки объяснять и он не отстанет.

Мы сидели весь день как на иголках. Но никто ничего не заподозрил. Верка человек надежный, молчала, видать, и дома.

Когда Мария Степановна — ее урок был первым — спросила, где Садов, я представила себе Степкино лицо, искаженное ожогом и мукой, и мой голос прозвучал очень убедительно: «Он заболел!» Я ведь говорила правду! Но все-таки и ложь, и потому покраснела ужасно. Учительница склонилась над журналом, поставила против Степкиной фамилии «н/б», значит, «не был», и не заметила, как я вспыхнула. Но заметил кое-кто другой. Я услышала Лешкин голос: негромко, с растяжечкой он произнес:

— Оччень интересно!

К Лешкиным ехидным высказываниям, однако, уже все привыкли: и ребята и учителя. Никто и внимания не обратил. Только моя щека

под Лешкиным взглядом рдела до боли, до жжения. Я оперлась на руку, прикрыв эту предательскую щеку. Теперь получалось, что я отвернулась к стенке. И Мария Степановна сделала мне замечание. Вот мука-то какая эта ложь! Я словно в крапивной чаще сижу: каждое движение вызывает новый ожог.

Нет, так нельзя жить! Надо учиться врать, чтоб было легко и незаметно!

На перемене Никонов по новому своему обычаю метнулся в седьмой класс. А я, уже потерявшая бдительность за время Лешкиной измены, достала учебник для следующего урока, оставила на парте ручку — раньше все дочиста убирала! И вдруг Лешка вернулся! Подлетел ко мне, схватил мою ручку, отпрыгнул и зашипел змеем:

— А ты чего покраснела, а? Я заметил! Никонов все видит!

— Положи ручку на место!

— Ах, на место! — И Никонов стал моей ручкой делать выпады, как в штыковом бою, один раз даже ткнул перышком мне в плечо. И тут же схватил учебник и стал на нем писать свои «АИН». Я выдернула у него из рук учебник, перо прорвало страницу, Лешка бросил ручку и ускакал опять в седьмой класс.

Я чуть не задохнулась от гнева. Зульфия, сидевшая рядом, взяла меня за руку и сказала удивленно:

— Дашка! Да ты что, это ж Никонов... — И в этот момент Никонов опять возник перед нами.

— Покраснела, покраснела! — опять завел он свое, вытянув ко мне, как гусь, свою узкую голову на тонкой шее.

Такой ненависти я еще никогда не испытывала. Тут все смешалось: и боль за Степку, и унижение от собственной лжи, и отвращение к Лешке — бегаешь в седьмой, ну и бегай, какое твое дело, отчего я краснею! Да еще кричит при всех! И хватает и портит мои книги! Тут и старый мой страх перед Лешкой обернулся ненавистью, и почти бессонная, тревожная ночь тоже сказалась, — во мне будто молния вспыхнула, но не белая, а красная, красная мгла заволокла все вокруг, и, перегнувшись через парту, я изо всей силы влепила пощечину Никонову раз и два — по одной и по другой щеке. Молча, без слова и крика, потому что горло перехватил спазм, а то, наверное, я закричала бы или даже завизжала очень страшно.

Никогда и никого в жизни я еще не била. Тем более по лицу. Ах, как прекрасно, что рука моя достала до физиономии Глядельщика! Как отрадно звонко отдался в моих ушах звук пощечины!

Теперь все. Пусть теперь он хоть до смерти меня изобьет. Я отомстила за все. И я буду драться!

Такое у меня было тогда состояние, что я не видела никого вокруг, ни Зульфии рядом. Словно мы с Лешкой были один на один в пустоте и безлюдии. Я видела его ошеломленное бледное лицо с красным следом четырех моих пальцев на левой щеке, расширенные, без блеска глаза. Но вот он опомнился и с задыхающимся криком, но и удивленным тоже — «да ведь я ж тебя убью сейчас!» — вспрыгнул прямо с пола без разбега на нашу парту. Поднял кулаки над моей головой. Я прижалась к стене и смотрела на него, не пряча лица. И он не ударил меня. Опустил руки и опять с огромным удивлением проговорил: «Да я не знаю даже, что я с тобой сделаю!»

Так и осталось неизвестным, что он со мной сделал бы, потому что от дверей раздался недовольный голос Марии Степановны — она пришла и на следующий урок.

— Это что? Никонов, как не стыдно стоять на парте! У девочек перед носом!

Никонова будто ветром сдуло, он дослушивал нотацию, уже сидя на своем месте. А может стоя, я не смотрела.

Все-таки какой замечательный у нас класс! Никто ни звука о том, что было на перемене. Ведь учителям только скажи «а», они будут вымучивать из тебя весь алфавит — до самого «я»: отчего, да почему, да как? Ребята, те видели все. Им объяснять ничего не нужно. На уроке, выбрав минутку, Вера шепнула мне:

— Молодец! Давно бы так... Чтоб не лез... Не бойся...

Все-таки я боялась. Я не хотела драки. Я понимала, что Лешка оскорблен и должен мстить. Может быть, всю жизнь. Но зато теперь все очень ясно: враг есть враг. Это лучше, чем не поймешь что: ведет себя, как враг, а понимай, что за тобой «бегает». Да и Валя Ибряева... Нет, нет, все правильно, все как надо.

Я окрепла духом и ждала перемены, готовая ко всему, с бледным и, надеюсь, бесстрастным лицом.

А Зульфия? Она, наверное, была напугана, ничего не спрашивала у меня.

Вдруг она мне шепчет:

— В стенку носом уткнулся!

Значит, поглядела на Никонова. Я только плечами пожала: мол, мне-то что!

На перемене начались необычайные вещи: Никонов не встал со своего места. Думая, что он подстерегает, когда выйду я, мы с Зульфией тоже не встали с парты. Верка с Тоней прикрывали нас от нападения сзади. А остальные, видимо, в ожидании зрелища тоже не выходили из класса. Так шестой класс в полном составе — все, кроме Степки Садова, — просидел всю перемену. К нам заглядывали семиклассники, орали в дверь: «Что сидите? Наказали,что ли?! Во дураки! Сидят!»

После уроков Никонов, никого не задевая и не ожидая даже Карпэя, раньше всех вышел из класса. И Карпэй с диким, ревущим криком «Лешка! Погоди!» протопал за ним.

Мы с Зульфией решили, что они устроят засаду. И пошли вместе с Тоней, Галией, Нуруллой и Домоседовыми. Засады не было.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

МОЯ РОДИНА

КАНТАТА

Слова К. ИБРЯЕВА

Музыка Ю. ЧИЧКОВА,
лауреата премии Ленинского комсомола

Рисунки С. АРИСТОКЕСОВОЙ.

Родина! Она раскинулась от берегов Тихого до Бреста, от Северного Ледовитого до Кушки... Родина — это наши нивы и заводы, наши космические корабли. Родина — это летящие по небу облака, шум берез у партизанской землянки далеких лет. Родина — это звонкие песни ребят...

Настанет время, и ты станешь хозяином своей прекрасной страны, будешь возводить города и открывать новое в науке.

Чтобы стать хозяином страны, надо с детских лет крепко любить и беречь свою Родину. Вот об этом и хотелось нам с поэтом К. Ибряевым сказать в кантате.

Юрий ЧИЧКОВ.

Торжественно

Мы галстуков алое зарево от ясного солнца зажгли —
будущие хозяева счастливой земли!
Припев
Родина! Слышишь, как преданно, гордо бьются горячие наши сердца! Ты самая светлая, мудрая, щедрая, Родина моя!
Для повторения
Родина моя! Мы
Для окончания
я! Ты самая светлая, мудрая, щедрая, Родина моя!

Родина

Мы галстуков алое зарево
От ясного солнца зажгли —
Будущие хозяева
Счастливой земли!

Припев: Родина!
Слышишь, как преданно, гордо
Бьются горячие наши сердца?
Ты самая светлая,
мудрая,
щедрая,
Родина моя!

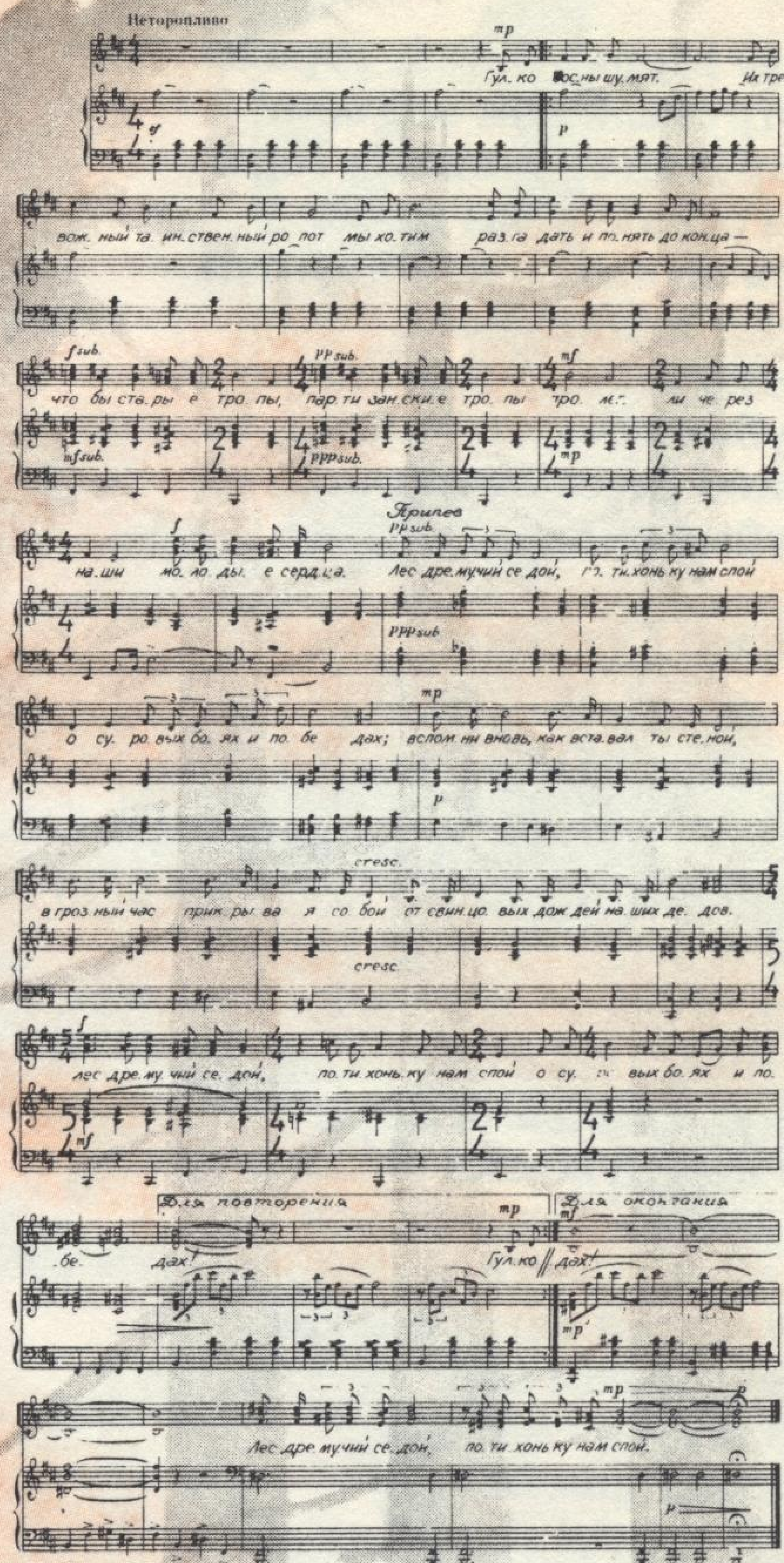
Мы вслед за мечтою стремительной
Шагаем под флагом весны —
Будущие строители
Великой страны!

Припев.

Со взрослыми вместе в ответе мы
За мирный лучистый рассвет —
Будущие наследники
Отцовских побед!

Припев.

Партизанские тропы

Гулко сосны шумят.
Их тревожный таинственный ропот
Мы хотим разгадать и понять до конца,
Чтобы старые тропы, партизанские тропы
Пролегли через наши молодые сердца.

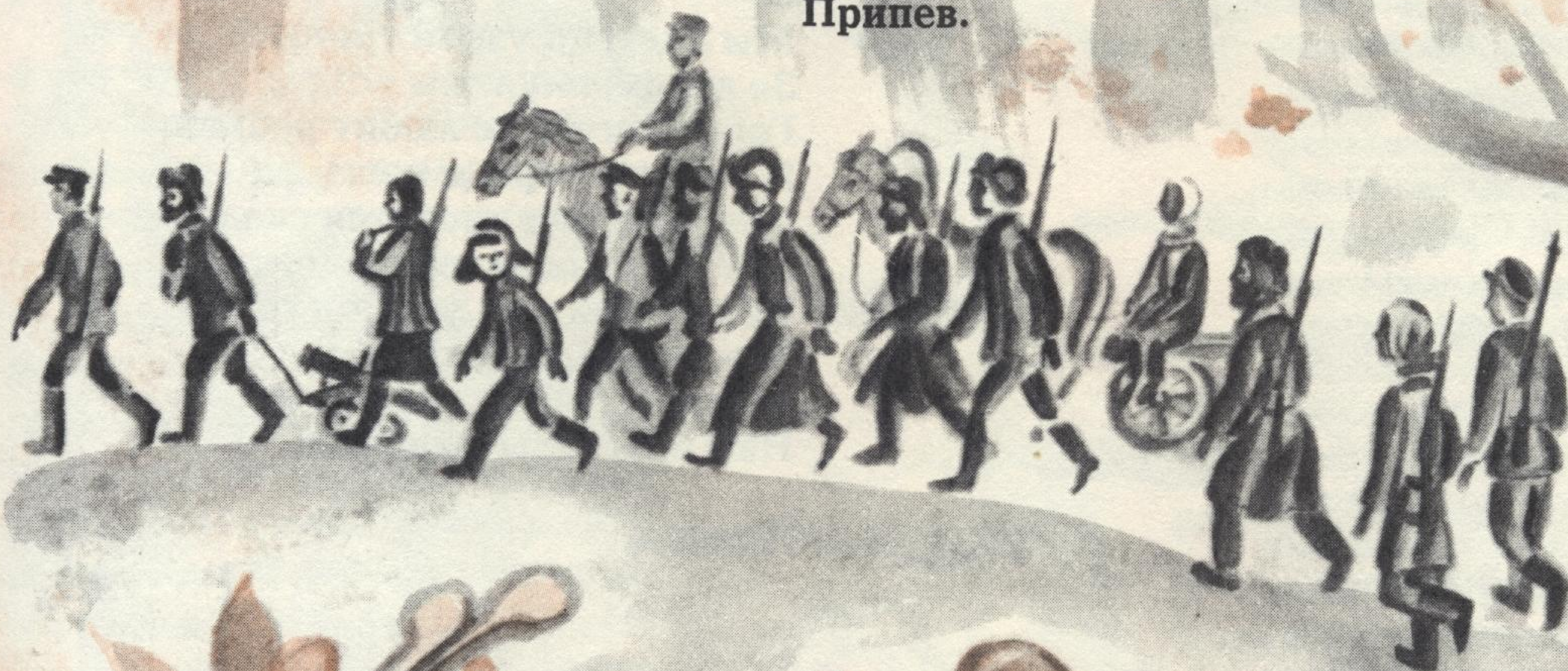
Припев: Лес дремучий, седой,
Потихоньку нам спой
О суровых боях и победах.
Вспомни вновь,
как вставал ты стеной,
В грозный час прикрывая собой
От свинцовых дождей наших дедов.
Лес дремучий, седой,
Потихоньку нам спой
О суровых боях и победах!

Гулко сосны шумят.
И склонились дубы-великаны
Над зеленым холмом у опушки лесной.
Уходили в бессмертье здесь бойцы-партизаны
И отважный мальчишка, вечно юный герой.

Припев.

Гулко сосны шумят
Над землянкой разрушенной, старой,
И мы думаем строже о счастье своем.
Здесь легенда вдруг былью очень близкой нам стала,
Здесь на верность Отчизне все мы клятву даем.

Припев.

Облака

Облака, облака.
В синем небе веселая вьюга.
Облака, облака,
Вы летите, плывете к нам с юга.
Вас, быть может, своими руками
Там ребята из хлопка соткали
И на крыльях попутных ветров
Нам по-братски в подарок послали.

Облака, облака,
Мы вас дождичком просим пролиться.
Облака, облака,
Оросите колосья пшеницы.
Мы их вместе с отцами своими
На полях неоглядных взрастили,
Чтоб всех наших друзей угостить
Щедрым солнечным хлебом России.

Облака, облака,
Облететь всю Отчизну вам нужно.
Облака, облака,
Вы, как в сказке,— посланники дружбы.
Все ребята республик советских
Шлют друг другу сейчас с вами вместе
И любимые песни свои
И хорошие добрые вести.

Горы, горы

Снова горны, горны, горны
Протрубили нам подъем.
По крутой тропинке в горы
Всем отрядом мы идем.
Здесь по каменным порогам
Скачет пенная река.
Можно здесь рукой потрогать
Голубые облака.
Можно здесь потрогать
Голубые облака.

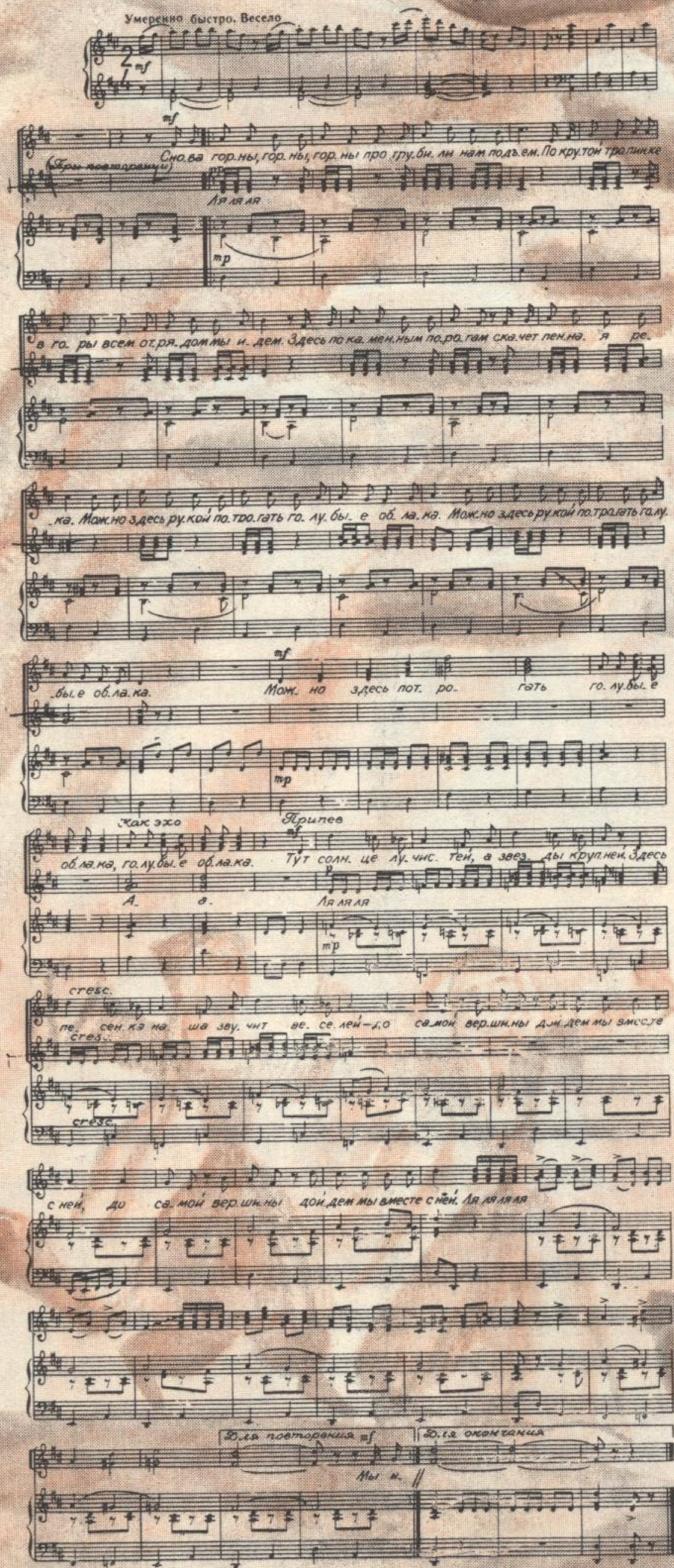
Припев: Тут солнце лучистей,
А звезды крупней.
Здесь песенка наша
Звучит веселей —
До самой вершины
Дойдем мы вместе с ней!

Здесь, купаясь в небе синем,
Быстролетны и смелы,
Машут крыльями своими
Нам по-дружески орлы.
Мы идем и дразним эхо,
Дразним громко, озорно.
И на шутки наши смехом
Отвечает нам оно.
И на шутки смехом
Отвечает нам оно.

Припев.

Мы идем по узкой тропке
За своим вожатым вслед.
Горный путь не любит робких,
И таких в отряде нет.
Пусть вокруг теснятся скалы –
Мы раздвинем их плечом.
Незнакома нам усталость,
Все преграды нипочем!
Пусть теснятся скалы —
Нам преграды нипочем!

Припев.

Праздник песни

Мы на праздник песни
Пригласили вас —
Так давайте вместе
Все споем сейчас.
Взвейся, песня, выше гор!
Вспыхни, песня, как костер!
Припев: Пусть нам вторит вся земля:
Ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля!
Реки, рощи и поля —
Ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля!
Песней своей
Радугу зажгли мы,
Чтоб земля родная стала
Яркой и красивой,
Чтоб смеялись дети
На земле счастливой!

Море заиграло,
Заплясало вдруг.
И концертным залом
Стал прибрежный луг.
Взвейся, песня, выше гор!
Вспыхни, песня, как костер!

Припев.

Зазвенели струны
Солнечных лучей,
И от песни юной
Стала даль светлей.

Припев.

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола

МУШКЕТЕР И ФЕЯ

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 3.

Рисунки Е. СТЕРЛИГОВОЙ.

Джонни считал неприличным показывать нетерпение. Поэтому вечером он сначала поужинал, потом поспорил с Верой и только после этого отправился к Вике.

У Вики было тихо и уютно. Родители уехали. Готовая рубашка висела на спинке стула. Джонни так обрадовался, что даже не обратил внимания на Викино задумчиво-печальное настроение. Он быстренько обрядился в Буратиний костюм и гордо встал перед Викой.

— Ну как?

Вика ответила с непонятной улыбкой и вздохом:

— Счастливый ты человек, Джонни...

— А ты разве несчастная? — удивился он.

— Я не про себя, — уклончиво сказала Вика. Потом велела Джонни встать на стул и начала искать недостатки в его костюме.

Оранжевые штаны показались Вике чересчур новыми, и она пришила к ним клетчатую заплату. Потом ей не понравился некрашеный бумажный нос.

— Будто в сметану обмакнутый. Он должен быть как деревянный.

Она полезла в шкаф за красками, еще раз глянула на Джонни и сообщила, что ноги у него ничуть не лучше носа.

— Белые, как макароны. Весь загар за зиму облез. Давай я их тоже под орех разделаю.

— Это как? — опасливо спросил Джонни.

— Разрисую под дерево.

— А отмоется потом?

— Акварель-то? В момент.

— Валяй, — согласился Джонни. — Буду совсем превращаться в деревяшку...

Кисточки были мокрые и холодные, Джонни хихикал и пританцовывал на стуле.

Вика опять по-взрослому вздохнула:

— Эх, Джонни, Джонни. Беззаботное ты существо. Все бы тебе прыгать...

Джонни пригляделся с высоты и понял наконец: с Викой что-то неладное.

— С Сережкой поругалась? — спросил он.

Вика дернула плечом, поставила ему на ногу большую коричневую кляксу и грустно сказала:

— Больно мне надо ругаться с этим...

— Ясно, — сказал Джонни. — Из-за чего опять?

— Ты разве не видел газету?

Джонни удивленно похлопал ресницами.

Вика взяла со стола газетный лист и сунула Джонни.

— Полюбуйся.

Это была областная молодежная газета. В нижнем углу страницы синим карандашом кто-то обвел стихотворение. Над ним было напечатано: «Творчество юных читателей». А пониже — «Другу детства». И подпись внизу: «С. Волошин. 8-й класс, средняя школа № 2».

— Ух ты! — восторженно сказал Джонни. — Это он сам написал?

— Кто еще может такую чушь сочинить? — язвительно откликнулась Вика. — Ты читай, читай.

Джонни встал на стуле, как памятник, и начал:

— «Мы с тобой играли в детстве...»

— Да не вслух, — поморщилась Вика.

Джонни тихонько зашевелил губами. И прочитал вот что:

> Мы с тобой играли в детстве
> На дворе заросшем.
> Я тогда старался очень
> Быть с тобой хорошим.
> Ты тогда еще боялась
> Лягушат зеленых...
> А теперь промчалось детство
> Средь зеленых кленов.
> Ты с поры недавней стала
> Чуточку другою.
> Почему-то я робею,
> Встретившись с тобою.

Джонни не очень любил стихи. Но сейчас, когда прочитал, он почему-то вспомнил девочку Катю и задумчиво сказал:

— Он настоящий поэт.

— Он настоящий болван! — вскипела Вика. — Все они там такие в своем литературном кружке! Рифмоплеты!

Джонни знал про Серегу Волошина многое, но про стихи и про литературный кружок не

знал. Поэтому он помолчал, переваривая новость. Потом спросил:

— А почему болван?

— Потому что все вранье! Подумаешь, робеет он! Позавчера пришел без меня, залез в шкаф и все варенье из банки стрескал!

— Знаешь, Вика, это разные вещи...— мудро заметил Джонни.

— Ничего не разные! А еще пишет: «Старался быть хорошим»! Он меня в детстве за косы таскал!

— У тебя кос-то никогда не было.

— Были, ты не помнишь. В первом классе.

— У-у...— насмешливо сказал Джонни.— Ты просто злишься за варенье.

— Я за лягушат злюсь! Весь город должен знать, что я их когда-то боялась, да?

— Это же давно было,— успокоил Джонни.— Подумаешь! Я в детстве хомячков боялся. Ну и что?

Вика опять грустно улыбнулась.

— Эх ты... «В детстве». У тебя, Джонни, еще все детство впереди. Не то что у меня.

Такие разговоры Вика вела впервые в жизни. Джонни обиделся. Он ехидно сказал:

— Ты, конечно, уже старуха... Ты давай дорисовывай вторую ногу, а то как я буду?

Вика опять взялась за работу, но сделалась такой печальной, что Джонни ее пожалел.

— Значит, Серега принес газету, а ты его прогнала? — проницательно спросил он.

Вика вздохнула так, что у ног Джонни закрутился воздушный вихрь.

— Ладно, помирю,— снисходительно сказал Джонни. Ему было не привыкать.— Сегодня же помирю. Давай, рисуй живее.

Вика ничего не сказала, но заметно повеселела и недавнюю коричневую кляксу превратила в глазок от сучка. Совсем как настоящий.

Это был длинный вечер. Сначала Джонни привел Сергея, и они с Викой две минуты дулись, а потом рассмеялись. После этого все пошли к Стасику и Борьке. Братья Дорины приостановили монтаж транзисторного охотничьего кота «Меркурий-2» и электролобзиком выпилили для Джонни большой фанерный ключ. Фанеру они покрыли быстросохнущей бронзовой краской.

Потом Вика заставила Сергея читать стихи про то, как он в шестом классе отвечал со шпаргалкой урок по геометрии и пытался найти у треугольника радиус.

Все долго хохотали. Во время этого хохота за Джонни пришла мама, потому что было уже почти одиннадцать часов. Мама очень удивилась, увидев ненаглядного сына в костюме Буратино. Впрочем, костюм ей понравился. Она только забеспокоилась, не перемажет ли крашеный Джонни постель. Но Вика сказала, что сухая акварель мажется не сильно, а Джонни добавил, что будет спать в пижаме.

Мама не считала, что перепачканная пижама лучше перепачканных простыней, но спорить не стала.

Джонни долго не спал. Он лежал и улыбался в темноте. Вспоминал Серегины стихи.

Мы с тобой играли в детстве
На дворе заросшем...

Джонни тоже будет играть с Катей на заросших дворах и улицах, когда придет лето. Он возьмет Катю в плавание на крейсере, построенном из лодки. Потом они пойдут в лес и, может быть, заблудятся, как Том Сойер с Бэкки Тэчер заблудились в пещере. Жаль, что поблизости нет пещер... Но зато под крепостным холмом есть, говорят, подземный ход. Его можно отыскать и разведать. Если повезет, Джонни отыщет старинную кольчугу и подарит Кате...

Джонни беспокойно шевельнулся: честно говоря, ему стало немного жаль отдавать кольчугу. Но в конце концов можно найти не одну, а две...

Все будет хорошо. Завтра он обязательно познакомится с Катей. Сперва просто окажется рядом. Потом они разговорятся. Затем, может быть, Джонни позовет ее к себе, покажет мушкетерское вооружение и коллекцию автомобильчиков...

От того, что это будет уже завтра, у Джонни тревожно и обрадованно затюкало сердце. Чтобы его успокоить, Джонни повернулся на правый бок и закрыл глаза.

Он задремал, и ему показалось, что они с Катей плывут по реке. Только не в лодке, а в больших деревянных башмаках — он в одном, а Катя в другом. Течение крутит башмаки, и они иногда стукаются друг о друга. Джонни весело, а Катя немного боится, потому что башмаки неуправляемые — без весел и без руля.

«Ничего! — кричит Джонни.— Нас сейчас вынесет на мель!»

И правда, их «корабли» заскребли днищами о песок и остановились. Джонни хотел взять Катю на руки и вынести на берег. Но там из кустов вылез отвратительный Шпуня. Он стал плясать и кривляться, будто колдун из дикарского племени, и что-то кричать. Джонни не разобрал слов, но понятно было, что Шпуня кричит обидные вещи.

«Дай ему,— сказала Катя.— Что ты сидишь?»

«Сейчас»,— заторопился Джонни и приготовился прыгнуть в воду.

«Прыгай, прыгай! — заорал Шпуня.— Не бойся, не потонешь, ты же деревяшка!»

Джонни не боялся потонуть. Было совсем мелко, он даже видел сквозь прозрачные струйки, как искрятся песчинки на дне. Но он вдруг сообразил: вода смоет с ног краску, и тогда Фея с голубыми волосами увидит, что Джонни вовсе не Буратино, а притворщик.

«Что же ты не идешь?! — кричала Катя и сердито встряхивала голубыми локонами.— Где твоя шпага?!»

«Дома»,— растерянно сказал Джонни.

Шпуня безобразно захохотал. Тогда Джонни прыгнул. Но в этот миг Катина «лодка» снялась с мели и стала быстро уплывать. А Катя

непонятно смотрела на него синими своими глазами и ничего не говорила. Что делать? Если плыть за Катей, она подумает, что он испугался Шпуни. Если идти лупить Шпуню, течение унесет Катю.

Джонни замечтался, и тут песок начал быстро засасывать его. Вот вода уже по плечи, вот дошла до рта... Джонни стал захлебываться и проснулся.

— Тьфу ты...— сказал он и стал смотреть за окно, где среди тополиных веток застряла неполная луна, похожая на бледное оторванное ухо.

Луна напомнила Джонни его собственные уши, которые после стрижки сделались какими-то слишком большими и торчащими.

«Ладно, под деревянными кудрями не видно»,— постарался успокоить себя Джонни. И снова закрыл глаза. Но спать не давал беспокойный червячок. Точил и точил. В чем же дело? Ведь все придумано здорово, костюм замечательный...

Джонни поворочался. Выбрался из постели. Выскользнул в коридор и включил свет. Здесь он осторожно натянул на себя Буратиний наряд и, стараясь не стучать башмаками, встал перед зеркалом.

Все было в порядке. Все было замечательно! Самый настоящий Буратино смотрел на Джонни из зеркала... Но... В том-то и дело: это был просто Буратино. Обаятельный, веселый, смешной. И ничуть не героический.

Конечно, он находчивый, смелый, но все-таки он деревянная кукла. И немножко клоун. Может быть, для кого-то такой характер в самый раз, но Джоннина рыцарская душа этого не принимала. Пока Джонни мастерил костюм, суетился, у него не было никаких сомнений, а теперь понял. Понял, что он изменник: отдал шпагу за пеструю рубашку.

Джонни сел на половик, уперся подбородком в раскрашенные коленки и горестно задумался. Он хотел обмануть судьбу: остригся будто бы из-за обиды, а на самом деле ради нового наряда. И судьба наказала его за хитрость.

Еще неизвестно, как завтра все сложится. Может быть, не только Джонни появится в костюме Буратино. Вдруг будут соперники? Если соперники появляются у мушкетера, спор можно решить поединком на шпагах. А если сойдутся полдюжины Буратино?

Кроме того, на карнавале обязательно будет Шпуня с приятелями. Разве он упустит случай обхихикать Джоннин колпак с деревянными завитками, клетчатую заплату на штанах и ноги, размалеванные не то под орех, не то под карельскую березу? Уж сам-то Шпуня не станет наряжаться куклой. Наверняка будет пиратом или индейцем.

Джонни встал и еще раз глянул на себя в зеркало. На подбородке отпечатался нарисованный сучок. Джонни решительно взялся за бумажный нос, оторвал и смял его. Потом он пошел в ванную и открыл краны.

Сидя на краю ванны и бултыхая ногами в теплой воде, Джонни расплел Верину капроновую мочалку и стал пришивать к мушкетерской шляпе искусственные кудри.

Шпуня нарядился не пиратом и не индейцем. У него был костюм ковбоя: загнутая с боков шляпа, короткая куртка и узкие брюки с широченными раструбами, с кожаными заплатами. Красивый костюм и героический. Только цвет Шпуня выбрал не тот: куртка и штаны были сшиты из темно-розовой материи. Тощий Шпуня стал похож на свежевымытого дождевого червяка. Так по крайней мере сразу решил Джонни.

В фойе Дома пионеров шумели и толкались Красные Шапочки, Оловянные Солдатики, Золушки, Чипполино, доктор Айболит со звериной свитой, Белоснежки и гномы. Над этой толпой сумрачно возвышались два Дон Кихота и заведующая детской библиотекой Эмма Глебовна, тоже похожая на Дон Кихота, только в юбке.

А Кати не было.

К Джонни подскочили три верных друга-адъютанта: маленький Юрик Молчанов в голубой одежде гномика, Дима Васильков в костюме Незнайки и толстый Мишка Панин — без всякого маскарада, но зато с большим кульком ирисок. Юрик сквозь ватную бороду прошептал Джонни на ухо, что у Шпуни есть какой-то коварный план.

— Вот он идет,— встревоженно сообщил Мишка Панин и перестал жевать ириску.

Джонни дерзко усмехнулся.

Шпуня подошел ковбойской походкой, слегка вихляя бедрами. Сопровождали Шпуню три индейских вождя в штанах с бахромой и раскрашенными перьями на головах.

— Привет,— сказал Шпуня.

— Привет,— сказал Джонни.

— Значит, в мушкетеры записался...— задумчиво произнес Шпуня.

— Я хотел в ковбои, да розовых штанов нигде не нашел,— сообщил Джонни.

— Ну, ничего,— утешил Шпуня.— Тебе эта шляпа очень идет. У моей бабушки такая же.

— А свои штаны ты тоже у нее попросил? — поинтересовался Джонни.

Шпуня задумался. Индейские вожди угрожающе засопели. А Дима-Незнайка вдруг протянул руку к Шпунину кольту и спросил:

— Можно посмотреть?

— Пожалуйста,— по-джентльменски откликнулся Шпуня.

Револьвер был сделан здорово: даже барабан крутился. Джонни вздохнул про себя и сказал:

— Жаль, что не стреляет. Деревяшка.

— Твоя шпага тоже вроде не из булата,— заметил Шпуня.

— Ну, все-таки... Если надо, то врезать ею можно как следует.

— Врезать и кольтом можно,— разъяснил Шпуня.— Рукояткой.

Он сунул оружие в чехол, мило улыбнулся, полез за пазуху и... вытащил серого пушистого хомячка.

— Смотри, Джонни, какой симпатичный. Хочешь подержать?

У Джонни едва не встали дыбом капроновые кудри. А на позвоночнике выступили холодные крупные капли. Но он тоже улыбнулся и бестрепетно протянул ладонь.

Зверь шевелил усами и зловеще царапал ладошку коготками.

Джонни провел мизинцем по серой спинке.

— Он что, Шпуня, вместо лошади у тебя? Тощий какой-то. Не кормишь?

Шпуня расстроенно спрятал хомяка за пазуху.

Эмма Глебовна громко захлопала над головой ладонями и возвестила:

— Дети! Все идем в комнату сказок!

И в это время Джонни увидел Фею с голубыми волосами. Или Мальвину. В общем, Катю. И сразу подумал, что она похожа на маленькое белое облако с клочком голубого неба. Он заулыбался, отвернулся, опять посмотрел. А она прошла совсем рядом и тоже на него посмотрела. Уши у Джонни стали горячими, он согнулся и стал сердито поправлять отворот у сапога. Но тут же испугался, что потеряет Катю из виду, и пошел за ней.

Праздник был интересный. Сначала выступал настоящий писатель — он специально приехал из Москвы. Он всех поздравил, а потом читал рассказ про то, как отправился в кругосветное путешествие, когда был маленьким. Все смеялись, потому что рассказ был веселый. И Джонни смеялся. Но он не забывал посматривать на Катю. И она, кажется, тоже на него посматривала.

Потом затемнили окна, чтобы показать мультфильм про Винни-Пуха. Джонни эту кинокартину очень любил, но сейчас огорчился: в темноте Катю не разглядишь.

После кино был перерыв, но такой короткий, что Джонни не успел решиться подойти поближе к Кате. Потом все сели широким полукругом, в несколько рядов, и Эмма Глебовна стала по одному вызывать на середину комнаты ребят в костюмах, чтобы все угадывали, из какой они книжки. И зрители хором вопили:

— Робин Гуд!
— Дюймовочка!
— Гаврош!
— Мальчиш-Кибальчиш!

Он ждал, когда вызовут Катю. Все, конечно, начнут голосить, что это Мальвина из «Золотого ключика». И когда чуть утихнут, Джонни крикнет: «А еще Фея из «Пиноккио»!» И тогда Катя еще больше обратит на него внимание. А после праздника Джонни подойдет и небрежно скажет: «Послушай, мы тут с одним поспорили: ты Фея или Мальвина?»

Главное, начать разговор...

Но Джонни не дождался, когда вызовут Катю. Эмма Глебовна воскликнула:

— Тихо, ребята! Сейчас мы пригласим на середину этого молодого храброго мушкетера!

Джонни встал и приосанился. Положил левую руку на эфес шпаги. Звякая шпорами, сделал два шага... Разве мог он подозревать, на какое вероломство способны его враги?! Когда он делал третий шаг, словно легким ветром сдуло с его головы шляпу!

Это было так неожиданно, что Джонни приоткрыл рот и схватился за стриженую макушку.

Секунду или две стояла тишина. И, оказавшись среди этой тишины, Джонни отчетливо понял, какой он сейчас нелепый: с круглой головой, торчащими ушами и глупым лицом.

Он бросился к шляпе, схватил. К ее полям была приклеена жевательной резинкой капроновая леска. Она тянулась за стулья, в задний ряд, где сидели Шпуня и вожди индейцев. Сидели они прямо, руки сложили на груди. Нарочно!

Шпуня нахально посмотрел на Джонни и громко сказал:

— Лысый мушкетер!

Джонни отчаянно нахлобучил шляпу до самых ушей, но было, конечно, поздно. Грохнул такой смех, что в голове зазвенело. И сквозь этот смех были слышны индейские вопли:

— Лысый мушкетер! С него скальп содрали!

Смеялись все, кроме Джонниных друзей.

И Катя смеялась!

Все было кончено.

Джонни пошел к двери.

Комната была большая, и шел он долго. И, видимо, как-то по-особенному шел, потому что смеяться стали тише, а когда Джонни был у дверей, замолчали совсем.

Джонни обернулся и посмотрел на ребят. Это был взгляд человека, у которого все в жизни потеряно. Таким взглядом Джонни обвел ряды. И только сейчас заметил, что около Кати устроился какой-то Буратино. Джонни узнал того мальчишку, что был с Катей на фотографии. И машинально подумал, что он вовсе не дошкольник и не первоклассник, а такого же возраста, как они с Катей, только ростом небольшой. Но теперь это не имело никакого значения.

Джонни шагнул в коридор...

Джонни плакал очень редко. Еще в детском саду он приучил себя улыбаться, когда скребет в горле и щиплет в глазах. Но сейчас было, конечно, не до улыбки. Правда, и в этот горький час не блеснула бы у Джонни даже маленькая слезинка, если бы не встретилась Вика.

Но Вика встретилась. Она шла из поликлиники и увидела Джонни. Она посмотрела ему в лицо и сразу сказала:

— Джонни, что случилось?

С такой тревогой и заботой сказала, что Джонни не выдержал.

Не думайте, что он заревел во весь голос или хотя бы начал громко хлюпать носом. Но ресницы у него сделались мокрые и стали слипаться. Джонни отвернул лицо и дернул плечом.

Этого было достаточно, чтобы Вика перепугалась: такого расстроенного Джонни она еще не видела.

И в это время Джонни увидел Фею с голубыми волосами.

— Ну-ка, пошли ко мне.

Джонни сердито дернул плечом, но пошел. Не все ли равно, куда идти?

Вика стащила с него пальто, усадила на диван и велела:

— Ну-ка, рассказывай.

Джонни мазнул рукавом по глазам, поковырял спинку дивана и хрипло сказал:

— Да ну... этот червяк Шпуня...

И такими вот короткими и сбивчивыми фразами рассказал про свое несчастье. Потому что они с Викой были друзья, а кому расскажешь о горе, если не другу?

— И все смеялись? — сердито спросила Вика.

Джонни мрачно шмыгнул носом.

— И о н а смеялась? — тихо спросила Вика, которая все понимала.

Джонни вздохнул так, что под его мушкетерской рубашкой разошлись и опять съехались вместе острые лопатки.

Вика долго молчала. Джонни тоже. Потом Вика сказала:

— Джонни, ты не должен сдаваться.

— А что делать?

И правда, что делать? Можно десять раз отлупить коварного Шпуню, но разве это поможет? Катя все равно каждый раз будет смеяться, когда вспомнит, как слетела шляпа и засверкала на всю комнату стриженая Джоннина голова.

Джонни скорчился на диване, словно у него заболел живот.

— Подожди страдать, — сказала Вика. — Надо что-то придумать.

Но сама придумать она ничего не смогла и пошла за Серегой Волошиным.

Очевидно, по дороге Вика все успела объяснить Сергею. Он, как вошел, сразу сказал:

— Ну, чего нос повесил? Ты завтра можешь отыграться.

— Как? — горько спросил Джонни.

— Слушай.

Они с Викой сели рядом с Джонни, с двух сторон.

Джонни слушал. Сначала просто из вежливости, потом с интересом и надеждой. Потом нерешительно ухмыльнулся.

— Понял? — спросил Сергей.

— Понял.

— Согласен?

— Не знаю...

— Почему «не знаю»? — рассердился Волошин. — Ты мушкетер или таракан со шпорами?

— Я не знаю, где такие стихи взять? — объяснил Джонни.

Сергей почему-то смутился.

— Ну, стихи... Это, конечно, самое сложное... Ты вечером ко мне зайди, может быть, что-то проклюнется...

Когда появляется светлая надежда, жизнь становится симпатичнее. Джонни настолько воспрянул духом, что с аппетитом пообедал. Потом он с удовольствием посмотрел телепрограмму «Для вас, родители». Затем поговорил с Верой Сергеевной насчет расплетенной мочалки. Разговор настроил его на решительный лад. Полтора часа подряд Джонни твердо шагал из угла в угол и думал о завтрашнем дне.

Когда за окнами совсем стемнело, Джонни пришел к Волошину.

Сергей неловко протянул выдранный из тетради листок.

— Вот погляди. Годится или нет?..

Джонни стал читать. Он прочитал один раз, повертел листок, словно удивляясь. Прочитал снова.

— Ну? — нервно спросил Сергей.

— Это ты сам сочинил?

— Не сам, — пробормотал Сергей. — То есть мы вместе... У меня не получалось, я пошел к нашему руководителю кружка... Годится?

— Еще бы... — с тихим восторгом сказал Джонни.

— А успеешь выучить?

— Да я уже запомнил.

— Только не забудь про выразительность.

— Будь спокоен, — сказал Джонни, мысленно подтягивая ботфорты.

Когда решительный Джонни в раздевалке Дома пионеров надевал мушкетерские доспехи, к нему подошли Дима, Юрик и Мишка. У них был смущенный вид. Им казалось, что вчера они не сумели защитить командира. Но Джонни им не сказал ни слова упрека. Адъютанты повеселели. Толстый Мишка сообщил, что подлый Шпуня приделал к своему кольту боевой механизм и уже два раза стрелял охотничьими капсюлями. А Юрик и Дима с возмущением рассказали про издевательские Шпунины разговоры. Тощий розовый ковбой рассуждал с индейцами, что можно было бы содрать с мушкетера скальп, но, к сожалению, стриженые скальпы совершенно не ценятся.

— Там видно будет, кто с кого сдерет, — сказал Джонни. Он это решительно сказал, но внутри у него появился боязливый холодок: вдруг ничего не выйдет?

И тут показалась Катя. Джонни издали увидел голубые локоны. Этого было достаточно. Позванивая шпорами, он пошел к Эмме Глебовне и заявил, что хочет обязательно выступить.

Эмма Глебовна, конечно, обрадовалась. Она сказала, что Женя Воробьев молодец, храбрый мальчик (Джонни поморщился) и что она тут же внесет его в список.

— Только, пожалуйста, после всех, — попросил Джонни.

...Выступления были ничего, интересные. Руслан дрался с громадной головой из пенопласта, у которой открывался рот. Серый волк едва не слопал Красную Шапочку, но два охотника вовремя контузили его из ружья. Самодельная двустволка грохнула так, что над передними рядами долго висело облако дыма (куда там Шпуниному кольту!). Потом капитан Врунгель со своими матросами плясал «Яблочко», старик Хоттабыч глотал теннисные мячики, а Том Сойер с девочкой Бэкки долго бро-

дили по сцене и делали вид, что не могут найти выход из пещеры. Этому никто не поверил, все начали громко хихикать, и Эмме Глебовне вместе с двумя молоденькими вожатыми пришлось громко кричать: «Дети, внимание! Ти-ши-на!»

Зато сразу стало тихо, когда на сцену выскочили всадники в красных гимнастерках и буденовках и впереди всех Мальчиш-Кибальчиш (Петька Сухов из Джонниного класса). Всадники сперва спели песню про восемнадцатый год, а потом изобразили конную атаку. Им здорово хлопали, и никто даже не обратил внимания, что кони не настоящие, а палки с лошадиными головами. Потому что атака была настоящая.

Джонни все это было интересно. И все-таки он часто поворачивался и смотрел на Катю, которая сидела сзади. Его широкополая шляпа с перьями цеплялась за соседей, но они терпели, и никто не посоветовал Джонни снять свой пышный головной убор. Помнили вчерашний случай.

Но, оглянувшись двадцатый (или тридцатый) раз, Джонни встретился взглядом с Катей. Он даже не успел понять, какой у Кати взгляд: добрый или сердитый, серьезный или насмешливый. Он отвернулся так торопливо, что шляпные перья засвистели в воздухе. И больше не решался посмотреть назад.

Зато он скоро увидел Катю на сцене. Она воспитывала маленького Буратино: учила его хорошим манерам, письму и математике. Вы, конечно, помните, что из этого ничего не вышло. Кате пришлось отправить ученика в темный чулан, то есть за кулисы.

Потом она, легкая, как белый парашютик, прыгнула со сцены и мимо Джонни пошла на свое место. А Джонни услышал:

— Теперь выступит храбрый герой из книжки «Три мушкетера» Женя Воробьев!

Поднялся шум: смеялись и хлопали вперемежку. Джонни встал, стиснул зубы и пошел на сцену.

Он поднялся и встал у края.

Маленький зал показался ему громадным, как Лужники. А людей в нем будто сто тысяч! И все смотрели на Джонни. И почти все улыбались. Шпуня тоже улыбался — очень ехидно — и что-то говорил соседу в индейском уборе.

И Катя... нет, она не улыбалась. И на Джонни она не смотрела. Она сидела, опустив лицо. Почему? Может быть, решила, что сейчас все опять будут смеяться над ним, и пожалела? А может быть, просто не хотела на него смотреть?

Если так, то и не надо...

Джонни снял шляпу и широким взмахом бросил ее на рояль в углу сцены.

Разве мог Джонни подозревать, на какое вероломство способны его враги?!

Раздался смех, но тут же стих. Потому что даже самые непонятливые сообразили: не для того Джонни сбросил шляпу, чтобы дать посмеяться над собой.

Джонни расстегнул на плече мушкетерскую накидку, сбросил, скомкал и швырнул вслед за шляпой. Он остался в старенькой клетчатой рубашке, в которой пробегал все прошлое лето.

Сделалось совсем тихо. Стало слышно даже, как в соседнем переулке стучит мотор маленького экскаватора.

Джонни шагнул еще ближе к краю и сунул кулаки в карманы — так решительно, что от штанины отскочила и укатилась под ряды блестящая пуговица. На нее не обратили внимания.

Джонни отчетливо и звонко сказал:

Не нужны ни локоны до плеч,
Ни большая шляпа и ни шпоры —
Лишь бы мушкетер умел беречь
Боевое званье мушкетера...

Он вздохнул, успокоился и стал читать дальше:

Мушкетер известен не плащом
И не шпагой, острой, как иголка.
Мушкетеры могут быть хоть в чем:
В запыленных кедах и футболках...

Джонни замолчал на две секунды. Зал тоже молчал. И ждал. И у всех были серьезные лица. Только Шпуня еще слегка ухмылялся.

Джонни посмотрел на Шпуню, тоже усмехнулся (чуть-чуть) и продекламировал:

Честь и смелость сами не придут,
Хоть надень оружие любое.
Ведь и кольт на кожаном заду
Сам собой не делает ковбоя...

Он опять замолчал, чтобы перевести дыхание, и с удовольствием услышал несколько отчетливых смешков. И увидел, как головы поворачиваются к Шпуне.

Кружева и локоны — пустяк.
Главное — не растерять отвагу, —

сказал Джонни. И закончил, уже не глядя на Шпуню (чего на него теперь смотреть):

...А червяк — он все равно червяк,
Если даже он прямой, как шпага.

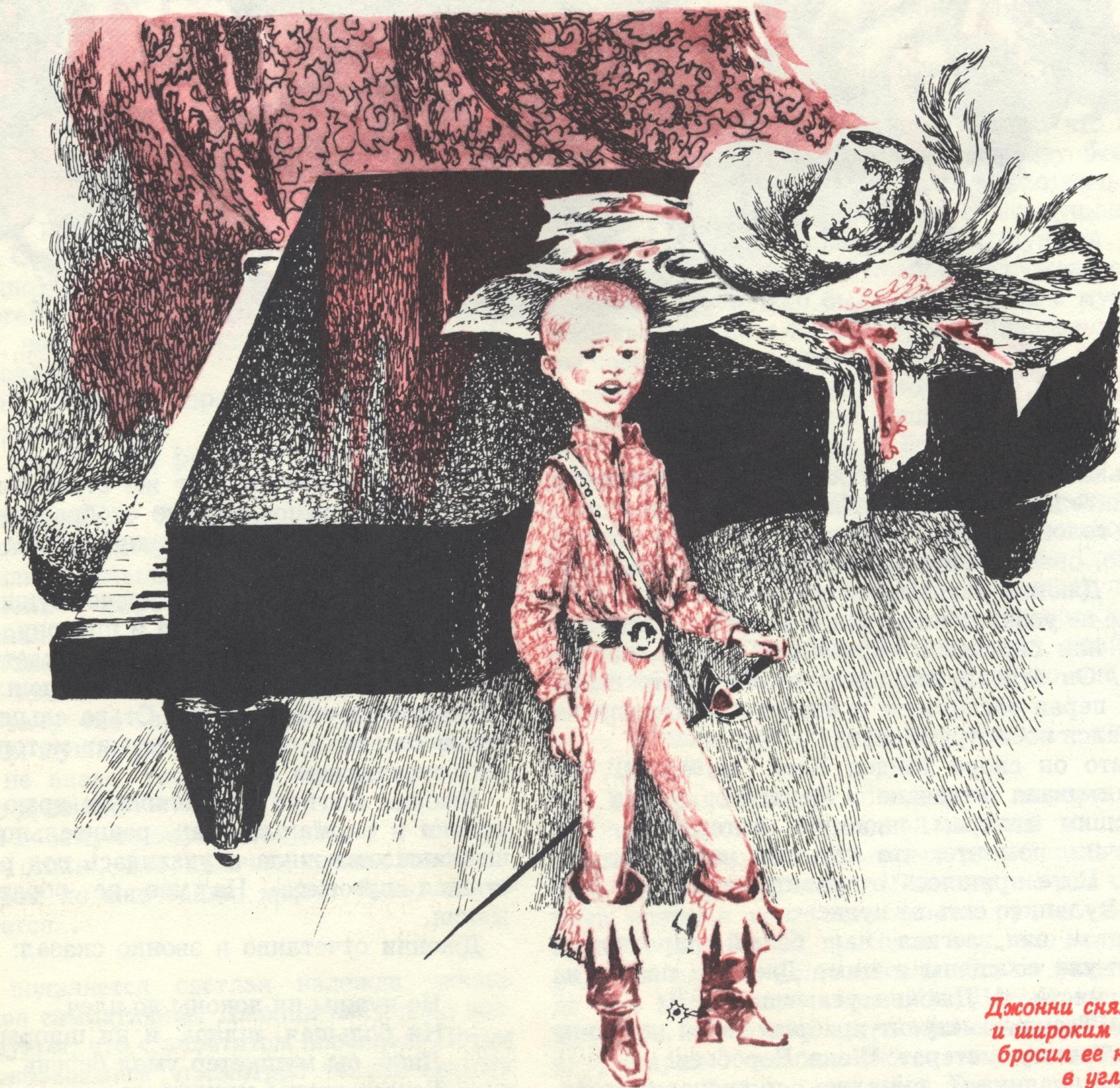
И опять стало тихо. И в этой тишине Джоннины адъютанты успели два раза негромко, но внятно сказать:

— Чир-рвяк. Чир-рвяк...

Потом все захлопали. Сильнее, сильнее! И шумели и смеялись, но теперь уже, конечно, не над Джонни. А он хладнокровно забрал с рояля свое имущество и пошел на место. Он держался свободно и смело. Он храбро посмотрел на Катю. Она тоже смеялась и хлопала. И не отвела глаз, когда увидела, что Джонни на нее смотрит. Он почувствовал, что уши делаются теплыми, и поскорее сел на свой стул.

...Потом лучших участников приглашали на сцену, и Эмма Глебовна вручала призы. Джонни получил большой альбом для марок. Это был, кажется, не самый главный приз, но все равно Джонни чувствовал себя победителем.

Но победа победой, а с Катей он так и не познакомился. Ни на сцене, ни в зале они не были рядом. А праздник кончился, и время уходило.

Джонни снял шляпу и широким взмахом бросил ее на рояль в углу сцены.

В раздевалке была толкотня и неразбериха. Гномы, пираты и Красные Шапочки превращались в обыкновенных людей — натягивали пальто и шапки. Джонни тоже оделся. Затолкал в сумку сапоги и накидку. Он отпустил адъютантов, а сам с сумкой, шляпой и альбомом толкался у дверей. Оставался у него последний шанс: увидеть Катю, выйти, будто случайно, с ней вместе на улицу и о чем-нибудь спросить. Ну, например: «Ты не знаешь, завтра библиотека открыта или там выходной?» А дальше видно будет. Лишь бы тот маленький Буратино не вздумал крутиться рядом.

Джонни смотрел во все глаза. Но пока смотрел, не заметил, что Катя оказалась рядом. Совсем-совсем рядом. Непонятно, откуда. Она осторожно дернула Джонни за рукав.

Джонни обернулся и в первый миг даже не понял, что это Катя: она была без голубых волос, в шапочке и синей мальчишечьей курточке.

Катя протянула открытую ладошку с блестящей пуговицей от Джонниных мушкетерских штанов. Посмотрела ему в глаза, мигнула, отвернулась и тихонько сказала:

— Смотри... Это твоя?

— Ага, — пробормотал Джонни. Глотнул воздух и глупо спросил: — А где ты взяла?

— На полу валялась. Жалко, если потеряется...

— Да чепуха, — сказал Джонни, внимательно разглядывая пуговицу и не догадываясь взять. — Теперь уж костюм не нужен.

— Ну, все равно жалко... Такая красивая.

Джонни наконец сообразил, что надо взять пуговицу и сказать спасибо.

— Пожалуйста, — шепотом ответила Катя.

— А где ты ее взяла? — опять спросил Джонни и проклял себя за скудоумие.

У Кати порозовели кончики ушей, и она опять объяснила, что нашла пуговицу на полу в зале.

«Что еще сказать? — думал Джонни, глядя на свои ботинки. — Ну, что? Что? Что?» В голове у него была темная просторная пустота, и в ней, как коротенькие телеграфные ленточки с обрывками слов и предложений, носились клочки растрепанных мыслей. Джонни хотел посмотреть Кате в глаза, но решился взглянуть только на подбородок.

Катя чуть заметно вздохнула.

Джонни понял, что сейчас она уйдет. И почувствовал, что если он сию минуту не скажет что-нибудь умное, то будет ненавидеть себя до пенсионного возраста.

А что сказать?!!

И в этот отчаянный миг появился Шпуня!

Дорогой, милый спаситель Шпуня! Джонни разом простил ему все пакости. Потому что Шпуня вместе со своими индейцами прошел совсем рядом и довольно громко сказал своим приятелям насчет жениха и невесты.

Джонни поднял голову. Все встало на свои места. Катя смотрела растерянно, а Джонни смело глянул ей в лицо и улыбнулся.

— Подержи, пожалуйста, — попросил он и протянул Кате альбом, сумку и шляпу.

Потом догнал Шпуню и вежливо предложил ему пройти в угол за вешалки.

Через полминуты в углу возникло стремительное движение, от которого пальто на вешалках закачались и замахали рукавами. Потом оттуда торопливо вышел Шпуня, он прижимал к носу ладонь. Чуть погодя вышел Джонни. Он продолжал улыбаться и незаметно потирал правую щеку.

Катя ждала.

— Мы немножко поговорили со Шпуней, — объяснил Джонни.

Катя деликатно не заметила, что скула у него слегка потемнела.

— Какой замечательный альбом, — сказала она, отдавая Джонни имущество.

— Он, наверно, замечательный, — откликнулся Джонни. — Только зачем он мне?

— Разве ты не собираешь марки? — удивилась Катя.

Джонни считал собирание марок занятием легкомысленным и бесполезным. Он хотел примерно так и ответить, но спохватился.

— А ты собираешь?

— Конечно! Я всякие собираю: про зверей, про цветы, про знаменитых людей. Наши и заграничные. У меня больше тысячи.

— Тогда бери! — радостно сказал Джонни.

— Ну, что ты! Это же твоя награда...

— Зачем мне такая бесполезная награда? А тебе пригодится.

Катя посмотрела на Джонни, на альбом, потом опять на Джонни. Вздохнула и покачала головой.

— Нет, я так не могу.

— Но почему? — отчаянно спросил Джонни.

— Ну... Не знаю... Давай меняться на что-нибудь!

— Давай! — обрадовался Джонни. — Хоть на что!

— Ты что-нибудь собираешь?

— Автомобильчики. Знаешь, такие модельки. У них мотор и багажник открываются.

— А какие автомобильчики? Современные или старинные?

— Всякие, — соврал Джонни. Старинных у него не было.

— У меня есть один, — обрадовалась Катя. — Смешной такой, на коляску похож. На них еще до революции ездили. Меняем?

— Давай... А как?

— Очень просто. Пойдем сейчас ко мне, и посмотришь. Если хочешь...

«Конечно, хочу!» — едва не завопил Джонни. Но помолчал секунду и сдержанно сказал:

— Пойдем.

Был такой прекрасный весенний день, что даже серые заборы казались разноцветными. Солнце припекало. У Дома пионеров на широком асфальте девчонки и два первоклассника

расчертили классы и прыгали, скинув пальто и куртки. Катя и Джонни обошли их, чтобы не мешать, и зашагали к новым домам. Джонни нес шляпу в опущенной руке, и пышные перья чиркали по сверкающим лужицам. Но он не обращал внимания. Он сбоку поглядывал на Катю.

Катя посмотрела вверх, на маленькие пушистые облака, и вдруг сказала:

— Ты, наверно, не поверишь, но я, честное слово, вчера видела на солнцепеке настоящую живую бабочку.

— Что ты, я верю! — торопливо сказал Джонни.

— Жаль только, если она замерзнет ночью.

— Может, не замерзнет, — откликнулся Джонни. — Может, залетит куда-нибудь в тепло и переночует. И дождется, когда не будет холода.

Им одинаково хотелось, чтобы ранняя смелая бабочка дождалась настоящей весны. Они это чувствовали. И было приятно вдвоем тревожиться об одном и том же.

— Ты в какой школе учишься? — спросил Джонни.

— В пятой.

— А почему не в нашей, не во второй? Она ближе.

— Мама не хочет.

«Странная мама», — подумал Джонни. Но тут же забыл об этом, потому что Катя спросила:

— Хороший был праздник, верно?

— Хороший, — согласился Джонни. — Жаль, что быстро кончился.

— Ты здорово стихи читал, — сказала Катя.

— Это один мой друг из восьмого класса написал, — слегка прихвастнул Джонни. — Он как настоящий поэт стихи сочиняет. Особенно про любовь...

Потом они целый квартал шли молча, но это было не трудное молчание. Просто шли, поглядывали друг на друга и улыбались.

Наконец оказались у двенадцатиэтажного дома.

— Лифт не работает, — вздохнула Катя. — Придется топать на восьмой этаж.

— Дотопаем, — бодро сказал Джонни.

Они зашагали по лестнице, и перья Джонниной шляпы оставляли на ступеньках влажные полоски.

— Смотри, они мокрые, — сказала Катя. — Вдруг испортятся?

— Ну и пусть. Все равно карнавал кончился.

— Но он же не последний.

— А у меня другой костюм есть, — признался Джонни. — Буратино... Вот если я его в следующий раз надену, окажется, что мы из одной книжки. Ага?

Катя улыбнулась и кивнула.

— Да нет... — вдруг огорчился Джонни. — У тебя же есть знакомый Буратино. Который сегодня...

— А, это Вовка, — весело сказала Катя. — Мой двоюродный брат.

«Сколько у нее двоюродных братьев!» — подумал Джонни, вспомнив Тимофея.

— Мы его можем пуделем Артемоном нарядить, — предложила Катя. — У него собачья маска есть, и он здорово умеет тявкать.

Такой вариант вполне устраивал Джонни.

— А знаешь, — вдруг сказала Катя, — у меня Мальвинин костюм случайно получился. Я хотела быть Золушкой, но недавно, когда стирала, уронила в синьку мамин парик... Сперва она не знала, а через несколько дней увидела. Представляешь, какой был скандал?

— Представляю, — посочувствовал Джонни. — У моей двоюродной сестры есть парик, и она над ним трясется, как над любимой кошкой.

— Мама не тряслась, это был старый парик. Но она, оказывается, в тот день пообещала его какому-то мальчику в своем классе. Тоже для костюма...

Джонни не дрогнул. А если у него внутри и вздрогнуло что-то, он не подал вида. Они стояли уже на площадке восьмого этажа перед дверью, и Джонни не сделал ни полшажочка назад. Он только тихо спросил:

— Катя, как зовут твою маму?

Но Катя не успела ответить. После короткого звонка сразу открылась дверь, и Катина мама изумленно глянула на гостя.

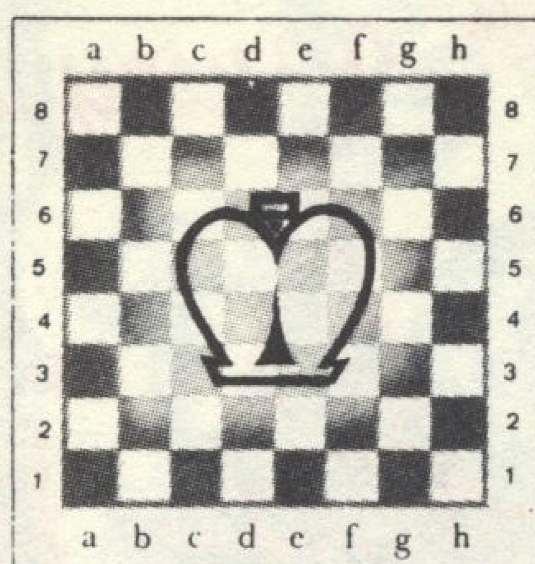
— Это Женя Воробьев, — сообщила Катя. — Мы познакомились на празднике. Мамочка, мы хотим есть...

И тогда Джонни улыбнулся. Может быть, у него была слегка растерянная улыбка, но никто из посторонних не мог бы это заметить. Может быть, чуть виноватая была улыбка, но про это знал только сам Джонни.

Он улыбнулся и сообщил:

— Здравствуйте. Я пришел сказать, что уже не сержусь.

КОНЕЦ

ВОСЕМЬДЕСЯТ ЗАДАЧ

Сережа Быков из Волгограда прислал Пешкину такое письмо: «Недавно я стал составлять шахматные задачи. Получаются они у меня быстро. Составил уже восемьдесят задач».

Сережа прислал и несколько своих задач. Но Пешкину задачи эти показались неинтересными, решаются они слишком просто, к цели ведут очевидные ходы: шахи или взятие фигур.

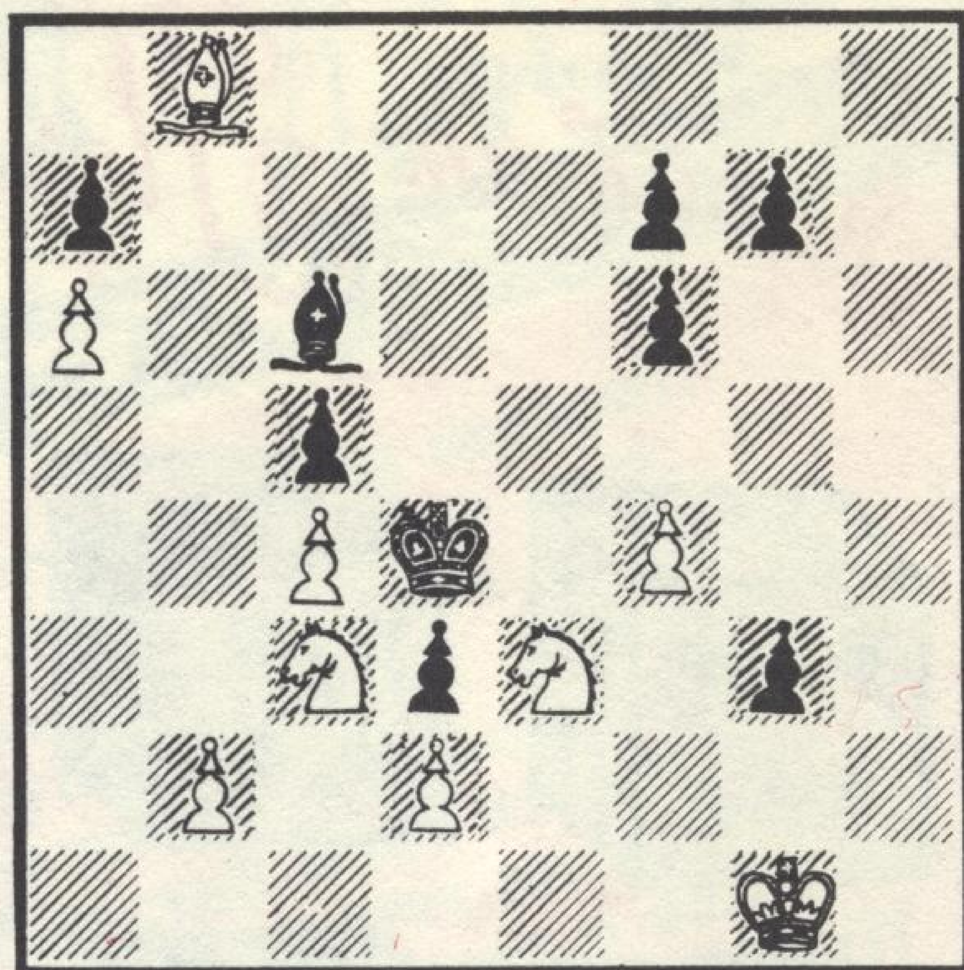
Пешкин советует ребятам не торопиться, составляя задачи, тщательно проверять все позиции. Задачи должны решаться красивыми, неожиданными продолжениями. Он приглашает их принять участие в наших конкурсах. Решая задачи Пешкина, можно многому научиться!

СПОР СО СТЕЙНИЦЕМ

История, которую вы сейчас узнаете, произошла много лет назад. Знаменитый составитель задач С. Лойд поспорил в шахматном клубе с первым чемпионом мира В. Стейницем. Лойд утверждал, что он тут же, в клубе, составит задачу и на это ему понадобится меньше времени, чем Стейницу на решение этой задачи.

Прошло десять минут, и задача была готова. А Стейниц? Стейниц решил ее... за пять минут!

Через несколько дней шахматисты продолжили спор.

Лойд придумал еще одну задачу. Стейниц должен был найти все варианты ее решения.

— Мат достигается в четыре хода, — сказал Лойд.

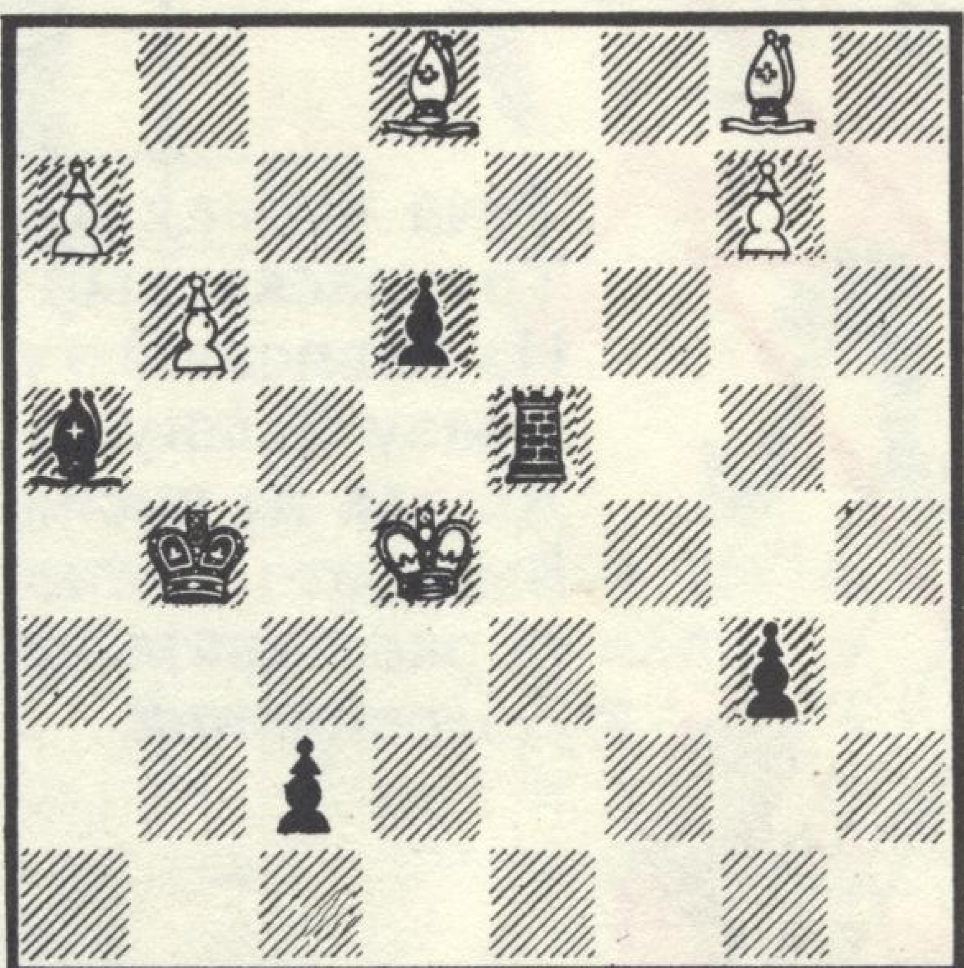
Стейниц показал такое продолжение:
1. Cb8-d6, затем слон переводится на f8 и g7, и мат в четыре хода неизбежен.

Проверьте этот план, и вы убедитесь, что он правилен. И все же Стейниц потерпел поражение в споре. Он не сказал о таком варианте:
1. Cb8—d6 Cc6—h1, и если 2. Cd6—f8, то 2... g3—g2. Теперь невозможно 3. Cf8:g7 из-за пата.

Как же решается задача при ходе 1... Cc6—h1?

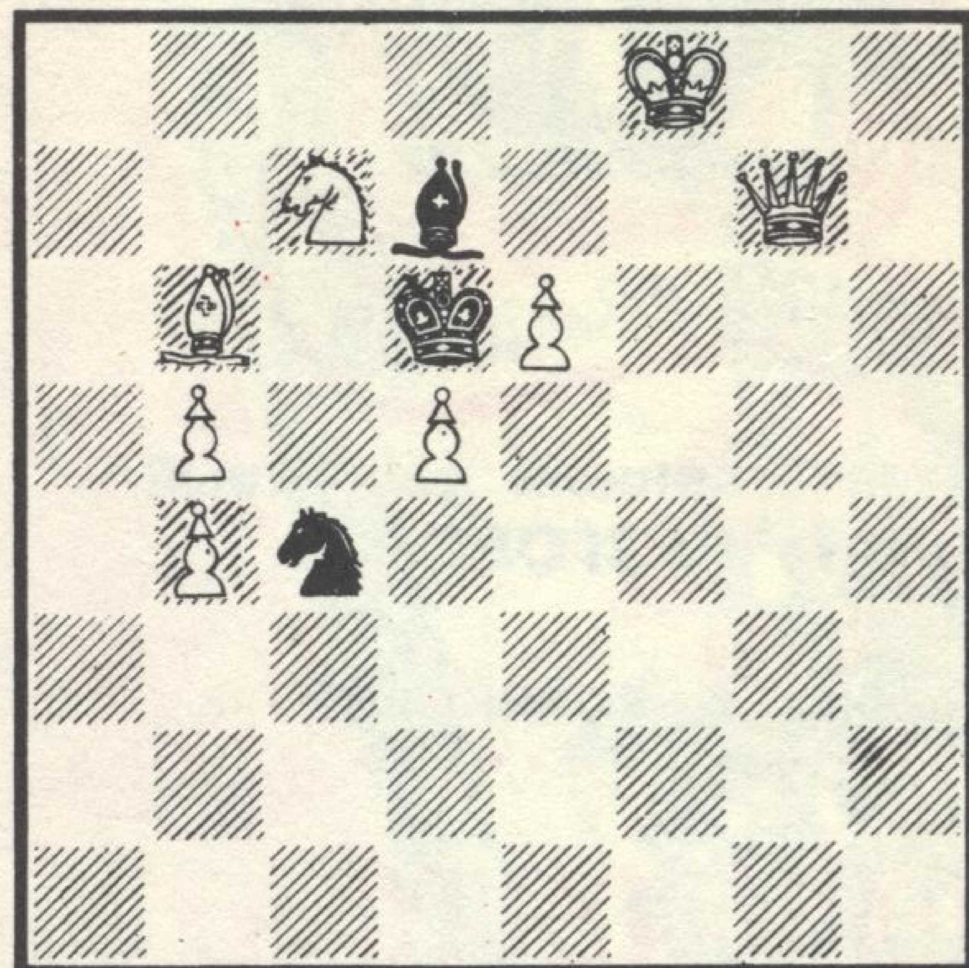
КОНКУРС ПЕШКИНА

Андрей Черников занимается в детско-юношеской спортивной школе № 2 города Прокопьевска. Он перворазрядник, увлекается шахматной композицией. Один из этюдов Андрея Пешкин включил в свой конкурс.

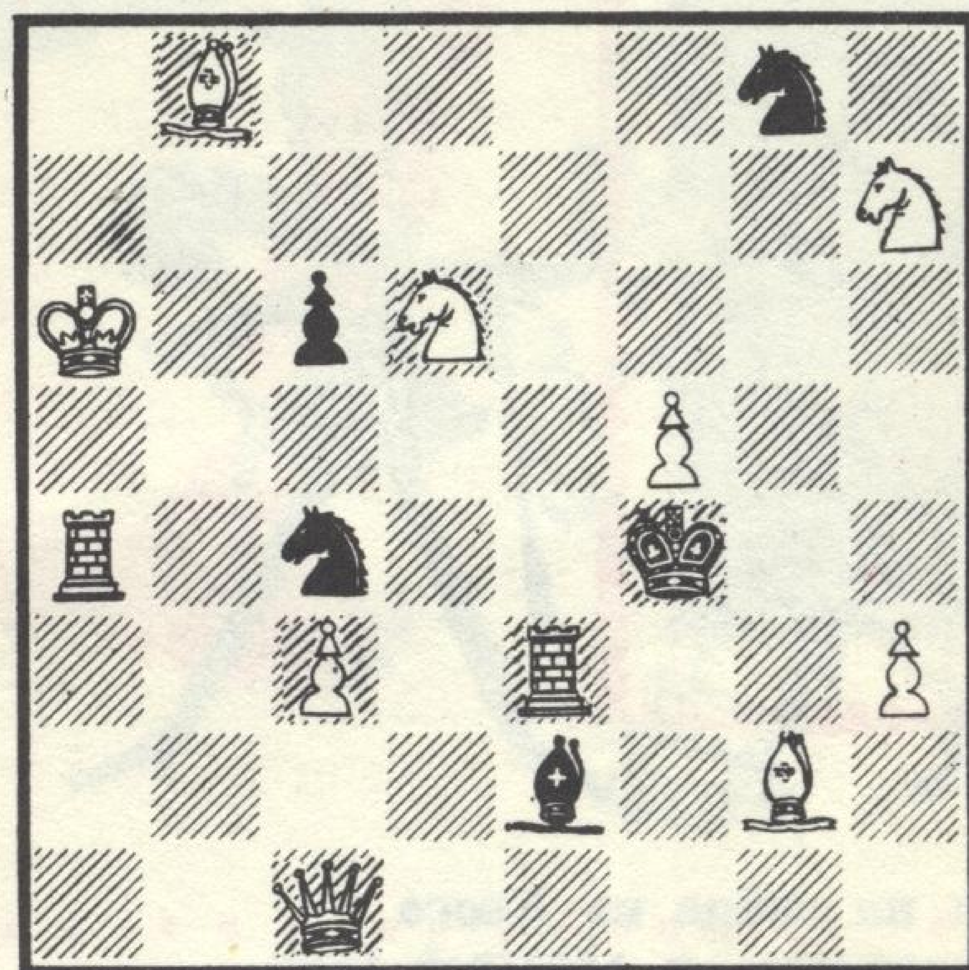

Найдите, как белые, начиная игру, добиваются победы.

Этюд этот трудный, решить его не просто. Во всяком случае, очевидный ход 1. a7 — a8Ф ведет даже к проигрышу белых после 1... c2—c1Ф.

В этом положении белые, начиная игру, дают мат в два хода.

И это задача-двухходовка. В ней много красивых вариантов.

ПРОВЕРЬТЕ СВОИ РЕШЕНИЯ

Решения задач из № 2.
Двухходовка — 1. Ke4 — f6!
Трехходовка — 1. Ch2 — g1.
Решения из № 3.
В конкурсных заданиях к цели ведут такие продолжения:

Этюд — 1. Kpa8 — b7! a6 — a5 2. Kpb7 — c7 Kpb5 — c5 3. Kpc7 — d7 Kpc5 — d5 4. Kpd7 — e7 Kpd5 — e4 5. Kpe7 — e6! Kpe4:f4 6. Kpe6 — d5. Ничья.

Задача Лойда. 1. Фc2 — h7 (при изменениях позиции 1. Фc2 — g6, Фc2 — f5, Фc2 — e4).

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Верхом на зайце

Игры Луны и Пинцета

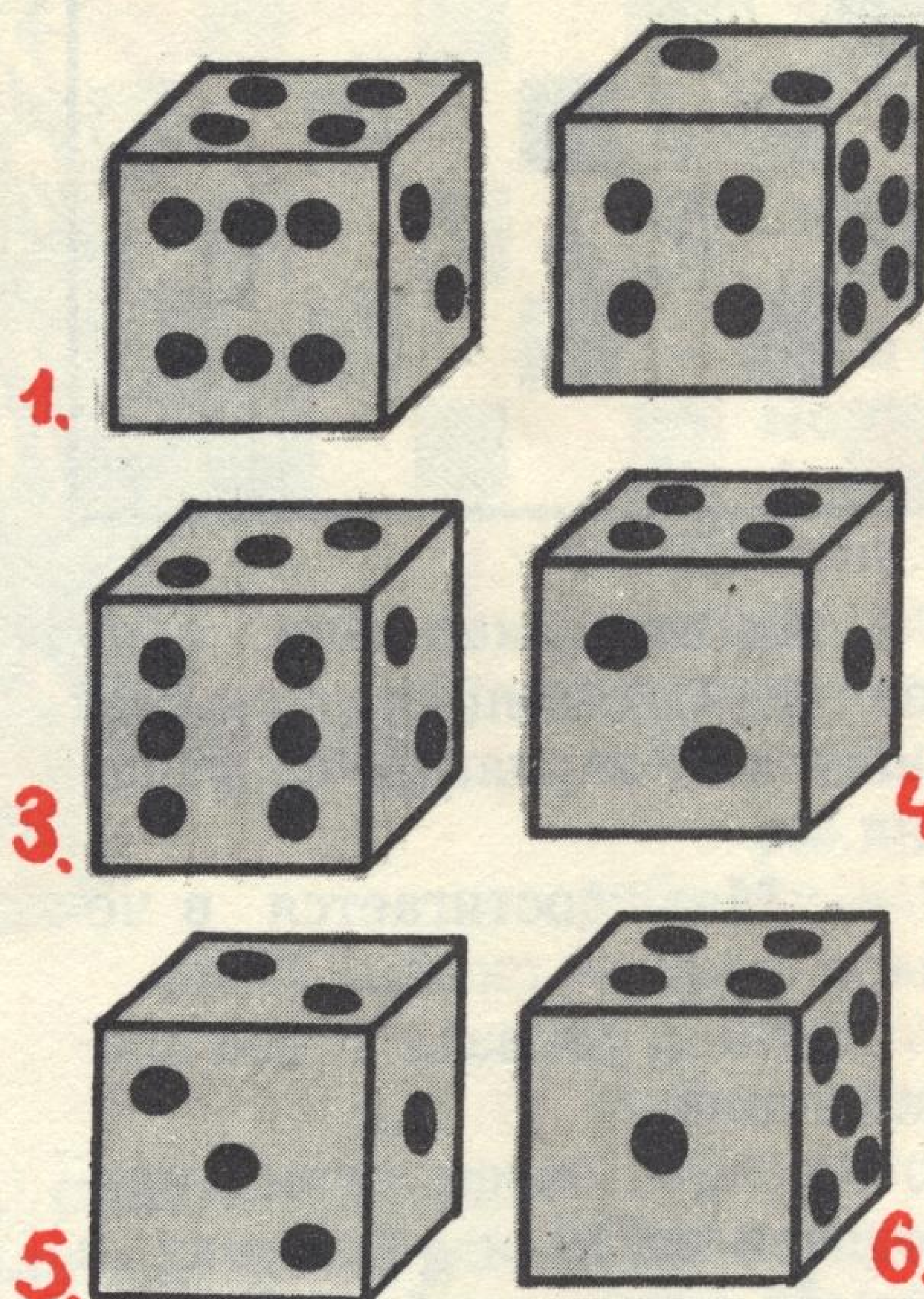

Верхом на зайце из Лаоса
Я отправляюсь в дальний путь.
Сообразить не так-то просто,
Где ехать прямо, где свернуть.
Маршрут продумать очень важно,
И я советуюсь с тобой:
Как больше стран увидеть, дважды
Не посещая ни одной.

Совет Живживки: девочка совершит путешествие по Азии и Европе и вернется домой.

Капитан Перо ищет помощника

Этот маленький бумажный кубик — пропуск в клуб Резинок. Все кубики-пропуска одинаковые. Перед вами шесть кубиков. Один из них отличается от других: деления на нем нанесены иначе. Это поддельный пропуск, изготовленный Карандашами для того, чтобы проникнуть в клуб Резинок. Найдите его!

Капитан Перо ищет помощника

Туча черная нависла,
Трехраскатный грянул гром.
Из нависшей тучи числа
Сразу хлынули дождем!
Дождь из чисел?! Но не спорьте,
Было это или нет!
А расставьте их в кроссворде!
До свиданья.

Всем привет!

Живживка

Ералаш

Игры деда Буквоеда

Фокстерьер коня седлает,
Богатырь на кошку лает.
Мальчуган юркнул в дупло,
Бурундук разбил стекло.
Шахматист слезает с дуба,
Горностай идет из клуба.
Рыболов растет на грядке,
Лук-порей живет в палатке.
Альпинист залез на штору,
Паучок штурмует гору.
Кулинар вспорхнул на ель,
Шустрый клест сварил кисель.
Садовод торчит из хвои,
Мухомор полил левкои.
Это что за ералаш?!
Заточите карандаш!
Я приказываю вам:
Все расставьте по местам!

Дед Буквоед

ералаш

гав! гав-гав-гав

Советы Капитана Перо: все числа должны разместиться в клетках кроссворда. Вписывать их надо словами: «один», «два» и т. д. А смог бы ты на глаз определить, где в кроссворде клетки для чисел «три», «два», «восемь», «тысяча»?

ОТВЕТЫ ИЗ № 2

Игры Деда Буквоеда. Две синицы и два паука, если читать одни только рифмы.

Игры Лупы и Пинцета. В нижнем ряду на первом кусочке месяц смотрит в другую сторону по сравнению со всеми остальными, марка была напечатана «наоборот», с ошибкой.

Капитан Перо ищет помощника. Если изгнать медведя, пантеру, кабана, гориллу и дикобраза, останется приказ «сбор в пятницу на дворе».

ОТВЕТ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 3

Дед Буквоед благодарит всех ребят за присланные ответы.

СОДЕРЖАНИЕ

●

Главный редактор С. А. ФУРИН.

Технический редактор **В. Н. ВЕСЕЛОВСКАЯ.**
Макет **Ю. Л. РОДИНА.**

Адрес для писем: **101459. ГСП-4. Москва, А-15. Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 253-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 26/I 1978 г. А 01373.
Подписано к печати 24/II 1978 г. Формат 84×60¹/₈.
Усл. печ. л. 9,33. Учетно-изд. л. 11,24.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 560. Заказ № 1872.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

17 АПРЕЛЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 60 ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ПОЖАРНОЙ ОХРАНЕ

Теплоотражательный костюм пожарного.

МУЖЕСТВЕННЫЕ, СМЕЛЫЕ

Автомобиль-тягач.
Он заменяет десять обычных пожарных машин.
Его цистерна вмещает двадцать шесть тонн воды и две тонны пенообразователя,
а работают на нем всего четыре человека.

Огонь — наш друг. Но порой он становится опасным врагом, истребляющим все на своем пути. И тогда на помощь нам приходят смелые и мужественные люди, нередко рискующие своей жизнью, — пожарные. Сейчас много сделано, чтобы защитить пожарных от огня. Они вооружены самой мощной техникой (здесь ты видишь ее), одеты в костюм, который защищает от лучистой энергии.

Управлять такими машинами не всякий сможет. Поэтому, чтобы стать квалифицированным пожарным, нужно окончить пожарно-техническое училище, в которое принимают только после окончания десяти классов.

Но многие ребята в нашей стране постигают пожарное дело гораздо раньше в дружинах юных друзей пожарных. В таких дружинах занимается больше двух миллионов ребят.

Раз в два года во Всероссийском пионерском лагере «Орленок» проводятся соревнования юных пожарных. Они участвуют и в военно-спортивной игре «Зарница».

В Международном пионерском лагере имени Митко Палаузова в Болгарии проходили международные соревнования по пожарно-прикладному мастерству между ребятами пяти стран — Болгарии, Венгерской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Советского Союза и Чехословакии.

17 апреля этого года исполняется 60 лет со дня создания советской пожарной охраны — в этот день В. И. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров «Об организации государственных мер борьбы с огнем».

Мы сердечно поздравляем наших мужественных и смелых пожарных с их славным юбилеем.

Ю. ГОЛОВНЕВА.

Фотографии Фотохроники ТАСС

Это складные лестницы. Они выдвигаются на нужную высоту и поднимают пожарных.

Автомобиль газо-водяного тушения пожаров на буровой.

Медуница,

Сон-трава

Первоцвет

Ветреница

Уносите цветы в своем сердце.

ОПЕРАЦИЯ «ПОДСНЕЖНИК»

В ЗАЩИТУ ПЕРВОЦВЕТОВ

УЗНАЕТЕ? МЕДУНИЦА, ВЕТРЕНИЦА, БАРАНЧИК, СОН-ТРАВА. ЭТИ ПЛАКАТЫ В ЗАЩИТУ ПЕРВОЦВЕТОВ НАРИСОВАЛИ РЕБЯТА ИЗ 262-Й МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ И ПОВЕСИЛИ ИХ В ФИЛЕВСКОМ ПАРКЕ. РЕБЯТАМ ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ СОХРАНИТЬ В СВОЕМ ПАРКЕ ПОДСНЕЖНИКИ — ВЕДЬ ИХ ТАМ ЕЩЕ МЕНЬШЕ, ЧЕМ В ЛЕСУ.

И В ГОРОДЕ ОБНИНСКЕ В ШКОЛАХ ПРОШЛИ КОНКУРСЫ НА ЛУЧШИЙ ПЛАКАТ В ЗАЩИТУ ПЕРВОЦВЕТОВ. ВОТ НЕКОТОРЫЕ РАБОТЫ ОБНИНСКИХ ШКОЛЬНИКОВ.

ХОЧЕШЬ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В КОНКУРСЕ ПЛАКАТОВ? ПРИСЫЛАЙ ИХ НАМ.

МНОГО ЦВЕТОВ - НЕ РВИ
МАЛО ЦВЕТОВ - БЕРЕГИ,
НЕТ ЦВЕТОВ - ПОСАДИ!

6 В

БЕРЕГИТЕ РАННЕЦВЕТУЩИЕ РАСТЕНИЯ!

ОХРАНЯЙТЕ ПЕРВЫЕ ЦВЕТЫ